
Дж. Беннетт

Беседы о "Рассказах Вельзевула"

Содержание

Пролог

Предисловие

Часть первая ИСТОРИЯ

Проблески Истины

Пробуждение Мысли

Сценарий

Вельзевул как история

Согласующая сила в Истории

Часть вторая КОСМОЛОГИЯ

Гарнельмиацнел - Смешивание

Значение Эволюции

Гарнельмиацнел - трансформация вещества

Геомертмалогос, Энергии и Эфирокрилно

Часть третья КОСМОГОНИЯ

Святая Планета Чистилище

Обсуждение

Безжалостный Геропасс

Закон семи

Часть четвертая

РАБОТА

Работа над собой

Сознательность

Единение с Источником

Священный Аскокин. Абрустдонис и Хелькдонис

Джартклом

Бытие-Партдолг-Обязанность - сознательный труд и преднамеренные страдания

Обсуждение

Часть пятая РЕАЛЬНОСТЬ

Катаклизм, не соответствующий закону

Фрагменты

Эпилог

Пролог

Уже за полночь. Почти два часа подряд пятнадцать или двадцать английских и американских учеников слушали чтение главы из Второй Серии его книг. В другой комнате, двадцать пять или тридцать учеников из французской группы слушали то же самое на французском. Теперь те из нас, кто смог уместиться в небольшую столовую, сидят за общим столом, а остальные устроились ужинать на полу в соседней комнате, где проходило чтение на французском.

Вокруг практически нет незнакомых лиц, за исключением двух сидящих справа от него на почетных местах гостей из Греции, которых мы видели в первый раз. Кроме того, на встречу пришли два новых ученика из Америки, но большинству из нас они знакомы очень давно. Хотя в комнате яблоку некуда упасть, нет никакой суеты, поскольку посуда была расставлена заранее, а те, кто стоял сзади, за полкой камина, потихоньку передавали блюда вперед.

Внимание всех обращено к Гурджиеву. Трапеза достигла своей долгожданной кульминации. Был поднят тост, который одновременно служил проповедью, и сколько бы ее ни повторяли, с каждым разом, в ней чувствовалось все больше драматического смысла. "У каждого человека должна быть цель. Если у вас нет цели, вы не человек. Я назову вам очень простую цель: умереть достойной смертью. Каждый может без излишнего философствования поставить перед собой цель не подохнуть как собака". Затем он просит кого-то из присутствующих объяснить, что это значит. Ответ был такой: "Только тот может умереть достойно, кто в течение жизни работал над собой. Тот, кто не работает над собой, рано или поздно, подохнет как паршивая собака". Выслушав, Гурджиев отметил, что именно в этом заключается первая и самая простая цель человека, и только достигнув ее, можно браться за что-либо более возвышенное. Как обычно, Гурджиев превращает обсуждение в шутку, и уже через минуту по аудитории прокатилась волна смеха над очередной историей о национальных особенностях англичан. Тем не менее, у всех осталось впечатление о чрезвычайной серьезности человеческой ситуации, о нашем выборе между жизнью и смертью.

Ужин продолжался, и, беседуя с одним из недавно прибывших учеников, Гурджиев неожиданно сказал: "Я назову вам первую заповедь Бога человеку. Это не одна из заповедей, данных Моисею, поскольку они относятся к избранному народу. Заповедь, которую я имею в виду, входит в число универсальных заповедей, существовавших всегда. Их много, наверное, двадцать, но я назову вам первую. "Пусть рука руку моет". Одной руке очень сложно мыть саму себя, но если одна рука моет другую, то обе становятся чистыми". Эти простые слова были сказаны так проникновенно, что пробрали эгоизм в каждом из нас до самых его корней. Мы смотрим друг на друга, хотя и по-разному, но с общим пониманием того, что поодиночке мы бессильны; нас объединяет нечто большее, чем дружба, раса или конфессия. Даже совершенно не знакомые

нам люди, которых мы видели всего каких-нибудь полчаса, объединились с нами в общем понимании.

Гурджиев очень устал. Он с трудом ест. Воцарилось продолжительное безмолвие. Кто-то задает ему вопрос о публикации Вельзевула. Он говорит о своих книгах и называет их своими солдатами. При помощи них, он будет воевать со старым миром. Для того чтобы мог родиться новый мир старый мир должен быть разрушен. Гурджиев сказал кроме того, что его книги обретут много друзей, но также и много врагов. Когда книги будут опубликованы, он исчезнет. Возможно, он больше не вернется. Мы стали возражать, утверждая, что не сможем работать без него. Если он исчезнет, мы последуем за ним. Он улыбается и говорит: "Возможно, вы меня не найдете".

Ужин закончился, принесли кофе. Гурджиев посылает за своим любимым музыкальным инструментом, маленьким специально изготовленным органом, и играет длинный хорал на греческий манер. Мы покидаем столовую в 2:30. Три гостя, собиравшиеся отправиться ранним утром в Англию, покинули нас через несколько часов, нагруженные гостинцами для своих семей.

Дж. Г. Беннетт, 1950

Предисловие

Этот пролог был написан Дж. Г. Беннеттом в 1955 году для серии очерков, посвященных идеям Гурджиева. Сами очерки распространялись среди учеников, но так никогда и не были изданы. Та их часть, которая относится к книге Рассказы Вельзевула (Все и Вся), включена в настоящую монографию и, по-видимому, была написана в 1948 году, незадолго до смерти Гурджиева. Беннетт позже писал:

"В 1949 году Гурджиев жил в Париже, и его ученики приезжали к нему со всего мира. Подавляющее большинство, впрочем, составляли англичане. Это были, в основном, ученики трех групп, возглавляемых Джейн Хип, Кеннет Уокер и мной. Я старался как можно чаще бывать в Париже, и раз в неделю проводил встречи в Денисон Хаус, недалеко от станции Виктория, для тех, кому было трудно ездить в Париж. В то время Гурджиев собирался приехать в Лондон, и говорил, что хотел бы, что бы к его приезду ученики ознакомились с Рассказами Вельзевула своему внуку. В связи с этим, мы каждую неделю проводили чтения этой книги.

При встрече, я сказал Гурджиеву, что многие просили меня разъяснить смысл трудных слов и еще более трудных для понимания мыслей. Он ответил, что я должен стараться делать это как можно лучше, поскольку он сможет сказать то, что хочет, только ученикам, которые внимательнейшим образом изучили Рассказы Вельзевула".

В июне и июле 1949 года Беннетт прочел шесть лекций, прежде чем надолго отправиться в Париж, за три месяца до смерти Гурджиева. Тем не менее,

Беннетт начал готовить эти лекции к изданию только в 1973 году: " не смотря на развитие моего собственного понимание с тех пор. Тогда я почти каждую неделю встречался с Гурджиевым, и находился под большим влиянием наших с ним многочисленных бесед о его книгах и планах на будущее".

Проект был заброшен. Две сохранившиеся лекции не представляют особого интереса, но в их продолжении, написанном в 1950 году, есть много очень важных идей.

"Необычайные и потрясающие идеи Рассказов Вельзевула оказали на меня такое глубокое впечатление, что я ожидал настоящего ажиотажа среди всех, ищущих новые концепции Бога, Мира и Человека. Однако, книга, вышедшая через год после моих лекций, не получила практически никакого признания, кроме как у тех, кто уже интересовался идеями Гурджиева. Эта книга слишком трудна для неподготовленного читателя, но изложенные в ней мысли важны для каждого человека".

Беннетт никогда не претендовал на полную посвященность в смысл Рассказов Вельзевула, хотя довольно часто цитировал слова самого Гурджиева о том, что настоящим посвящением следует считать самопосвящение, заключающееся в понимании. Именно об этом пойдет речь в главе "Проблески Истины". В течение двадцати лет Беннетт пытался постичь смысл этой книги и помочь другим понять ее. В то же время, помимо записок Ореджа, опубликованных Ноттом в книге Дневник ученика, никаких серьезных комментариев к Рассказам Вельзевула к настоящему моменту не было издано. Вообще говоря, это странно, поскольку, вне всяких сомнений, это одна из наиболее важных книг, написанных за последние сто лет. Много лет назад, Профессор Дэни Сора,¹ написал Бен-нетту, что Рассказы Вельзевула представляют собой новую мифологию, создание которой под силу только неземному разуму. С другой стороны, толковать такую книгу исключительно трудно. Обычные очерки критиков, такие, как, например, серия статей о Гурджиеве в ежеквартальном

1 Denis Saurat.

журнале *Studies in Comparative Religion*,¹ выглядят совершенно несерьезно. По своей сложности и запутанности, как алхимический текст, по своей остроте и здравомыслию, как хроника Рабле, по своему масштабу, как монументальная работа исторического анализа, по своей страстности, как проповедь, по своей сострадательности, как нечто почти священное, Рассказы Вельзевула выходят за рамки всех обычных произведений. Эта книга является проявлением нового, или очень древнего, образа мышления, исходящего из самых глубин нашей природы.

В конце своей жизни, работая в Шерборн Хаус,² Беннетт провел много бесед о смысле Рассказов Вельзевула, и, к счастью, основная их часть была записана. Эти беседы были включены в настоящую монографию. Я также включил в книгу те беседы, которые представляют собой не просто интерпретацию, а дальнейшее развитие темы, что, впрочем, и следует считать подлинной интерпретацией. Беннетт никогда не довольствовался

объяснением; он говорил, что каждый из нас должен благодаря своей собственной работе "создать в себе смысл".

Некоторые из этих бесед, на которых мне посчастливилось присутствовать, оказали на меня глубочайшее впечатление. Изложенные на них мысли ни в коем случае не должны быть утеряны. Каждый, в меру своих возможностей, должен трудиться над пониманием Рассказов Вельзевула, взяв за основу своих собственных изысканий то, что дал нам Беннетт. Необходимо обрести новое понимание Человека, Мира и Бога. Старый мир уже умер. Новый мир должен быть основан на **НОВОМ мировоззрении**. Безусловно, именно в этом заключается цель Рассказов. Как сказал Гурджиев, его книги - это его "солдаты". Мы должны делиться друг с другом всеми "проблесками истины".

A. G. E. Blake, Sherborne, 1976

Часть первая

ИСТОРИЯ

Проблески Истины, 1974 Пробуждение Мысли, 1950 Сценарий, 1949 Вельзевул как История, 1950 Сogласующая сила в истории, 1950

проблески Истины

Отношение Гурджиева к посвящению было четко изложено в первом сборнике его идей, написанном в 1915 году и названном "Проблески Истины".¹ Это рассказ о русском интеллигенте и его первой встрече с Гурджиевым. После того, как Гурджиев прочел потрясающую лекцию о трансформации энергий в человеке и вселенной, использовав, при этом, много диаграмм, русский ученик спросил: "Ваши знания просто поразили меня, почему они окутаны тайной?" Гурджиев объяснил, что мог рассказать это ему только потому, что он много работал и учился, добавив: "Благодаря этой работе, вашей собственной работе, вы смогли понять некоторую часть того, о чем я рассказывал. Представим, что чрез год мы снова будем обсуждать тот же вопрос. В течение этого года вы, конечно, не будете ждать, пока жареный цыпленок сам влетит вам в рот. Вы будете работать, и ваше понимание будет меняться. Вы будете в большей степени "посвящены". Вы сказали, что "знание" окутано "тайной". Это не так; просто люди не способны понимать. Я, например, очень хотел бы поговорить с кем-нибудь на интересующие меня темы, не подстраиваясь под их уровень понимания и разумности. У людей слишком мало слов для выражения определенных мыслей. Когда важны не слова, а их источник, отсутствие понимания делает общение невозможным.

"То, что вы называете "утаиванием", на самом деле, представляет собой невозможность дать людям то, чего они не могут принять".

Изысканный символизм Гурджиева, его странные неологизмы и изменения в терминологии предназначены не для того, чтобы запутать последователей, а с целью побудить их к самостоятельным поискам смысла. В этом смысле, объяснения можно назвать медвежьей услугой. Безусловно, нельзя недооценивать посвящение, но оно не должно заключаться в облегчении работы ученика.

1 Сравнительное изучение религий, "Gurdjieff in Light of Tradition" (Гурджиев в свете традиции), 3 parts, 1975.

2 Sherborne House.

1 См. также *Взгляд из Реального Мира*, Г. И. Гурджиев (New York: Dutton, 1975; and London: Routledge & Kegan Paul, 1974).

Когда перед нашим умом предстают доступные и организованные идеи, очень сложно не поддаваться уловкам лени. Мы говорим: "Теперь я понял", и не испытываем никакой необходимости в дальнейшей работе.

Истина всегда открывалась человеку проблесками. Она никогда не представала перед человеком во всей своей полноте, поскольку человек не смог бы смотреть на нее. Только в случае проблесков истины всегда находится кто-то способный воспринимать.

Однако даже проблески истины обладают невероятной силой, но именно здесь мы сталкиваемся с опасностью заблуждения. Снова и снова, увидев часть целого, люди настолько увлекаются ее притягательностью и возможностями понимания, что уже практически не способны признать то, что им открылась лишь маленькая частичка целого. Если же, в результате произошедшего с ним, человек обретает некую власть или силу, он начинает убеждать и других людей в том, что увиденное им является всей полнотой истины.

Как это ни странно, такая точка зрения справедлива. Истина сохраняет свою полноту во всех своих частях. Если мы видели хотя бы маленькую частичку, мы видели целое.¹ Трудности начинаются, только когда мы пытаемся выразить то, что видели.

Сказка о джине и дворце служит отличной иллюстрацией наших взаимоотношений с истиной. В одной из сказок Тысяча и одной ночи, рассказывается о том, как какая-то сверхъестественная сила, или джин, строит прекраснейшее здание напротив дворца султана. Султан покорен его красотой, и, в конце концов, джин предлагает ему завершить свою работу. Остается доделать только маленькое окошко, но всех средств султана и искусности его мастеров не хватает для выполнения этой задачи.

Эта история преподносит нам весьма важный урок. Перед нами великое целое, но чего-то не хватает. Мы должны восполнить пробел.

На это уйдут все наши резервы и все наше умение. В итоге, мы поймем собственное бессилие и то, что целое может быть завершено только целым. Тем не менее, мы должны принять вызов.

1 Ср. Евангелие от Иоанна (12.45): "Тот, кто видит Меня, тот видит Того, кто послал Меня" (прим. ред.)

Пробуждение Мысли

Методы Гурджиева совершенно не похожи ни на что привычное нам. Он старался пробудить в людях собственное понимание, и, всегда придерживаясь этой цели, не облегчал задачу своих последователей, и не пытался никого ни в чем убеждать. Наоборот, он строил всевозможные препятствия на пути к постижению своих идей, как интеллектуальные, так и эмоциональные. Какой бы трудной ни была тема сама по себе, Гурджиев всегда усложнял ее незавершенностью объяснения, а также, вводя внутренние противоречия, что могло доходить до абсурда. Кроме того, он прекращал обсуждение этой темы, как только начинало зарождаться хоть какое-то понимание, и не возвращался к этому вопросу, порой, много месяцев или даже лет.

Вельзевул объясняет своему внуку, почему он избрал именно такую форму и последовательность своего повествования о жизни человека на Земле. Этот эпизод из книги Гурджиева бросает свет на его собственный метод объяснения, заключающийся в преднамеренном пробуждении в учениках внутреннего конфликта между утверждением и отрицанием, без чего не может родиться настоящее понимание. Диалектика Гурджиева превосходит разум. Его никогда не удовлетворяли интеллектуальные тезисы и антитезисы, и он очень хорошо разбирался в том, что слегка недосказывал Уильям Джеймс о превосходстве чувств над мышлением.

Поскольку диалектика Гурджиева лежит в основе его учения, я избрал в качестве темы этой главы название первой главы Все и Вся. Я уже говорил, что Гурджиев назвал главу Чистилище "сердцем" своих трудов, однако, уделил больше времени и внимания "Пробуждению Мысли", чем какому-либо другому своему произведению. Переводчики говорят, что эта глава полностью переписывалась, по крайней мере, семь раз, после чего, прочитывалась в его присутствии старым и новым ученикам и друзьям, случайным знакомым и даже совершенно посторонним людям. У него не могло оставаться никаких иллюзий по поводу враждебности, которую была способна вызвать эта рукопись, нарушавшая все стилистические и субъективные литературные нормы, и производя, как однажды сказал мне довольно известный писатель, впечатление "ребяческих потуг, смахивающих на параною".

Гурджиев обладал двумя совершенно очевидными для хоть сколько-нибудь знакомых с ним людей качествами. Прежде всего, это исчерпывающее знание человеческой природы, и возможных реакций на различные стимулы. А, во-вторых, тщеславие в нем было искоренено гораздо основательнее, чем у всех, кого мы знаем. Хотя он мог в совершенстве играть любую роль, в том числе, напыщенного честолюбца, внутри он оставался настолько смиренным, что его удивляло желание людей слу-

жить ему и приносить дары. Ни у кого из ближайших последователей Гурджиева не было сомнений в том, что он обладает непостижимыми для обычных, людей силами. Об этом, например, свидетельствует Успенский в

своем взвешенном и объективном описании собственного опыта.¹ Тем не менее, он применял свои возможности с чрезвычайной осмотрительностью, никогда не используя их в личных целях. Кроме того, Гурджиев никогда не выставлял свои способности напоказ, чтобы поднять свой имидж или укрепить свою влияние среди людей.

Я считаю необходимым подчеркнуть эти обстоятельства, поскольку лишь очень немногие люди способны уловить тонкий смысл "Пробуждения мысли", без предварительной подготовки. Я не уверен, что Гурджиев одобрил бы мою попытку облегчить восприятие этой главы. Она не была первым опытом дилетанта в написании литературного произведения, или творением человека, чье мышление затуманено недавним несчастным случаем, чуть было не обернувшись смертью. Глава была написана после долгих раздумий и приготовлений. В результате последующих исправлений, материал главы не стал проще для понимания, напротив, все внесенные изменения лишь давали читателю больше поводов для антагонистической реакции.

В то же время, "Пробуждение мысли" не является изолированным феноменом: это вполне характерный пример методики преподавания Гурджиева, будь то его книги или беседы с учениками. Глава основана на фундаментальной концепции человеческой судьбы. Если человеку уготовано служить высокой цели, ради которой он был создан, он должен, прежде всего, быть свободным. По мнению Гурджиева, величайшая трагедия современного человека заключается в его внутреннем рабстве, что в десять тысяч раз хуже внешнего рабства. Человек стал очень внушаемым, и это относится, как к разного рода писаниям, так и к различным проповедям. Гурджиев говорил, что готовность, с которой люди "верят в любую старую сказку", делает невозможным нормальное существование на Земле. Однако еще пагубнее это отражается на перспективах обретения объективного разума. Внушаемость невозможно излечить внушением, поэтому необходимо найти в человеке точку, где внушаемость отсутствует, и посадить туда семена перемен. Человек, читающий "Пробуждение мысли" должен думать не о том, "следует ли ему принимать написанное", а над тем, "как ему прочесть и постараться понять нечто важное для себя". Здесь есть противоречие, но это не интеллектуальное утверждение и отрицание. Здесь есть борьба, но не борьба веры против неверия. В чем же тогда дело? Дело в решении, узнавать или не узнавать нечто новое. Только приступив к чтению, я понял, что Гурджиев рассматривает мир и людей, включая себя, не так, как я привык считать разумным и правильным. В отличие от некоторых французских экзистенциалистов, Гурджиев не считает сознательную глупость абстрактным принципом. Он использует ее в качестве практического оружия для борьбы против неосознаваемой глупости. В то же время, Гурджиев и в это внес ту утонченность, которая превращает мертвые слова в живой опыт.

1 Ouspensky, *In Search of the Miraculous (В поисках чудесного)*, Chap. XIII, p. 260 (San Diego, Calif.: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1965; and London: routledge & Kegan Paul, 1950).

Человек является трехмозговым существом, и понимание зависит не только от его мышления и чувств, но также и от ощущений. Там, где мысли и чувства бессильны, возможно, имеет смысл обратиться к

ощущениям. Гурджиев использует яркие осязаемые образы, для того чтобы изменить точку зрения читателя. Зуб мудрости с его семью каплями крови скорее является символом непредвиденного, чем неизвестного, и в этом случае парикмахер-дантист служит лучшим из доступных источников информации. История о зубе со всей ее ошеломительной абсурдностью, точнее, чем любой рациональный анализ или эмоциональная риторика, отражает ситуацию человека, увидевшего бессмысленность ситуации, и необходимость ухватиться за любую путеводную ниточку из лабиринта, какой бы тонкой она не была. Гурджиев никак не объясняет свой символизм, однако, хотя читатель может и не осознавать этого, читая, он получает вполне определенный опыт. Проследив реакцию сотен людей на эту историю, я знаю, насколько часто она оставляет незабываемое впечатление. Читателям ничего не внушается. Даже нет никаких разъяснений, но, не осознавая этого, они начинают мыслить по-новому. То же самое относится и ко всем остальным книгам Гурджиева. Я слышал, что один из его учеников и ближайших друзей, покойный А. Р. Орэйдж однажды сказал: "Гурджиев зарыл кость в своих книгах. Мы похожи на собак, которые чувствуют эту кость, но не могут найти ее. Если мы очень голодны, то будем копать землю, пока не найдем кость. Найдя кость, мы перестанем быть собаками, и превратимся в людей".

В этом заключается первый секрет метода Гурджиева: он ставит препятствия в тех точках, где следующий шаг может быть сделан только в результате сознательного усилия самого человека. Это относится, как к книгам Гурджиева, так и к его методикам индивидуального обучения.

Люди, знакомые с Дзен Буддизмом, часто отмечают сходства между методиками Гурджиева и Дзена. Я могу судить о Дзене исключительно по очеркам Судзуки и переводам некоторых сутр. На первый взгляд, между "Пробуждением мысли" и тем, что Судзуки называет Коаном, есть много общего. Учитель Дзен ставит ученика перед словесной или физической ситуацией, в которой тот не видит никакого смысла. Учитель ничему не учит, и ничего не объясняет. Ученик должен работать, пока его внутреннее сопротивление не будет сломлено, и он не достигнет состояния Сатори.' В свою очередь, Сатори может иметь различные уровни, но оно всегда является объектом стремления, а не путем. Задача, которую ставит перед собой Гурджиев в главе "Пробуждение мысли" заключается в том, чтобы привести читателя к начальной точке, а не к концу тропы. Его методы работы с учениками на поздних стадиях полностью отличаются от того, что описывает Судзуки. Судзуки, например, пишет о школах Нембутсу, то есть, повторения. Разница состоит в преобладании исследовательского духа в последователях Коана, в то время, как Нембутсу придают основное значение настойчивости и решимости. Безусловно, оба этих качества ценились Гурджиевым, но он ставил на первое место понимание и часто цитировал такую фразу: "Результат усилий пропорционален пониманию человека. Пока не понимаешь, что делаешь, лучше вообще ничего не делать". Похоже, что именно в этом заключается основное отличие от Дзен, хотя, вне всяких сомнений, изнутри все выглядит совершенно иначе. Языковые ограничения редко проявляются ярче, чем в Западных попытках понять Буддизм в какой-либо из его форм.

В "Пробуждении мысли" Гурджиев много пишет о неадекватности языка и его потере контакта с реальностью, называя в качестве причины

использование слов вне зависимости от их конкретного значения. Он снова возвращается к этой теме в последней главе Все и Вся, а также делает ее основным вопросом предисловия ко Второй серии своих книг. Первый способ борьбы с внушаемостью состоит в приучении своего ума искать конкретные значения слов и фраз. Тогда, мы начинаем видеть, что практически все, чем живет сегодня мир: все так называемые идеологии, учения, все планы и программы на будущее - лишены содержания, поскольку не способны что-либо изменить в жизни человека. Так, спрашивая себя, о цели своей жизни, задаче, которую я стремлюсь выполнить, я чувствую, что начинаю использовать слова, которых не понимаю, и с ужасом ощущаю отсутствие твердой почвы под своими ногами. Таково первое следствие пробуждения мысли.

Гурджиев, будто бы случайным образом, развивает из своего "принципа палки с двумя концами" идею того, что каждая причина должна иметь противоположные следствия. В частности, то, что приносит удовлетворение, должно также приносить и страдание, а то, что приносит страдание, должно также приносить и удовлетворение. Этот принцип, в форме концепций Парткдолгдьюти или Сознательного Труда и Преднамеренного Страдания, как единственных способов актуализировать спящие в человеке индивидуальность и свободу, становится одной из основных тем книги.

Затем он рассказывает о закавказском курде, который, купив на заработанные тяжелым трудом деньги красный перец, считает себя обязанным съесть его, не смотря на ужаснейшие ощущения и насмешки прохожих. Именно на этой истории основано название, которое иногда дают этой первой главе, "Предупреждение". Если вы вступаете на этот путь, то должны идти по нему. Без вовлеченности не может быть настойчивости. Нежелание быть вовлеченным всегда была одной из отличительных черт человеческой слабости. Это страх неизвестности, дискомфорта и жертвы. "Человек, положивший руку на плуг, и оглядывающийся назад, недостоин Царства Божьего".

После "Предупреждения" Гурджиев переходит к трем историям, которые иллюстрируют основные аспекты "Пробуждения мысли". Прежде всего, это отказ от внушаемости, отвержение зависимости от мнения окружающих и рабское подражание поведению других людей. Устами его бабушки, "Либо ничего не делай - просто иди в школу - либо делай что-либо такое, что не делает никто другой". Эта мысль развивается дальше в Рассказах Вельзевула, где человеческая внушаемость названа в качестве одной из основных причин плачевной ситуации человечества.

Гурджиев основывал на этом принципе и свою жизнь, и свое учение. В истории о своей бабушке, он не только формулирует этот принцип, но также и показывает, что его нужно применять, а не просто иметь в виду: я не могу быть свободным, пока подражаю другим людям, в особенности, бессознательно. Гурджиев ставил во главу угла своего учения то, что ученик должен быть самостоятельным, и подчас использовал весьма непопулярные способы, пресекая тенденцию учеников впасть в зависимость от него. Иногда, он даже отказывался от очень нужных

помощников, с единственной целью не поддерживать отношения зависимости или субординации.

В то же время, Гурджиев настаивал на необходимости учителя, и объяснял это следующим образом. Человек не способен работать, пока не знает себя, но никто не может знать себя, пока не избавится от эгоизма. Учитель всегда нужен, подобно хирургу со скальпелем, отделяющему истинное от ложного, но он не может ни работать за своего ученика, ни понимать за него, ни быть им. Мы сами должны работать, понимать и быть.

Непонимание этих обстоятельств привело к двум разновидностям заблуждений в отношении роли школ и учителей. Первое и самое очевидное заблуждение заключается в замене зависимости от внешнего мира на зависимость от учителя. Это не спасает от внушаемости, просто перенося ее на каждое слово и движение учителя. Такие школы хорошо известны, и их опасность и ограниченность вполне очевидны. Тем не менее, было бы неправильно впасть и в другую крайность, отвергая взаимоотношения между учителем и учеником, как таковые. В качестве примера, можно назвать Кришнамурти и его протест против тенденций первой разновидности. В течение долгих лет Кришнамурти открыто проповедовал во многих странах, и проводил бесчисленные личные беседы о самодостаточности. "Нельзя научить истине - нужно надеяться не на гуру, а только на себя". Он говорит, что люди поработаны всем внешним. Причем, это рабство относится не только к низменным вещам, но также и к благородным идеям, и гуру, проповедующим их. Кришнамурти абсолютно прав, отвергая рабскую зависимость от учителя, но он не принимает во внимание тот факт, что настоящий учитель приложит все усилия, чтобы разорвать такую зависимость. У него тоже была Идея, заключавшаяся в том, что трансформация - это процесс без будущего и прошлого, существующий только здесь и сейчас, в настоящем моменте виденья и действия. Он проповедовал эту идею, потому что не видел в ней опасности порабощения. Вместе с тем, опасность остается, поскольку ни один человек не способен видеть самостоятельно, без посторонней помощи. Он должен смотреть на всю ситуацию со стороны, и видеть себя и окружающий мир глазами объективного разума. Пока у него нет таких глаз, он вынужден выпрашивать или заимствовать их у других людей.

Мы подошли ко второму принципу Гурджиева, проиллюстрированному историей с зубом. Человек должен иметь жажду познания. Мы должны иметь внутреннее стремление понимать и не отбрасывать неудобные факты, угрожающие нашему привычному мировоззрению. В этом состоит один из ключевых недостатков нашего научного века. Мы ограничиваем свои изыскания исключительно престижными и популярными областями. Даже философы в штыки воспринимают любой намек на то, что необходимо принимать во внимание не только традиционно признаваемые факты. Один из мудрейших философов современности, покойный профессор Уайтхед, говорил: "Величайшая опасность философии заключается в узости выбора доводов".¹

На философию оказал слишком сильное влияние успех естественных наук, и, при наличии болезненных воспоминаний о провалах в прошлом, в рамках

философии сегодня нет ответа на ультимативный вопрос, например, в формулировке Гурджиева: "В чем смысл и цель человеческого существования?" В результате, даже философы, чьей непосредственной обязанностью это должно быть, практически забыли о поиске ультимативной реальности, и ограничиваются лишь интерпретацией чувственного опыта.

Однако давайте вернемся к истории с зубом Гурджиева. Она символизирует внимание к несущественному, или, вернее, отказ считать несущественным что-либо входящее в опыт человека. Именно благодаря потрясающей настойчивости в применении того принципа, что в поиске ультимативных объяснений не может быть ничего несущественного, Гурджиев пришел к настолько глубокому пониманию смысла и значения всего существования. Само название его книги, *Все и Вся*, служит выражением принципа существенности всего, и указывает на то, что единственное ценное знание - это знание всего. В учении Гурджиева этот принцип звучал лейтмотивом. В окружении своих учеников, он пытался использовать даже самые заурядные случаи для демонстрации общечеловеческих законов. Гурджиев никогда не думал за своих учеников. Им приходилось думать самим, и он часто ставил их перед ситуациями, выход из которых можно было найти только благодаря невероятным усилиям, направленным на понимание. Люди часто разочаровывались и даже злились, поскольку он ничего не объяснял. Слушая Гурджиева, я часто вспоминал строки из стихотворения Блейка:

**У всего живого есть значение И не нужно
брать над ним попечения.¹**

1 Everything that lives has meaning // And needs neither suckling nor weaning.

Гурджиев никогда не прибавлял ничего к фактам, и не вытаскивал их из контекста. Он не прекращал размышлять, вплоть до самой смерти. В одном из разговоров он упомянул об одном своем прежнем учителе, который, по его словам, будучи почти столетним и тяжело больным, вновь взялся за изыскания и в то время пытался выяснить, "для чего Бог создал вошь и тигра". В этом отчетливо виден его первостепенный принцип, согласно которому, у всего во вселенной есть предназначение, которое можно понять только в сопоставлении с большим целым, с чьей жизнью это связано. Вошь была для него не причудой природы, а значительным фактом во вселенной, которую можно понять лишь выяснив роль всех ее элементов, даже таких, на первый взгляд, вредоносных и ничтожных.

Гурджиев различал субъективную и объективную науку. Первая, включающая в себя все известные нам науки, субъективна в том смысле, что ученый привносит в наблюдения свое собственное осмысление. Ученый, в этом случае, занимается классификацией, описанием и теми открытиями, которые вытекают из классификации и описания. Фундаментальная позиция объективной науки заключается в том, что вселенная заполнена смыслом, и что этот смысл можно выяснить. В конечном счете, субъективная наука отрицает наличие смысла во вселенной, и признает его только в человеческом опыте. Такую точку зрения действительно поддерживают многие современные ученые и философы. Значение отсутствует не во вселенной, а в моем собственном существовании, пока моя внутренняя (эссенциальная) природа остается

неразвитой. В связи с этим, начинать с поиска смысла в собственном существовании было бы неправильно. Все, что я обнаружу в своем собственном опыте, будет свидетельствовать о том, что я не существую как значимая индивидуальность. Более того, мое значение не является моим личным делом, и определяется той задачей, которую я выполняю во вселенской драме. Такой подход представляет собой настоящий камень преткновения для "ортодоксальных" ученых нашего поколения, которые приучены считать иллюзией объективные "цели" и универсальные "значения". Гурджиев вовсе не утверждал, что достичь объективного понимания проще, чем формулировать обобщения, в соответствии с принципами естественных наук. Напротив, он учил, что для достижения такого понимания, необходимо трудиться гораздо больше и работать не только над собственным умом, но также и над всем своим существом. Кроме того, работа должна быть чистосердечной, и кажущаяся невозможность ее выполнения не должна пугать идущего по пути. У человека есть две возможности -служить Трогоавтоэгократу и исчезнуть как индивидуум в процессе, или стать бессмертной душой космического значения. Однако нет никаких оснований полагать, что оба пути одинаково легки. "Поменять свою дорогу не так просто, как если бы это могло произойти просто в результате желания". Как раз наоборот, второй путь только для тех, кто выдержит до конца и не прекратит бороться. Все это отображено в рассказе о русском купце, с его фразой: "Если кутишь, кути на всю катушку, включая почтовые расходы". Если второй принцип представляет собой камень преткновения для интеллигенции, то третий встает на пути у лени и нерешительности каждого человека, и, в особенности, сильно это проявляется сегодня, когда основные наши желания сводятся к облегчению собственной жизни.

Думаю, что, так или иначе, все согласятся с тем, что за все стоящее надо платить, и если хочешь чего-то, то нужно быть готовым делать все "на полную катушку", то есть, идти до конца, чтобы достичь этого. Проблема, впрочем, заключается в том, что мы, на самом деле, не знаем чего хотим, и не испытываем практически никакого оптимизма по поводу достижения своих целей. Это прекрасно видно на примере отношения христиан к Нагорной Проповеди. Нагорную Проповедь вполне можно назвать указанием идти до конца в стремлении к Царству Небесному.

Часто говорят, что "если бы только" мы могли хотя бы приблизительно следовать Нагорной Проповеди, почти все проблемы человечества были бы разрешены, и наш мир стал бы раем на земле. Но мы считаем это "если бы только" непреодолимым препятствием. Нагорная Проповедь предъявляет "невозможные" требования к человеческой природе. Лишь очень и очень немногие люди прикладывают все усилия, чтобы полностью и бескомпромиссно следовать всем этим заповедям на практике. Для привычной нам человеческой природы это действительно невозможно, но мы знаем, что человеческая природа может меняться. Именно этого не понимают и не хотят понимать "христиане", поскольку это потребовало бы от них идти до конца.

Миру сегодня недостает веры и надежды. Люди не верят в ту реальность, которая называется Царством Божьим, а если даже наполовину и верят, то по-настоящему не надеются достичь ее.

Вместо искренней надежды на возможность изменить свою природу благодаря собственным усилиям, человек приучен тешить себя разного рода иллюзорными надеждами, которые искореняют в нем желание идти до конца в поиске нового бытия. Одна из самых потрясающих способностей Гурджиева заключалась в том, что он пробуждал в каждом сближавшемся с ним человеке сильную и непоколебимую веру в реальность высшего предназначения человека и надежду на возможность обретения такой высшей судьбы благодаря собственным усилиям. Такая внутренняя уверенность может прийти только с ростом понимания, семя которого можно увидеть в "Пробуждении мысли".

Сценарий

Рассказы Вельзевула написаны в форме аллегорической сказки о Вельзевуле, ангеле, которой в свои юные годы выступил против того, что показалось ему ошибкой или несправедливостью в управлении Вселенной. Вместо того, чтобы попытаться выяснить истинную причину, он решил, что может сам все исправить. В результате этого, Вселенной был нанесен значительный ущерб, а ему самому пришлось отправиться в ссылку в отдаленную солнечную систему Орс, одной из планет которой является Земля. Согласно повествованию, Вельзевул поселился на Марсе и имел возможность перемещаться от одной планеты к другой. Многие из прибывших с ним, поселились на других планетах и, в том числе, на Земле. Все это произошло до исчезновения Атлантиды, на заре человеческой расы, когда соплеменники Вельзевула жили на Земле. В первый раз Вельзевул спустился на Землю по просьбе одного из этих существ, предпринявшего неосторожную попытку вмешаться в управление Атлантидой. Соплеменник Вельзевула почувствовал несправедливость в по-вышени, лалогов, доставившим много трудностей населению Атлантиды. В то же время, он был уверен, что, обратившись к "доброй природе" атлантидцев, можно было обеспечивать государство, не прибегая к взиманию налогов. Таким образом, он упрямил царя позволить ему управлять экономикой страны, гарантировав, что государство от этого не пострадает. Однако урон был настолько серьезным, что соплеменнику пришлось занимать деньги у всех своих родственников, и, в итоге, Вельзевула, возглавлявшего племя, попросили прибыть на Землю и все уладить. Единственным выходом из положения оказалось возложение ответственности за возвращение к прежнему порядку на всех членов племени.

Основной смысл этого эпизода заключается в том, что человечество еще не достигло той стадии, когда обращение к "доброй природе" людей может оставить эгоизм в стороне. По прошествии многих лет, Атлантида погрузилась в воду, и на поверхности Земли образовалась новая структура материков. После исчезновения Атлантиды, немногочисленные выжившие и те, кому посчастливилось быть в это время на других континентах, основали поселения, значение которых постоянно росло, в особенности, в районе Персидского залива. Образовалось много разных цивилизаций, в которых распространились обычаи жертвоприношения. Последнее обстоятельство, в свою очередь, было признано Высшими Силами опасным и вредным для всей солнечной системы. В связи с этим, все тот же архангел Луисос, создавший орган Кундабуффер, снова появился на Марсе и обратился к Вельзевулу со следующими словами: "Вы знакомы с Землей и ее

обитателями. Как Вам кажется, не могли бы Вы, не нарушая вновь общего космического равновесия, обуздать этот чрезвычайно ужасный обычай принесения животных в жертву?" С этой целью, Вельзевул несколько раз спускался на Землю, предпринимая меры, описанные в серии историй, которые демонстрируют различные способы влияния на людей. В то время, как метод внешней организации, применительно к задаче облегчения участи людей, оказался несостоятельным, на примере последующих трех спусков Вельзевул показывает, как исключительно при помощи идей можно изменить сложную ситуацию. Таким образом, здесь Гурджиев предвосхищает современные представления о том, что, распространив среди людей определенные идеи, можно быстро и серьезно изменить их жизнь.

В этих нескольких главах можно обнаружить многочисленные вкрапления элементов общей космологической теории, на которой построена система Гурджиева. Он начинает с концепции Вселенной, которая вначале была одним Сверхсолнцем, и по самой природе существования во влечена в процесс постепенной и необратимой дисперсии. Последнюю мы обычно связываем с течением времени.

Без каких-либо объяснений, Гурджиев использует термин Безжалостный Геропасс, обозначая им течение времени. Это напоминает среднезороастрийскую доктрину Зурван, которую, вероятнее всего, он и использовал.

Для того чтобы скомпенсировать эту тенденцию к постепенному распаду Сверхсолнца, которое получило название Святейшего Солнца Абсолюта, было предпринято новое творение, в результате которого появилась известная нам Вселенная, с ее галактиками и звездами. В этой Вселенной процесс распада был компенсирован взаимным поддержанием, которое Гурджиев назвал Трогоавтоэгокрастическим процессом. Это, в свою очередь, породило определенные последствия, поскольку запущенный таким образом процесс развития Вселенной обусловил ее расширение, эволюцию, и постоянное усложнение, поставив под угрозу ее единство. Тогда как самой согласованности Вселенной угрожал первый процесс течения времени, который современные физики называют Вторым Законом термодинамики, второй процесс поставил под вопрос возможность существования Вселенной как организованного и согласованного целого. В связи с этим, во Вселенной должно было возникнуть нечто новое, что бы могло сбалансировать эти процессы. Этим стало появление существ, способных превратиться в независимые индивидуальности, чье собственное сознание должно было обеспечить единство и согласованность Вселенной. В то же время, этот новый фактор не был создан Творцом Вселенной, поскольку вмешательство Творца свело бы на нет значение второго процесса.

Вельзевул как история

Все достижения исторического периода, включая успехи науки и техники последних столетий, практически ничего не стоят, в сравнении с изменением ситуации человечества, произошедшим в конце Ледникового Периода Вёрм. Тогда появился не просто один из новых видов человека со всеми уже вполне сформированными признаками современных рас: новый

вид, *Homo Sapiens*, смотрел совершенно иными глазами и работал над миром совсем другими руками. Его стали интересовать вопросы человеческой судьбы и тайна смерти.

Концепцию истории нельзя считать приемлемой, если она не объясняет ее чудесных истоков. Можно считать Рассказы Вельзевула своему внуку мифом или легендой, но они в полной мере отражают драматичность того, что Гурджиев назвал Первой Трансапалнианской Катастрофой и освобождением человечества от уз органа Кундабуффер.

История человечества насчитывала уже несколько тысячелетий, пока в ее ход не вмешалась Вторая Трансапалнианская Катастрофа, которая, по словам Вельзевула совпала с исчезновением Атлантиды. Интересно, что само название "Атлантида" всегда обладало особой привлекательностью, с тех пор, как на основе какого-то неизвестного источника Платон рассказал об этом государстве в Тимее. Эту привлекательность часто относят на счет наивного желания человека узнать что-нибудь о Золотом Веке, реальность которого в прошлом была бы залогом возможности его возвращения в будущем. До недавнего времени, эту историю считали мифом, придуманным Платоном в дидактических целях, и не менее удивительным, чем Эрех.¹ Тем не менее, существует ряд геологических данных, свидетельствующих о том, что между десятью и пятнадцатью тысячами лет тому назад произошло изменение уровня океана, которому соответствовало погружение экваториальных территорий в Атлантический океан.²

В своих собственных работах, Гурджиев упоминает о сохранившейся с незапамятных времен легенде, еще более древней, чем легенда о Гильгамеше, а также о гибели Атлантиды. Если об этом можно было бы узнать из шумерских и вавилонских клинописных источников, мы получили бы неожиданное подтверждение рассказа Вельзевула об Атлантиде. Впрочем, для меня сейчас не столь важна историчность мифа об Атлантиде. Его значение заключается в драматической концепции катастрофы, о которой нам напоминают культуры, зародившиеся в Африке и Азии восемь или десять тысяч лет назад. Гурджиев окутывает легендой живую картину того, что он назвал Ахалданским Обществом, показывая, чего может добиться человек, решивший искать объективную истину и передать потомкам результаты своих поисков.

Третий драматический момент наступил шесть или восемь тысяч лет назад с приходом времени великих ветров. Опустошение огромных территорий теперешних Гоби и Сахары вызвало крах цивилизаций и великие переселения народов. Кроме того, в то время район теперешней Абиссинии был великим центром мировой культуры, позднее переместившимся в Долину Нила, а еще позже, в Месопотамию.

1 Республика.

2 См. также George Poisson, *L'Atalantide Devant la Science*, 1945. Пуассон, бывший президент *Societe Prehistorique Francais* (Французского Доисторического Общества), собрал внушительное количество фактов в пользу того, что у легенды об Атлантиде была историческая основа.

3 Г. И. Гурджиев, Встречи с замечательными людьми, Глава 1.

На этой стадии, повествование Гурджиева о человечестве обретает новый характер. Независимо от того, хотел он или нет, чтобы его описание ранних периодов воспринимали буквально исторически, нет никаких сомнений в том, что Гурджиев приписывал древним цивилизациям Месопотамии уникальное значение для последующей жизни человечества. В разговорах Гурджиев часто упоминал о Тиклиамитской (то есть, Шумерской) цивилизации, культурный уровень которой, по его словам, был наивысшим за всю историю человечества. Вне всяких сомнений, он имел в виду равновесие между внутренней и внешней жизнью человека. Так, в последней главе Все и Вся Гурджиев сравнивает человеческую жизнь с рекой, которая, когда человек достигает ответственного возраста, разделяется на два потока. Он говорит, что это обстоятельство появилось относительно недавно, причем, во времена Тиклиамитской цивилизации¹ этого разделения еще не было. В контексте главы, это означает, что подготовка к ответственному возрасту осуществлялась таким образом, что юноша или девушка, подходя к взрослому возрасту, уже понимали смысл и значение собственного существования, и могли поставить перед собой цель на грядущую жизнь.

Я помню, громадное впечатление, которое я получил от записи из акадийской усыпальницы, где около сорока человек искали упокоение на расцвете своей жизни, для того чтобы умереть вместе. Их явно не страшили последствия смерти. Хотя в то время я еще не понимал причин, по которым Гурджиев придавал особое значение шумерской культуре, я, тем не менее, почувствовал, что такая решимость перед лицом смерти могла быть только у людей, понимавших смысл работы над собой и знавших, как готовиться к этому.

Настоятельные разъяснения Гурджиева по поводу того, что принципы и методы работы над собой были известны в древнем Вавилоне, безусловно, имели практическую подоплеку. Он никогда не претендовал на авторство преподаваемых им методик, и однозначно указал во Второй Серии своих книг на различные источники, от Абиссинии до Дальнего Востока. Как я уже говорил, широкий спектр источников обусловил различия в форме изложения, что, поначалу, может наводить на мысль о различиях во внутреннем содержании. Однако, при ближайшем рассмотрении, выявляется единая структура. Это, в свою очередь, может свидетельствовать либо о синтезе, предпринятом самим Гурджиевым, либо о единой основе всех использовавшихся им источников. Сравнивая учительскую работу Гурджиева периода 1915 - 1918 годов, в описании

1 Г. И. Гурджиев, Все и вся, рассказы Вельзевула своему внуку. В последующих ссылках: Все и Вся.

Успенского, с его собственным изложением, предпринятым спустя пятнадцать лет в Рассказах Вельзевула, можно увидеть признаки доработки, но ключевое единство присутствовало с самого начала. Именно такая согласованность оказала на Успенского столь мощное первое впечатление, побудившее его изучить идеи Гурджиева. То же самое можно

сказать и о тех из нас, кто впервые познакомился с этими идеями в начале двадцатых годов.

Поскольку Рассказы Вельзевула представляют собой историю внутреннего опыта человечества, они не показывают основную линию, начавшуюся, как я уже сказал, с Ахалданского Общества, рассеявшуюся после гибели Атлантиды и разделившуюся на три ветви, одна из которых развивалась сначала в Африке, а затем на Ближнем Востоке, в то время, как другая, зародившись в Центральной Азии, постепенно переместилась в Китай. Восточная и Египетская традиции воссоединились, или, по крайней мере, снова встретились в Вавилоне, который, таким образом, стал оплотом всей мудрости древних. С падением Древневавилонской империи, традиция была подхвачена школами Центральной Азии, где сохраняется и по сей день.²

Таким образом, Гурджиев показывает, что один из кульминационных моментов истории пришелся на Вавилонскую Эпоху. По-видимому, это объясняет менее серьезное отношение к последующей истории в Рассказах Вельзевула, с пренебрежительными ремарками в отношении Греции и Рима, а также сатирическим описанием современной цивилизации Запада. Вавилон обретает статус не просто точки концентрации древних традиций, но также и отправного пункта разделения человеческой культуры на те категории, которые сегодня называются философией, искусством и религией.

Изначальная цель искусства заключалась в передаче древней мудрости в такой форме, чтобы она могла дойти до далеких потомков.³ Философия, зародившаяся как поиск законов миротворчества и мироподдержания, деградировала до "мудрствования" умов, затуманенных иллюзией того, что знание может быть получено без "сознательного труда и преднамеренных страданий". Религия, которая в руках "Мудрого Царя Кону-зиона" была средством, пробуждающим понимание необходимости упорной и целеустремленной жизни⁴ у людей, неспособных самостоятельно распознать подлинный потенциал своей судьбы, узурпировала место подлинного знания и прервала контакт человечества с его естественными наставниками. Под последними я подразумеваю настоящих посвященных, совершенствовавших себя сознательным трудом и преднамеренными страданиями до уровня Объективного Разума, что делало их пригодными для руководства судьбами людей.

1 Успенский, В поисках чудесного, стр. 28 (здесь и далее ссылки на оригинал).

2 Подробнее см. "Учителя Мудрости", Москва, 1999. (прим. ред.)

3 Все и Вся, стр. 459.

4 Всей Вся, стр. 213.

Наконец, пришло время сказать несколько слов и о второй главной теме Рассказов Вельзевула. Первая, как я уже сказал, - это пробуждение в людях понимания смысла и цели существования. Вторая тема связана с войной и ее катастрофическими последствиями для жизни человечества. Известный писатель, прочитавший Рассказы Вельзевула в рукописи много лет назад,

назвал эту книгу лучшим антивоенным памфлетом, который когда-либо был написан. И, действительно, на читателя просто не могут не оказать впечатление искренние чувства ужаса и сожаления, с которыми Гурджиев рассуждает об этом страшнейшем биче человеческой жизни. В своих автобиографических работах, Гурджиев рассказывает о том, как в начале нынешнего века его личный опыт войны во всех странах пробудил в нем "вторую навязчивую идею внутреннего мира" понять причину войн. Войны и Революции! На протяжении всей истории, этот "периодический процесс взаимного уничтожения" делал невозможным нормальный прогресс в понимании, который должен происходить благодаря усилиям мудрых и бескорыстных людей, чьи открытия, в свою очередь, должны сохраняться и передаваться на благо грядущих поколений.

Война является ненужным и неестественным процессом, хотя жизнь и смерть земных существ важны для космических целей. В одном из эпизодов, Вельзевул объясняет своему внуку, что если когда-то и существовала необходимость в преждевременном уничтожении жизни, то она уже давно перестала существовать, и война, напротив, теперь представляет собой не только кошмар человечества, но и фактор, отрицательно влияющий на экономию Природы.¹ Энергия, необходимая для поддержания равновесия между Землей и Луной измеряется не только и даже не столько количеством, сколько качеством. Потребности космического равновесия могут быть гораздо успешнее удовлетворены за счет сознательного труда и преднамеренного страдания трехмозговых существ, борющихся за свое собственное совершенствование, чем посредством преждевременной насильственной смерти.

Гурджиев излагает свое собственное мнение относительно причин войны. Как в московских беседах с Успенским, так и в Рассказах Вельзевула Гурджиев оставляет без внимания, так называемые, политические причины, страх и амбиции государств и их правителей, перенаселение и экономические законы. Массовая истерия, овладевающая людьми во время войн и революций, является причиной, а не следствием политического события. Сама массовая истерия представляет собой реакцию человечества на влияние, зарождающееся вне жизни человечества. Этот вопрос обсуждается в книге П. Д. Успенского В поисках чудесного, где Гурджиев говорит о прекращении войны следующее: "Что такое война? Это результат планетарных влияний. Где-то там, наверху, две или три планеты оказались слишком близко друг к другу, что вызвало напряжение. ... В случае планет, это продолжается, самое большее, секунду, или две. Но здесь, на Земле, люди начинают уничтожать друг друга, и продолжают делать это иногда несколько лет. В это время им кажется, что они ненавидят друг друга, или, что они должны убивать друг друга ради какой-то возвышенной цели, или, что они должны защищать кого-то или что-то, исполняя благородный долг, или что-либо еще в этом же роде. Они не понимают, в какой мере являются пешками в игре". В Рассказах Вельзевула это состояние напряжения называется Солиооненсиус. Гурджиев утверждает в Третьей Серии своих книг, что впервые услышал это слово в Африке, и что знания об этом процессе и его влиянии на психику людей сохранилось со времен древнего Египта. В качестве иллюстрации, он

включил в книгу эпизод о Большевизме, сравнивая его с подобными явлениями, много раз возникавшими в истории Египетских Династий.

1 Все и Вся, стр. 1115.

Солиооненсиус можно сравнить с атмосферными явлениями, вызываемыми пятнами на солнце. Существуют подлинные доказательства того, что появление солнечных пятен влияет на психику людей. Кроме того, совсем недавно было открыт психологический эффект варьирования интенсивности космического излучения. Я упоминаю об этом не для того, чтобы убедить читателя в том, что астрофизика открыла или скоро откроет, или, вернее, подтвердит Гурджиевский закон Солиооненсиус. В данном случае, моя цель показать, что здесь нет ничего сверхъестественного или мистического. Похожий, хотя и более локальный, действующий в меньших масштабах и меньшее время, эффект оказывает направление ветра. Восточный ветер в Англии и сирокко в странах Средиземноморья оказывают особый и безошибочный эффект на нервную систему людей. Когда дует восточный ветер, большинство людей становятся раздражительными, и все идет как-то не так. Меня когда-то интересовало это, и я хотел выяснить, было ли это воображаемым влиянием. Я попросил нескольких людей проследить за собой и уведомить меня, насколько можно объективнее, если им удастся выявить состояние внутренней напряженности, вызванное восточным ветром. Практически все подтвердили, что состояние раздражительности действительно появилось еще до того, как они узнали о перемене ветра на восточный. Я пишу об этом исключительно ради наглядности.

Солиооненсиус в большей степени воздействует на чувствующий, чем на ощущающий мозг человека. Наподобие эпидемии, огромные территории земной поверхности, а иногда и вся Земля ввергаются в напряженное состояние, вызывающее у людей чувство неудовлетворенности условиями своей жизни. Они становятся раздражительными, агрессивными, боязливыми, нервными и весьма внушаемыми.

Все это, впрочем, не означает, что сам по себе Солиооненсиус является вредным и деструктивным влиянием. По мнению Гурджиева, он имеет место на всех планетах и, в этом смысле, наша Земля никоим образом не уникальна. Неудовлетворенность не такая уж плохая вещь. Каждое несовершенное существо должно быть неудовлетворено своим несовершенством. На всех планетах с преобладанием нормальных условий, наступление Солиооненсиуса связывают с благоговейным ожиданием того, что он станет причиной еще большего упорства и усилий в сознательном труде и преднамеренном страдании.

Люди должны понять это. Внешняя неудовлетворенность может привести только к внешнему конфликту, но никакая другая неудовлетворенность не может возникнуть у людей, которые не понимают смысла и значения своего существования. Следовательно, можно с полной уверенностью сказать, что бич войны можно отвести от человечества, лишь дав людям понять, что их существование как людей, а не как бранных вещей, полностью зависит от их борьбы за самосовершенствование. Те, кто понимает необходимость работы над собой, увидят в Солиооненсиус силу, способную помочь им работать настойчивее. Те же, кто не понимает

этого, выплескивают свою неудовлетворенность наружу, становятся враждебными и агрессивными в отношении других людей, подозрительными, завистливыми и открытыми для любого вредного влияния. Таким образом, они становятся бессильными перед лицом массового психоза. Страх и злоба входят в них и вмешиваются в мышление и чувства. Те самые люди, которые двумя годами раньше не могли бы даже представить себя поддерживающими идею войны, вовлекаются в уничтожение человеческих жизней.

Следует отметить, что война уничтожает не только жизни людей, но также и накопленную мудрость и опыт, которые могли бы сделать жизнь гораздо терпимее.

Я решил подробно обсудить тему войны, поскольку Гурджиев во многих местах называет войну величайшим позором человеческого существования, кошмаром, не имеющим аналогов во всей Вселенной. Однако его отношение к истории не было бы изложено полностью, без упоминания о национальных и классовых различиях. Гурджиев ясно дает

1 См., в особенности, главу "Война", Все и Вся, стр. 1055 - 1118.

понять, что нормальное планетарное существование подразумевает единое мировое руководство и отношения между людьми, определяющиеся исключительно их бытийными качествами, а не особенностями рождения.

Согласующая сила в истории

Существует множество объяснений того, почему современный человек не способен воспринимать реальность. Тем не менее, они все сводятся к "последствиям внедрения свойств органа Кундабуффер". Речь идет об определенной разновидности слепоты, заключающейся в том, что человек видит, в лучшем случае, два из трех аспектов каждой ситуации. Гурджиев называет это слепотой по отношению к третьей силе, и именно на ней основана наша склонность к дуалистическому мышлению.

Мы обычно смотрим на окружающий мир с одной точки зрения - со своей - и отвергаем либо правомерность, либо ценность любой другой точки зрения. Иногда, стараясь быть "непредвзятыми", мы принимаем во внимание два противоположных взгляда и пытаемся придавать им равное значение. Впрочем, нам это удастся очень редко, поскольку, с привычным для нас дуализмом "хорошего" и "плохого", мы уже почти не можем не навешивать эти ярлыки, в соответствии с нашими субъективными симпатиями и антипатиями, чувствами и предрасположенностями.

Такой дуалистический подход преследует нас, даже когда нам вообще не нужно делать подобного выбора. Если нам не нравится возникшая перед нами ситуация, вместо того, чтобы попытаться выявить причины ее возникновения, мы сравниваем ее с несуществующей ситуацией, которую считаем приемлемой или даже идеальной. Мы сравниваем то, что есть, с тем, что должно быть. Так, мы представляем себе идеальное общество, мировое правительство, вселенскую религию и критикуем существующие институты на основе своих идеальных фантазий. Мы видим вредоносные и деструктивные процессы, вызванные разделением рас и классов, и мечтаем

о мире, где все люди были бы равны. Утопии всегда были настолько привлекательными именно по причине этого свойственного им дуализма. Мы видим несправедливость, и мечтаем об обществе, в котором бы ее не было.

Для того чтобы начать видеть и ощущать реальность необходимо, прежде всего, избавиться от всех этих особенностей нашего восприятия. Многие читатели, вынесшие тяготы чтения тысячи страниц Рассказов Вельзевула, были, все же, ошеломлены утверждением, что величайшим заблуждением человечества является идея добра и зла: "С одной стороны залог спокойствия и оправдания всех их проявлений, а, с другой стороны, фундаментальный фактор, препятствующий реализации появляющейся у некоторых из них возможности самосовершенствования высших бытие-частей".¹

Вероятно, по серьезном размышлении, каждый согласится с тем, что основное препятствие для восприятия реальности заключается в навешивании ярлыков "хорошее" и "плохое" на различные ситуации и тенденции. Такая фальсификация разрушает все религии, уводя внимание последователей от внутреннего самосовершенствования и заменяя последнее на увлеченность внешними проявлениями. Думаю, что ни один из наказов Иисуса Христа настолько планомерно не игнорируется христианами, как: "Не судите, да не судимы будете".

Одним из следствий такого разделения на хорошее и плохое является потребность в "изменении" положения вещей. Так, человеку может не нравиться нечто "плохое" в конкретной ситуации, и он формирует в противоположность представлению о некоем идеальном "хорошо". Это, в свою очередь, может подвигнуть человека на достижение "хорошей" цели и даже на создание соответствующего движения. В качестве желаемого финала такой человек видит задуманное идеальное положение вещей, не учитывая того, что может потребоваться для таких предстоящих изменений. За редчайшим исключением, лидеры таких движений не принимают во внимание существование сил, которые обязательно меняют цель в самом процессе ее достижения, в результате чего, итог усилий всегда представляет собой нечто неожиданное и нежелательное.²

Бывают периоды в истории, когда желание перемен не столь сильно, или, по крайней мере, связано с довольно миролюбивыми движениями. В другие времена, стабильность нарушается, и желание сохранить накопленное теряет свои позиции. Тогда, реформаторские движения легко могут принять насильственный оборот и уничтожить все накопленное ранее.

Вряд ли кто-нибудь не согласится, что сегодняшний мир далек от постоянной стабильности, но некоторые люди надеются и действительно верят в то, что стабильность будет достигнута, когда все человечество будет в полной мере наслаждаться результатами технического прогресса, и приспособится к соответствующим новым условиям жизни. С этой точки зрения, сегодняшняя нестабильность не кажется чем-то очень уж серьезным, за исключением возможности того, что политики великих наций не сумеют предотвратить войны с применением все более разрушительного оружия. Это бы могло свести на нет все успехи технического прогресса.

Главная особенность подобных подходов заключается в признании адекватности существующих организаций, то есть, правительств, взаимодействующих с различными международными структурами в целях поддержания мирового порядка, если, конечно, не появляется некая "агрессивная" группировка, способная нарушить равновесие.

1 Все и Вся, стр. 1126,

2 Я развил эту мысль несколько подробнее в книге Кризис в делах человеческих, Глава II, "Мегалантропические заблуждения".

Людей, разделяющих такую точку зрения, можно сравнить с путешественниками на плоту, вверившими себя течению большой реки и уверенными в том, что она доставит их по назначению, если им посчастливится удачно пройти пороги, которые отделяют их от открытого пространства впереди. Течение большой реки - это предполагаемый ход истории человечества под влиянием существующих общих факторов и паттерна поведения, соответственно которому, человечество, в его сегодняшней форме, будет реагировать на грядущие ситуации. Для того чтобы уберечь плот от камней и превратностей течения реки, необходим тяжелый труд, борьба и львиная доля осмотрительности. В то же время, можно совершенно не беспокоиться о движении в основном направлении плота. Это позиция наивного оптимизма, наивного в том смысле, что общий эффект всех действующих факторов непременно должен оправдывать надежды человечества.

Существует и другая, совершенно противоположная точка зрения, заключающаяся в том, что мир идет путем неизбежной катастрофы. Камни и отмели, на которые налетает наш плот, представляют собой лишь отдаленное подобие той пропасти, в которую мы все катимся, и мир неизбежно окажется в ней, если не повернуться назад, пока еще не слишком поздно. Вместе с тем, следует отметить, что приверженцы такой точки зрения совсем не обязательно являются пессимистами, поскольку, обычно, они верят в возможность каким-то образом изменить ход событий. Впрочем, как правило, они не могут указать конкретное спасительное направление. В качестве примера можно привести сторонников идеи общемирового правительства. Они считают, что национальные правительства обязательно коррумпированы, жадны и самоуверенны до такой степени, что им не может быть доверена соответствующая власть. Однако у таких людей редко есть какие-либо мысли по поводу преодоления национализма.

Большинство современников всегда считали приверженцев проектов улучшения человеческой жизни непрактичными мечтателями, и их деятельность не приносит, или почти не приносит никаких плодов. Тем не менее, общеизвестно, что "реформаторские движения", начавшиеся подобным образом, очень часто вливаются в общий поток жизни, когда меняется общее отношение человечества к конкретному вопросу. Запрещение рабства, всеобщее избирательное право, государственный социализм и смерть "империализма" являют собой примеры тенденций, которые начинались как революционные движения или протесты против существующего порядка, но с изменением всеобщего отношения слились с нормальным историческим процессом. Стремление создать новый

исторический поток, движущийся в другом направлении, всегда заканчивалось формированием нового притока древней реки, возмущающего ее воды.

В связи со всем сказанным выше, нам следует со всей серьезностью подойти к вопросу о том, как в мире может возникнуть нечто новое, не механического характера. Закон Триады (Law of Threefoldness) говорит нам, что в реализации любого события должны участвовать три независимых фактора. До тех пор, пока ситуация рассматривается с дуалистических позиций, третья сила может действовать лишь случайным образом, то есть, вне плана, и результат не будет соответствовать желаниям и ожиданиям участников. Наверное, это самый достоверный исторический факт, и без понимания этого обстоятельства нет никакого шанса привести жизнь человека в соответствие ее настоящей объективной цели.

Переходя от дуалистической концепции к триадической, мы должны обнаружить третью независимую силу. Этот принцип показан в Рассказах Вельзевула на примере зарождения традиции Великого Поста в Христианстве.¹ Вельзевул цитирует "древний Иудейско-Ессейский манускрипт", содержащий отчет о тайном Совещании, которое было проведено в Келнуке, на берегу Мертвого моря. Дуалистическая точка зрения была высказана греческим философом Веггендиади, утверждавшим, что убивать животных ради употребления в пищу их мяса является величайшим грехом. В связи с этим, Веггендиади хочет убедить всех христиан провести миссионерскую кампанию по упразднению практики умерщвления животных ради пищи. Великий Гертоонано, старец, обладающий разумом высокого порядка, полностью соглашается с тем, что в идеальной ситуации человек не должен употреблять в пищу мясо. "Укорачивать другую жизнь, единственно ради наполнения собственного брюха - это самый страшный позор, который может лечь на человека. Тем не менее, трезвое размышление показывает, что упразднение этого позорного порядка было бы возможно только, если бы все народы в мире исповедовали одну и ту же религию, и были бы готовы согласиться с этим. Поскольку это не представляется возможным, единственным результатом такой миссионерской кампании стало бы присоединение ограниченного числа людей к практике неупотребления в пищу мяса. В то же время, исследователи Гертоонано установили, что люди, воздерживающиеся от мяса, но живущие среди потребителей мяса, теряли бы свою "силу воли" и не могли бы должным образом исполнять свои жизненные обязанности. Таким образом, казалось бы, перед нами настоящая дилемма. Потребление мяса приводит к ухудшению характера, а воздержание от него в присутствии потребляющих мясо людей приводит к потере воли. Однако Гертоонано нашел выход из этой ситуации, зная специфику воздействия мяса на характер. Все дело в веществе Екнох, влияние которого в определенные месяцы года вредно. Следовательно, можно в полной мере достичь желаемых результатов, поставив перед собой совершенно иную задачу, которая бы заключалась в принятии христианами правила воздерживаться от мясной пищи в течение сорока дней в определенный период года.

Принцип, который иллюстрирует эта история, имеет важнейшее значение для любого практического проекта или реформы. Третья независимая сила

принимает форму нового и более глубокого знания. Не делается никаких попыток приблизиться к изначальной цели, которая была заменена на новую, практическую цель, хотя и не связанную с достижением идеальной ситуации. В данном случае, существенное значение имеет различие между недостижимым идеалом и практической целью. Распространено ошибочное мнение, что практической целью может быть частичное достижение идеальной задачи. Это ошибка, поскольку последствия неполноценности могут свести на нет саму желаемую цель. Практическая цель состоит не в том, чтобы пройти некоторую часть идеального пути, а в том, чтобы пройти до конца по другому пути, ведущему к стабильной ситуации, которая бы могла стать основой для новых продвижений вперед.

Рассказы Вельзевула изобилуют примерами правильных и неправильных комбинаций сил. В случае Первого Спуска' Вельзевула пригласили, чтобы исправить ситуацию, создавшуюся в результате попытки создать счастливое общество путем благотворной диктатуры. Важный принцип здесь заключается в невозможности нейтрализовать негативные и разрушительные влияния, используя внешний материал. Задача, которую преследовал молодой родственник Вельзевула, выходила за рамки возможностей трехмозговых существ, даже с учетом инопланетной поддержки.

Три рассказа об успешной попытке Вельзевула обуздать вредоносный обычай жертвоприношения демонстрируют способы достижения при помощи идеи того, что не может быть достигнуто при помощи материальных средств. Цель должна иметь четкие границы, и идею необходимо сочетать с уже существующей тенденцией, обладающей собственным динамизмом.

Рассказ о Курде Атарнахе' и о его методе предотвращения войны, явным образом предупреждает нас о неудаче, которая рано или поздно постигает любой проект, подразумевающий жертвование каким-либо принципом, необходимым для всеобщей или местной космической гармонии.

Для того чтобы понять, как возникает согласующая сила, необходимо, прежде всего, уяснить, что она не может действовать ни в одном из направлений двух противоположных тенденций. Она также не может быть попыткой сделать существующую ситуацию более приемлемой или движением в сторону лучшего или даже предполагаемого идеального состояния. Единственная надежда заключается в поиске и решительном движении в сторону другой цели, которая не должна быть просто серединой пути к теоретическому идеалу. Как раз, на это сегодня тратится очень много сил. Такие усилия могут лишь усугубить имеющиеся противоречия и опасные ситуации. Казалось бы, понимая зло войны, вполне логично было бы бороться за устранение ее причин. Другими словами, очевидно, что было бы правильно мобилизовать "добрые" тенденции в человеке на поддержку "добрых" причин. **Фундаментальная ошибка всех подобных проектов заключается в том, что они подразумевают, на самом деле, не существующий конфликт между добром и злом.** Настоящее противоречие мы обнаруживаем между желаниями и возможностями человека. Как бы яростно человек ни пытался сопротивляться потоку событий, ему это не под силу, и эти усилия все безнадежнее вовлекают его в поток. Следовательно, согласующая сила

должна быть связана с установлением гармонии между человеческими возможностями и целями.

С такой формулировкой мы вновь возвращаемся к учению Гурджиева. Человек беспомощен в своем внешнем мире и будет оставаться беспомощным, пока у него нет власти в своем внутреннем мире. Только во внутреннем мире человека следует искать тот согласующий принцип, который должен гармонизировать его желание улучшить ситуацию с его действиями, которые делают эту лучшую ситуацию невозможной.

Совершенно необходимо различать два, вроде бы, похожих, но, на самом деле, очень разных процесса. Первый - это стремление жить в соответствии со значением и смыслом нашего собственного бытия. Второй же заключается в старании жить ради достижения правильно поставленной, по нашему мнению, цели. Разница состоит в том, что, в первом случае, мы с самого начала признаем, что не знаем значение и смысл своего существования, и стремимся выяснить их. Мы не знаем, ни что собой представляем, ни кем являемся, ни даже чем должны стать. Мы лишь убеждены в том, что можно найти ответ на эти вопросы, и непоколебимы в нашем стремлении найти его. Во втором случае, мы считаем, что уже знаем ответ, определена внешняя цель, и остается лишь мобилизовать силы на преодоление препятствий, стоящих на пути ее достижения. В первом случае, мы начинаем с признания собственного неведения, а во втором - с претензии на знание. Первое пробуждает в нас желание изменить себя, а второе - желание изменить мир.

Думаю, я достаточно убедительно показал, что желание изменить мир приводит к внешнему конфликту, в котором обязательно будут участвовать неизвестные нам факторы, в результате чего, достигнутое будет полностью отличаться от задуманного. Если я ограничиваюсь стремлением изменить свое собственное бытие, возможно, мне удастся в достаточной мере познать себя, чтобы свести неизвестные факторы к минимуму, а затем и вовсе от них избавиться. Изменение себя - это практическая цель, тогда как изменение мира является не просто недостижимым идеалом, но также и нарушением универсальных законов.

Здесь может возникнуть возражение, что если мне следует только изменять себя, то как же быть с главной целью. Мы оставляем мир на собственное попечение и с теми же опасностями, что и раньше. Для того чтобы ответить на это возражение, необходимо понять практическое значение фразы: "Стремитесь, прежде всего, к Царству Божьему и Его правде, и все остальное приложится вам". Под Царством Божьим подразумевается внутренний мир человека, и только посредством него может быть установлено равновесие во внешнем мире.

Чтобы понять, каким образом это может происходить, нам придется вернуться к Гурджиевскому вопросу: "Каковы значение и смысл жизни человека?" В разделе "От Автора" он отображает двойственность судьбы человека в виде двух жизненных путей, вступая на один из которых, человек остается беспомощным и обречен на гибель. Вступая на другой, он может обрести свое собственное вечное бытие и перейти на другой уровень

существования. Такое разделение на два пути неестественно, и является следствием неправильного понимания того, что важно в жизни.

В рассказе об Ашиата Шиемаше, Гурджиев показывает, как внешняя жизнь человека может измениться под действием нового фактора, вошедшего в его внутренний мир. Ашиата Шиемаш не пытается влиять на ход истории своего времени. Он даже не проповедует ничего толпе, "как делали до и после него все Мессии, присылавшиеся Свыше с той же целью".¹ Он не использует Священные Импульсы Веры, Любви и Надежды, поскольку считает, что человеческий опыт искажает их настолько, что результаты были бы противоположными желаемым. Поэтому он выбрал себе для работы очень ограниченное количество учеников, несколько членов братства Геетвори и тридцать пять "серьезных и хорошо подготовленных послушников". Передав этой небольшой группе смысл доктрины сознательности, и показав, как собственными усилиями приносить сознательность в свою пробуждающуюся жизнь, Ашиата Шиемаш с их помощью распространяет мысль: "Только обладающего сознательностью человека, можно в объективном смысле по праву называть и считать настоящим сыном нашего ОБЩЕГО ОТЦА СОЗДАТЕЛЯ ВСЕГО СУЩЕСТВУЮЩЕГО".¹ Тогда, задача убеждения окружающих в истинности этого стала условием членства в братстве Геетвори, которое сохраняло тайное учение самого Ашиата Шиемаша. Благодаря этому обстоятельству, желание получить опыт объективного сознания распространялось среди все возрастающего круга людей, и, так или иначе, все начали работать на собой ради достижения этого опыта.

В результате проведенной работы, произошли глубокие перемены в человеческих взаимоотношениях, и, в частности, исчезло разделение на отдельные сообщества, то есть нации, а также различные касты и классы. Борьба за власть уступила свое место желанию сознательно служить друг другу. Вслед за этим прекратились войны, или, как их называет Вельзевул, "периодический процесс взаимного уничтожения". Как только человечество, посредством сознательного труда и преднамеренных страданий, начало производить священное вещество Аскокин, смерть существ больше не требовалось в прежней степени. Продолжительность жизни увеличилась, а рождаемость сократилась, в результате чего стало возможным более гармоничное и естественное существование.

Результаты трудов Ашиата Шиемаша, вне всяких сомнений, были описаны, чтобы показать возникновение согласующей силы в человеческой жизни. Ашиата Шиемаш не ставил перед собой цели непосредственно бороться с типичными недостатками человеческой жизни, ненавистью и угнетением, которые приводят к войнам и революциям. Он даже не ставил перед своими учениками некий идеал, или кодекс правил, внешнего поведения. Он лишь учил их быть настойчивыми в поисках Священного Импульса в их внутреннем мире. Однако результаты этого учения проявлялись изменениями во внешних условиях жизни.

В последней главе Рассказов Вельзевула, "От автора", Гурджиев говорит о глобальной цели собственной книги следующей:

"Жизнь всего человечества разделилась на два направления, со времени, так называемой, Тиклиамитианской цивилизации, которая непосредственно предшествовала Вавилонской.

Именно с тех пор начал постепенно устанавливаться и, в конце концов, установился такой порядок жизни человечества, что последняя, как вынужден признать каждый здравомыслящий человек, может протекать более или менее сносно, только если люди поделены на слуг и господ.

Хотя существование либо как господ, либо как рабов, среди детей ОБЩЕГО ОТЦА, какими являемся и мы сами, нежелательно для людей, тем не менее, в силу имеющихся на сегодня условий существования, прочно укоренившихся в процессе коллективной жизни людей, источник которых лежит в далеком прошлом, мы должны быть в соответствии с ними и пойти на компромисс, который, согласно беспристрастному мышлению, должен, в свою очередь, соответствовать нашему собственному благу, и, в то же время, не противоречить заповедям, данным специально для нас, людей, "Первоисточником-Всего-Существующего".

Такой компромисс, я думаю, был бы возможен, если бы определенные люди сознательно поставили перед собой в качестве главной цели своего существования задачу обрести в своем опыте все необходимое, для того чтобы обрести главенствующее положение среди подобных себе окружающих.

Основываясь на этом, а также на мудрой древней пословице: "для того, чтобы быть по-настоящему беспристрастным и хорошим альтруистом, необходимо, прежде всего, быть совершеннейшим эгоистом", а также используя здравый смысл, данный нам Великой Природой, каждый из нас должен поставить перед собой цель стать в процессе нашей коллективной жизни мастером¹.

Конечно, господином не в том смысле, который придает этому слову современный мир, то есть, имеющим много слуг и денег, передающихся, как правило, по наследству, а в том смысле, что человек, благодаря своим, в объективном смысле, искренним действиям по отношению к окружающим него людям, другими словами, действиям, продиктованным одним лишь чистым Разумом, без участия тех импульсов, которые в нем, как во всех людях, порождаются уже упоминавшимися следствиями развития свойств вредоносного органа Кундабуффер, обретает в себе нечто, побуждающее всех окружающих него преклоняться перед ним и с благоговением исполнять его указания".²

Читатель, конечно, может сказать себе теперь: "Все это очень хорошо, но как на основе этого можно создать новый мир?" Грандиозные процессы накопили такую инертность, что их невозможно повернуть при помощи какой-либо обычной силы. Если нескольких человек, или даже многих людей привлечет учение Гурджиева, то, как их работа, обособленная от каких-либо крупных религиозных или светских организаций, может принести значительные плоды?

Думаю, что ответить на этот вопрос очень просто. Мир всегда изменялся благодаря деятельности немногих людей. Сила заложена в идеи, а не организации. Ничего нельзя добиться при помощи внешней силы, но всего можно достичь благодаря силе внутренней.

В мире есть элементы этой внутренней силы. Они заложены в сознательности, скрытой в сердце каждого человека. Но они смешаны с негативными и разрушительными силами - следствиями развития свойств органа Кундабуффер - подобно свернувшемуся соусу. Каждый повар, имевший опыт приготовления соуса, знает, как это случается. Соус представляет собой эмульсию водных и жирных компонентов. Предположим, вы готовите такой соус на шестьдесят или семьдесят человек, используя большие количества дорого масла и десятки яиц. Если дать ему перегреться, он моментально сворачивается. Это ужасное потрясение для неопытного повара. Он теряет голову, и начинает изо всех сил перемешивать соус, лишь ухудшая свое положение. Хороший повар наливает немного холодной воды с краешку, и начинает тихонько помешивать, пока в одном маленьком уголке соус не возвращается в прежнее состояние. Затем эмульсия начинает распространяться по всему объему, и соус снова становится соусом. Когда видишь это впервые, создается ощущение почти что чуда. То же самое относится и к миру. Повсюду люди начинают, что есть мочи, перемешивать воду с маслом. Этого не может произойти. Мудрый же путь заключается в образовании разбросанных центров, где бы могли устанавливаться правильные взаимоотношения, благодаря силе общего понимания самого важного в жизни. Семена нового мира могут распространяться от таких центров по всему миру, может быть, даже гораздо быстрее, чем мы способны себе это представить.

1 английское слово master имеет много значений, в том числе: учитель, хозяин, специалист, властелин и т. п. Например, *The Master*, в определенных случаях, переводится Христос. (прим. перев.)

2 Все и Вся, стр. 1235-6.

Часть вторая

КОСМОЛОГИЯ

Гарнельмиацнел - Смешивание, 1974

Значение Эволюции, 1974

Гарнельмиацнел - Трансформация вещества, 1974

Теомертмалогос. энергии и эфирокрилно. 1974

Гарнельмиацнел - смешивание

Одна из Гурджиевских формулировок триадического закона звучит следующим образом: "Высшее смешивается с низшим, чтобы актуализировать среднее, которое становится высшим для прежнего

низшего и низшим для прежнего высшего". Это то, что называется гарнелмиацнел.

Если применить этот закон ко всему существованию, то слово "высшее" будет означать то, что выходит за границы нашего знания, мир, который мы не можем постигать при помощи ощущений, а слово "низшее" будет иметь противоположное значение, и будет означать мир, полностью доступный нашим органам чувств. Для удобства, можно называть эти миры "духовным" и "материальным", соответственно, но как бы далеко мы не зашли, нам никогда не удастся овладеть духовным миром и положить его на панель микроскопа. Он всегда по ту сторону. Он может касаться нас, мы можем ощущать его воздействие, даже видеть его в редких вспышках прозрения, и все больше и больше убеждать в наличии этого вида реальности, но не можем познать этот мир, подобно окружающему нас видимому миру.

Между этими двумя мирами есть ниша, которую заполняет их смесь: жизнь. Жизнь коренным образом отличается, как от материального мира, так и от духовного. Нам трудно принять и то, и другое.

Мы знаем, что для функционирования всему живому необходимы материальные энергии, и жизнь сегодня часто называют просто особой формой организации материи. Это полнейшее заблуждение. У каждого живого существа есть что-то, чего нет у материальных тел; любая форма жизни, какой бы простой она ни была, обладает чувствительностью. Благодаря этой чувствительности, у живых существ есть возможность выбора, что позволяет им принимать полезное и отвергать вредоносное.

Следует понимать, что жизнь является особым творением. В главе "Чистилище" Гурджиев говорит, что наша Бесконечность отнеслась с особым вниманием к зарождению агрегаций микрокосмов, тетартокосмов, способных независимо передвигаться по поверхности планет.¹

С другой стороны, жизнь полностью отличается от духовного мира, поскольку подвластна ограничениям пространства и времени. Иногда говорят, что наиболее примитивная форма жизни, сине-зеленые водоросли, или "первобытный ил", существующий без изменений уже два миллиарда лет, бессмертен, поскольку не был рожден и никогда не умирает. Это так, но только потому, что сине-зеленые водоросли вообще не индивидуализированы, даже в форме клеток. Любая индивидуализированная жизнь² рождается и умирает, тогда как собственно рождение и смерть являются свойствами жизни. Материальные объекты не проходят цикл жизни и смерти, и то же самое относится к духовному миру.

Творческое действие относится к духовному миру. Оно не ограничено временем и пространством; если бы это было не так, то творческое действие сводилось бы исключительно к комбинациям. Творческое действие является **безвременным действием**. Хотя такое действие может входить в нас, людей, оно не индивидуализировано в том смысле, в каком индивидуализирована жизнь. В отсутствие творческого действия, мир полностью управлялся бы причинами и следствиями, и был бы,

следовательно, принципиально познаваемым и предсказуемым, что, в конечном итоге, означало бы, что есть только материальный мир.

В то же время, творчество не является ни самой жизнью, ни ее свойством. Жизнь не сотворила себя, и никакая часть жизни не творит себя.

Закон Гарнелъмиацнел можно понять, рассмотрев простую ситуацию из повседневной жизни.

Материальный мир пассивен, в сравнении с нами, людьми. Мы можем воздействовать на него. В этом смысле, мы выше материального мира, или, другими словами, мы более активны, а материальный мир более пассивен. Можно образно представить себе материальный мир, как нож, а себя, или свою деятельность, как руку. Сам по себе нож не способен ничего сделать: он не может резать, хотя это его функция. Вместе с тем, моя рука также не может резать, хотя и хочет.

Нужно отрезать кусок хлеба. Кусок хлеба можно отрезать, только объединив руку с ножом, то есть, если высшее смешивается с низшим. В результате, образуется нечто новое, не являющееся ни моей рукой, ни куском хлеба, ни даже совокупностью того и другого. Можно назвать это "отрезательным действием". Это **середина**. Она выше куска хлеба, но ниже "меня", то есть, моего намерения.

1 В более ранней, неопубликованной версии, это связано с поиском пищи, Тетартокосмами называются живые существа с одним, двумя или тремя мозгами, другими словами, животные.

Взять нож, чтобы отрезать кусок хлеба, я действовал согласно закону триамазикамно. Чтобы согласиться с этим, нужно понять, что в бытие вошло нечто, не являющееся просто рукой и ножом. До их объединения не было никакого отрезания: нож был куском металла и дерева, и вел себя точно так же, как и любой другой кусок металла и дерева, то есть, был инертным. У моей руки был потенциал всего того, что может сделать человеческая рука, но, опять же, никакого отрезания не было. Отрезание появилось, в результате смешивания моей руки и ножа.

Необходимо понять, что в результате смешивания образуется совершенно новое свойство.

Называя триадический закон "**первичным космическим законом**", Гурджиев имеет в виду, что он не вытекает из механизмов функционирования мира, а представляет собой закон, позволяющий миру быть тем, чем он является.

Понять, что отрезательное действие представляет собой нечто действительно новое, так же трудно, как понять, что подразумевается под Святым Духом в Христианской Догматике. Гурджиев весьма категорично высказывался на этот счет, утверждая, что человек слеп по отношению к третьей силе, то есть, что, не разлив новых способов чувствования, человек не может увидеть независимость третьей силы, хотя она и входит во все, что мы делаем и видим.

Мы стараемся дать этому простое объяснение, вроде того, что быть активным значит делать что-то. Мы не понимаем, что именно третья сила позволяет что-либо делать. Все делается отнюдь не посредством активной или отрицающей силы. Нам трудно постичь это, хотя здесь нет ничего потустороннего.

Для описания разницы между высшим и низшим, Гурджиев часто использует термин "**степень оживления**". Нетрудно согласиться с тем, что жизнь активна по отношению к материальному миру, и не должно возникать также никаких трудностей в понимании того, что жизнь является действием, наподобие отрезания, которое исходит от некой воли, или источника, вне самой жизни.

Можно посмотреть на этот вопрос и с другой точки зрения, с точки зрения различных сред, или сфер. Мы живем в сфере жизни и сфере материальности. Но мы также живем в сфере чего-то, выходящего за рамки жизни. Что-то более глубокое, чем знание внутри нас, говорит нам, что есть нечто большее, чем существование, которое мы осознаем. Это нечто отвечает на вопрос: "Для чего мы живем?" Можно представить себя, вовлеченными в отрезание, и задать тот же вопрос. Увидев кусок хлеба, и то, что происходит, мы начинаем понимать ответ.

В этом смысле, жизнь не самодостаточна. Жизнь зависит от смерти и разрушения; для нее характерно самоуничтожение. По мере того, как мы все больше осознаем жизнь, мы также все лучше и лучше видим, как страдание и разрушение входят в нее. Чем больше мы смотрим на жизнь, тем меньше понимаем, для чего она жизнь. Мы должны достичь того состояния, когда жизнь будет действовать в нас не просто ради жизни, но ради того, для чего нужна жизнь.

Значение Эволюции

В термодинамике, науке, изучающей законы трансформации энергий материального мира, есть закон, суть которого можно свести к тому, что при трансформации энергии из низшего состояния в высшее неизбежно возникают потери. Это было открыто Карно приблизительно 150 лет назад. Понимание этого обстоятельства, в свою очередь, породило чувство того, что потери будут постепенно накапливаться, то есть, энергия будет постепенно переходить в состояние, не способное обеспечить выполнение полезной работы. Это чувство было выражено в известном послании Лорда Кельвина, где, помимо всего прочего, он использовал фразу "тепловая смерть вселенной". Таким образом, эмоциональное отношение к неизбежному исчезновению всего, о чем столь вдохновенно говорил Будда 2500 лет назад, наполнилось теперь новым интеллектуальным содержанием. Казалось, что это фундаментальный закон вселенной, и Эддингтон позже увидел в нем суть Времени.

Постепенно пришло понимание того, что во вселенной происходит нечто совершенно иное, нежели чем такое нисхождение в пропасть. Части мира разогреваются, а не охлаждаются, и жизни, очевидно, отведена в этом особая роль.

Люди в прошлом понимали это гораздо лучше, благодаря непосредственной интуиции, или виденью. Гурджиев, безусловно, опирался на эти древние прозрения. Вне всяких сомнений, концепция Безжалостного Геропасса была заимствована из части Зороастрийского учения, связанной с Зурваном. Зурван не подвластен доброму духу Аюра Мазда. Именно сотворение чего-то, а конкретно, Быка и Человека, Гайомарта, стало первым шагом в сторону предотвращения неизбежного разрушения мира.

Можно описать ситуацию следующим образом: пока мир шел своим путем, куда глаза глядели, он неминуемо катился в пропасть. Когда же он начал оглядываться, и смотреть в сторону своего источника, мог на

чататься процесс эволюции. Когда мы забываем оглядываться на источник, мы снова вовлекаемся в водоворот разрушения. В эволюции происходит переворот сил, что означает возвращение к источнику. В ситуации появляется нечто новое, не образующееся само собой.

Секрет нашей работы заключается в том, что это творческая работа, в результате которой, создается то, чего не было раньше. Именно эта задача была возложена на людей. Таким образом, позволяя потоку инволюции уносить нас, мы идем против причины собственного существования. Однако очень просто идти путем инволюции, и чрезвычайно трудно идти путем эволюции.

Гарнельмиацнел - трансформация вещества

В Рассказах Вельзевула трансформация энергий называется Ансанбалуязар. Природа нашего существующего мира такова, что в нем постоянно должны происходить взаимодействия между энергиями различных уровней. Передвижение энергий вверх и вниз называется соответственно эволюцией и инволюцией. В случае инволюции, множество происходит из единого, а в случае эволюции - множество возвращается в единое. Для того чтобы эти процессы могли протекать, необходимы механизмы воздействия энергий различных видов друг на друга. Гурджиев называет их аппаратами или бытие-аппаратами, считая нас самих, людей, аппаратами, индивидуально и в целом. В отсутствие аппаратов, энергии не имеют возможности контактировать друг с другом.

Описывая Творение в главе "Чистилище", Гурджиев утверждает, что обновление Солнца Абсолюта возможно только, если есть механизм, обеспечивающий поступление субстанций извне. Творческие импульсы, теомертмалогос, посылаются вовне, для того чтобы воздействовать на субматериал, первичную космическую субстанцию эфирокрилно, которая, в свою очередь, реагирует на них в силу своей собственной божественной природы. В результате этого образуются скопления и различные миры, которые являются источниками возвращения к Единому Источнику. Весь этот процесс трансформации называется ансанбалуязар, и так же называются эволюция и инволюция субстанций в пределах какого-либо космоса. Ансанбалуязар обеспечивает возможность взаимного кормления, которое представляет собой основу поддержания существования всего в мире, или трогаавтоэгократ. В неопубликованной версии книги это

обозначалось словом *фагологирия*, перестановка сил, посредством поедания и служения пищей другим.

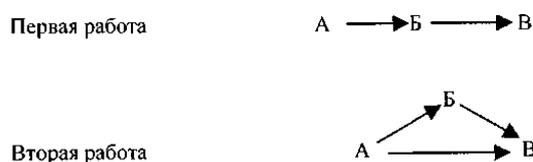

Рис. 1. Триадаический Закон

По словам Гурджиева, *трогоавтоэгократ* стал возможным, олагодаря изменениям в функционировании *триадаического закона*. Изначально все сводилось к простой последовательности: одно переходит в другое, а затем в третье. Потом произошли изменения, позволившие возникнуть чему-то новому. В качестве иллюстрации можно привести рис. 1.

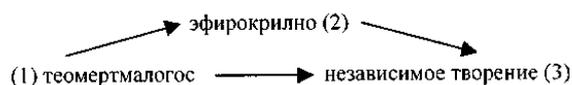
Теперь между функциями трех сил есть разница. Есть место, где два пути сходятся (В), место перехода одной линии в последующую (Б) и место, где все начинается (А). Таким образом, мы получаем конечную точку, точку перехода и точку начала.

Именно такое изменение функционирования позволяет чему-то концентрироваться в определенной точке.¹

Изначальный импульс, исходящий от Солнца Абсолюта, *теомертма-логоса*, должен обеспечить независимое творение, которое, в свою очередь, должно иметь собственную духовную жизнь или свободу, и, следовательно, является носителем третьей силы. С самого начала здесь подразумевается или превосхищается конечная цель.

Чтобы прийти к такому творению, творческий акт должен пройти через *воспринимающую*, или *отрицающую* силу. Эту форму действия можно отразить формулой 1-2-3: *утверждение-отрицание-согласование*.

Можно сказать, что с самого начала человек рассматривает цель, как идею, и движется к цели, как к факту. Есть идеальный путь и фактический путь. Когда в великой космической триаде сотворения мира достигается цель, и возникают солнца второго порядка, мы не просто имеем факт их существования, в них есть что-то от оживленности первоисточника. Солнце является не простым сгущением, образованным из первичного вещества *эфирокрилно*, но также и воспроизведением, или проекцией первоисточника. Оно представляет и творение, и творца одновременно.

¹ Дж. Г. Беннетт также говорил о перевороте одной из этих сил, для иллюстрации чего требуется особая диаграмма.

То же самое относится и к нашему возникновению. С одной стороны, мы зародились из материального мира, из физических и химических субстанций, образующих наши тела и нашу пищу, но, с другой стороны, в человеческую Сущность¹ нисходит духовная природа. Проще говоря, мы зародились из низшего и одухотворены свыше.

Аппараты, созданные таким образом, в результате творческого акта инволюции (1-2-3), также являются аппаратами для обратного движения к источнику, эволюции (2-1-3). Возвращение начинается снизу. Именно поэтому работа над нашей трансформацией начинается с материальной стороны нашей природы. Все начинается с физического тела.

Когда более тонкая субстанция возникает из более грубой, это называется гарнельмиацнел. Концепция гарнельмиацнел, заключающаяся в том, что высшее смешивается с низшим, чтобы актуализировать среднее, Гурджиев использовал в главе "Чистилище", описывая процесс трансформации пищи в организме. Известно, например, что, попадая в рот, пища смешивается с активными элементами, которые образует организм, ферментами слюны. Пища смешивается с ними, в соответствии со "сродством вибраций", образуя протоэхари. Утверждающая сила должна соответствовать отрицающей. В процесс пищеварения вовлечены высокоспецифичные ферменты, которые воздействуют на определенные органические структуры. Один вид ферментов гидролизует сахара, другой - жиры и т.д. Для того чтобы пассивный элемент мог быть трансформирован, он должен войти в контакт с соответствующим активным элементом, в определенном месте и при определенных условиях. Ситуацию можно сравнить с закрытой на замок дверью: ее нельзя открыть без ключа, и нельзя открыть при помощи неподходящего ключа.

Необходимость в соответствии между активными и пассивными принципами в равной степени относится, как к эволюции, так и к инволюции. Давайте рассмотрим очень простой вид инволюции - огонь. Огню необходимо топливо. Пламя, положившее начало огню, может продолжать гореть лишь до тех пор, пока есть горючий материал и воздух. Огонь не способен воспроизвести себя в отсутствие этих материалов.

¹ Два разных по смыслу английских слова - *essence* и *entity* переводятся на русский язык одним словом - "сущность". Во избежание путаницы, перевод слова *essence* (сущность как составляющая часть человека) здесь и далее пишется с заглавной буквы, а *entity* (сущность как существо) - с маленькой (прим. перев.).

Дальнейшие стадии трансформации пищи также совершаются в соответствии с гарнельмиацнел. Бытие-протоэхари поступает в кишечник. Здесь оно смешивается с различными ферментами, и в результате, образуется нечто достаточно активное, чтобы пройти через мембраны кишечных стенок в кровоток. Новая "промежуточная" субстанция, бытие-дефтероэхари, обеспечивает материал для удовлетворения всех потребностей организма. Часть уходит "на нужды самого планетарного тела", сахара сгорают, а некоторые другие вещества участвуют в восстановлении тканей; остальная часть переходит на следующую стадию эволюции, и под действием более специализированных гормонов превращается в тритоэхари, накапливающуюся в печени. Печень представляет собой особый орган у всех хордовых форм жизни, не только у

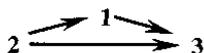
позвоночных. В печени пища оживает и становится частью нас самих, так сказать, воскресает. В печени есть комбинация субстанций, которая способна образовывать простейшие формы жизни, подобно тому, как они зарождались на заре жизни на Земле. Именно поэтому в некоторых традициях печень считается центром человека; эти традиции знали о трансформации энергий.

В этой сфере сам по себе гарнельмиацнел не способен продвигать процесс вперед. В этой точке мы переходим от триадического закона (закона трех) к гептадическому (закону семи). Триадический закон не может обеспечить завершение процесса, и в происходящем должно принять участие еще нечто постороннее. Ситуации, в которых это должно происходить, называются миднел-ин, пути внутрь. В качестве примера можно привести ситуацию, когда пища поступает в печень с венозной кровью, и необходима помощь со стороны воздуха, которым мы дышим.

Воздух, наша вторая пища, относится к более высокому энергетическому уровню, чем еда. Еда должна пройти ряд стадий трансформации, прежде чем достигнет уровня воздуха. Кровь из печени переносится системой сосудов к легким. Там не происходит ни эволюции, ни инволюции. Воздух обеспечивает определенное усилие процесса, поскольку его трансформационный потенциал превышает потребности его собственного гарнельмиацнел.

В процессе гарнельмиацнел что-то всегда восходит вверх, навстречу тому, что нисходит вниз. Это принцип применим, например, к зачатию. Иницирующий фактор заложен в яйце, то есть яйцеклетке. Она не может сама оплодотворить себя: для этого необходима сперма. Существует аппарат половой функции, позволяющий этим двум элементам объединиться.

Материнская цель заключается в том, чтобы яйцеклетка была оплодотворена. Это можно изобразить, как 2 —» 3. Вместе с тем, с точки зрения аппарата существует необходимость в контакте с активной силой, в данном случае, со спермой:

Гарнельмиацнел также можно увидеть и в деятельности нашей школы.' Люди приходят сюда с определенной потребностью; они приходят, чтобы развиваться. Развитие возможно только при наличии аппарата, и поэтому существуют школы. Если школа обладает истинным учением, то будет работать принцип гарнельмиацнел. Если же она не соответствует потребностям приходящих, или если потенциал приходящих не соответствует необходимому уровню, принцип гарнельмиацнел не будет работать.

Подобно этому, половой контакт не будет плодотворным, если мужской и женский начала не соответствуют друг другу. Иными словами, действие может совершиться лишь в соответствующий момент, в соответствующем месте и с участием соответствующих элементов.

В случае гарнелмиацнел, инициатива всегда исходит от пассивного. Так, при половом размножении, именно женщина привлекает к себе мужчину. В отношении же школы, например, нашей Академии, можно сказать, что если инициатива исходит от школы, а не от студентов, то гарнелмиацнел не устанавливается. Вместо него, может начаться процесс инволюции. Такие процессы необходимы в других условиях, например, в случае распространения в мире мощной идеи. Тогда, инициатива будет исходить со стороны утверждающей силы. Если в самой идее заложен достаточно мощный потенциал, то нужно просто найти соответствующие ей ситуации. Идея закрепляется там, где есть "топливо" для сжигания; и постепенно затухает, подобно огню. В связи с этим, идеи должны периодически обновляться в мире, и ни одно учение не может быть вечным.

В случае со Школой все иначе. Она должна обеспечивать условия для эволюции. Инициатива должна исходить от ищущих.² Пока мы являемся ищущими, мы можем вступать в гарнелмиацнел. Как только поиск прекращается, гарнелмиацнел следует за ним, и дальнейший прогресс невозможен. У ищущего должно быть сильное чувство нужды, с соответствующей целью. Далее, нужно выяснить, есть ли соответствие между тем, чему учит Школа, и способностями восприятия ищущего.

Однако гарнелмиацнел будет продолжаться лишь до этой точки. На разных стадиях, или для различных действий, нужны разные катализаторы. В противном случае, деятельность школы остается в рамках первой стадии (протоэхари).

В то время, как гарнелмиацнел представляет собой процесс смешивания, гарнел-аут является дисгармоничным переходом, который, по мнению Гурджиева, возникает в результате нарушений в двух из сто-пиндеров гептапарапаршинока. Это пятая стадия процесса трансформации, которая наступает после первого миднел-ина.¹

Здесь мы сталкиваемся с вибрациями между двумя крайними точками. Контакт с началом был потерян, а контакт с концом еще не был установлен. В случае процесса нашей трансформации, это было названо "Темной ночью Души", но это также имеет место и в малых масштабах и при не слишком грандиозных обстоятельствах, когда мы что-либо предпринимаем. Если событие слишком мало, мы можем пронестись через него по инерции, будучи вовлеченными в какой-нибудь более масштабный процесс.

Когда мы пытаемся достичь чего-либо, или досконально изучить что-то, поначалу, происходят изменения, обусловленные вовлеченностью в процесс гарнелмиацнел. Когда же человек начнет заботиться о самосовершенствовании, о том, что откроет истинную цель поисков, ему предстоит пережить момент отчаянья, когда он будет чувствовать, что не способен достигнуть результатов, или сделать то, что требуется. Опыт гарнел-аут исключительно трудно пережить, но, только пройдя через это, можно добиться настоящих результатов в совершенствовании себя. Во время восхождения на гору, наступает момент, когда еще не чувствуешь себя способным добраться до вершины, но, вместе с тем, чувствуешь, что уже не можешь спуститься вниз. После того, как этот момент проходит,

возникает уверенность в том, что вершина будет покорена, каким бы трудным ни было восхождение. Сама цель становится внутренней силой. Процесс продолжается до точки завершения, второго миднел-ин, когда возникает необходимость в чем-то еще.

Можно охарактеризовать гарнель-аут, в частности, тем, что в этом случае возникает разделение на "я должен" и "я не могу".

Описывая трансформацию пищи, Гурджиев говорит, что при прохождении механо-совпадающего миднел-ин, образуется тетартоэхары, а затем пьянджозэхары. Пьянджозэхары представляют собой пятую стадию, и, как это странно, Гурджиев говорит, что она может привести "не к одинаковым, а к противоположным результатам". Пьянджозэхары становятся мощной силой в человеке, и при помощи нее, мы можем либо продолжить творческую работу, либо удовлетвориться достигнутым и остановить продвижение процесса. В дальнейшем, Пьянджозэхары превращается в экзиозэхары и, в конце концов, ресулзариан, когда пища трансформируется в вещество тела Кесджан.

1 The International Academy of Continuous Education (Международная Академия Непрерывного Образования). В Суфизме ищущих называют саликами, а руководителей - мюридами.

1 Любой процесс законченной трансформации можно представить как октаву, от До и до До, где тональность подвергается различным изменениям, на пути к изначальному положению в октаве. В таком процессе, средней точкой - гарнель-аут - является Соль.

Однако, в этом случае, возникает вопрос: как понимать второй мид-нел-ин? Ни в доступных нам записях бесед, ни в своих книгах Гурджиев не объясняет смысл преднамеренно-актуализируемого-миднел-ин. У всех есть такое чувство, что здесь необходимо нечто большее, чем просто работа аппарата; от нас требуется что-то связанное с жертвой и страданием. Впрочем, Гурджиев никогда не отвечал на вопросы по этому поводу. В Рассказах Вельзевула он просто говорит, что именно на этой стадии в человека входят вещества, необходимые для Высшего Бытия Тела, или Души.¹

Теомертмалогос, энергии и эфирокрилно

Язык, на котором мы говорим, основан на нашем опыте этого мира. Он совершенно непригоден для обсуждения невидимой сферы. В результате, мы вводим себя в ужаснейшее заблуждение, полагая, что действительно что-то понимаем. Мы используем опыт этого мира, осуждая то, что лежит за его границами.

Мы говорим о Боге, но это слово относится к тому, что выходит за рамки нашего понимания. В то же время, мы чувствуем необходимость как-то говорить об Источнике, из которого мы вышли, и в который должны вернуться, а также о Силе, которая создает Вселенную и управляет ею. Мы сразу представляем себе некое существо, поскольку просто не можем представить себе, чтобы что-то делалось не существами, и, в конце концов, мы пытаемся описывать это существо. Таким образом,

сформировалась настоящая лженаука, теология, которая, вроде бы, должна рассказывать нам о Боге, Его свойствах и качествах.

Вследствие абсурдности такого подхода, многие люди встают на пагубный путь отрицания чего-либо стоящего выше них самих. Запутанность и противоречивость теологического подхода для них очевидна, но они попадают в еще более плачевную ситуацию.

1 Гурджиев лишь пишет в главе "Чистилище", что на этой стадии поступает "внешняя помощь", уготованная нашим Творцом для нашего совершенствования, то есть, бытие-парткдолг-дьюти, или "сознательного труда" и "преднамеренных страданий".

Произнося слово "Бог", мы используем его для выражения чего-то совершенно непостижимого для нас. Среди всех великих Учителей, Будда, пожалуй, ближе всего подходил к этому вопросу. Он постоянно внушал своим последователям, что никто не может утверждать или отрицать что-либо в отношении Высшего. И все же, мы должны что-то говорить.

Можно, впрочем, говорить об **энергиях**, не попадая в западню ложных образов. Однако, в этом случае, также допускается ряд ошибок. Люди говорят, что по согласно последним открытиям физики, все в мире является энергиями, и что мысли, чувства и т.п. также следует считать энергиями, и что вообще тогда нет ничего кроме энергий, и что таким образом все будет познано. Это далеко не так. Есть и другие уровни организации, которые нельзя рассматривать с точки зрения энергий. Сюда, например, относится действие законов и детерминанты действий.

Одно из важнейших обстоятельств, которые нам следует обсудить, заключается в том, что есть разные миры. Наиболее простое деление предусматривает существование материального и духовного мира. Это действительно так, но можно также говорить о различных духовных - мирах. Во многих учениях упоминаются семь небес, или семь сфер. Чтобы жить в духовном мире, нужно быть духовным существом, причем есть различные виды духовного существования. В случае человека, мы можем говорить о различных телах, которые упоминаются во многих учениях: природном теле, духовном теле, божественном теле, теле воскресения, астральном теле, ментальном теле, причинном теле и т.д. Иногда говорят, что у человека есть два тела: собственно тело и душа; иногда говорят о трех телах: собственно теле, душе и духе, или, в терминологии Гурджиева: физическом теле, теле Кесджан, и теле высшего бытия, или теле души. Даже в рамках одного учения могут упоминаться различные количества тел, и этому есть объяснения.

Говоря о центрах, Гурджиев иногда называет всего три центра, соответствующие инстинктивным и телесным функциям, функциям эмоций и чувств, и интеллектуальной функции. Однако в другой раз он выделяет инстинктивный центр, как обособленную единицу, а также вводит различие между саморегуляцией тела, и его деятельностью в отношении внешнего мира. Подвиды нервной системы и различия в их локализации в организме позволяют нам согласиться с таким подходом. Кроме того, Гурджиев иногда говорит о сексе и сексуальном центре. Специфическое строение нервной системы и гормональная система, относящаяся к сексуальной функции, делают такую точку зрения вполне

оправданной. Таким образом, мы начали с трех центров, а затем перешли к четырем и, наконец, к пяти центрам. Помимо этого, Гурджиев также упоминает о двух высших центрах, и даже помещает их на диаграмму, показывая, что они относятся к совершенно иным формам опыта. В результате, речь идет о семи центрах человека. Это весьма характерный для Гурджиева подход, и он значительно расширяет возможности языка, используя нефиксированный язык. В то же время, нас не должно смущать то, что сегодня речь идет о трех центрах, завтра о пяти, а еще через день - о семи. То же самое относится к Гурджиевскому описанию тел человека. Иногда, он даже говорит, что у человека есть лишь одно тело.¹ Каким бы ни было описание, оно к чему-то относится, но если мы пытаемся привязать это к фиксированной схеме, то ничего путного не выходит. Различные описания следует воспринимать просто как указатели, помогающие нам ориентироваться за пределами нашего понимания и сознания. Вообще говоря, они не являются описаниями в полном смысле этого слова. Это, скорее, напоминания, пробуждающие в нас ощущение различных форм опыта. Возможно, они могут помочь нам организовать наш собственный опыт.

Каждое тело позволяет человеку жить в соответствующем мире. Это отражено в притче о брачных одеждах, смысл которой заключается в том, что человек не может войти в соответствующий мир, если у него нет подобающего тела, или "одежды".

Есть также понятие уровней сознания, или сознательности. Обычно говорят о состоянии сна и состоянии бодрствования, но согласно психологии Гурджиева существует разновидности состояния бодрствования. Так, есть существенная разница между мечтательным состоянием, в котором люди проводят основную часть своей жизни, и подлинным бодрствованием, когда мы осознаем непосредственный контакт с естественным порядком. Можно также говорить и о еще более высоких состояниях сознательности: космической сознательности, объективном сознании и т.д. Опять же, в различных учениях описываются различные состояния сознательности. Считается, что эти состояния могут флуктуировать, и человек может проникать в тот или иной мир, в результате изменения сознания. Так, Св. Ап. Павел описывает свой собственный опыт, когда он был взят на четвертое небо и осознавал то, что невозможно знать в обычных состояниях сознания.

Следует отметить, что Гурджиев часто употреблял слово "сознательность" в разных значениях. Помимо понятия различных уровней сознательности, или сознания, он часто использует этот термин для обозначения нашего обычного опыта. Например, такая фраза, как "сознание, в котором они проводят свою повседневную жизнь" напоминает нам о различиях между личностью и сущностью. Речь идет о той сознательности, с которой вы читаете эти строки.

Гурджиев, кроме того, говорил об объективном и субъективном сознании, однако, в последние годы и, в частности, в Рассказах Вельзевула, вместо этих терминов он пользовался понятием градаций Разума.

Различные степени сознательности могут быть сопоставлены с различными энергиями, и мы можем сказать, что каждой энергии

соответствует определенный уровень, или степень сознательности. Можно также сказать, что различные тела человека построены из различных энергий, и, в связи с этим, способны входить в различные состояния. Однако и при таком подходе есть опасность встать на путь ложного мышления. Мы слишком быстро начинаем думать о мире, как о месте, где человек присутствует, а о сознательности, как об осведомленности об этом присутствии. Причем, в этом случае, тело служит признаком бытия человека. Мы впадаем в такое заблуждение, когда пытаемся относиться ко всему вышесказанному, как к чертам нашего обычного опыта. Тогда мы теряем контакт с реальностью этого, и нет никакой надежды на понимание.

Даже если мы получаем определенную помощь для того, чтобы достичь нового уровня понимания, мы зачастую сводим это к чему-то заурядному. Люди, имевшие непосредственный опыт и чувствующие себя обязанными передать нечто другим людям, не имевшим такого опыта, сталкиваются с непосильной задачей. В их ситуации имеет место направление от общего к частному, тогда как, в случае других людей, дело обстоит наоборот. Люди, живущие разделенностью, вынуждены мыслить с точки зрения пространства и времени, как это происходит, когда мы составляем карты, чертежи машин или анатомические атласы. Это не только блокирует понимание, но, что еще хуже, ставит крест на возможности новых видов опыта. Даже в случае настоящего опыта, люди воспринимают его по-старому. Люди сопоставляют воспринимаемое прежним способом, как если бы между вещами не было никакой связи.

Имея дело с духовным миром, совершенно недопустимо пытаться идти от частного к общему. Духовный мир начинается с целого, тогда как материальный мир начинается с частного.

Понятно, что здесь нет смысла начинать с объяснений, и просто необходимо полагаться на опыт, однако, нужно сказать несколько слов об опасностях на этом пути. Каким бы ни был поиск или изучение реальности человека, вселенной, Бога или любого другого элемента целого, в пределах которого мы являемся тем, кем мы являемся, мы непременно встанем на ложный путь, если не будем поддерживать контакт с целым. Можно, например, возобновлять контакт с целым в качестве духовного

1 Что, вероятно, связано с "чувствительным телом" или "носителем".

упражнения.¹ Целостность, в которой мы принимаем участие, например, объединяясь в холке,² не может быть сведена к количеству. Двое или трое, собиравшиеся вместе обладают такой же целостностью, как и все человечество.

Теперь мы можем сказать, почему настолько важно изучать энергии. Энергетический подход позволяет нам говорить о функционировании Вселенной, не обсуждая действия существ, какими бы вещами они ни занимались, и какими бы ни были эти существа, великими или нет, абсолютными, божественными или людьми. Очень трудно понять бытие; следует учитывать, что бытие существа значит что-либо лишь в очень

узких пределах, и мы должны смотреть дальше. В то же время, понять небытие — это слишком сложная задача.

Энергии занимают некое промежуточное положение, и изучение энергий позволит нам правильно понять **действие**, не представляя его исключительно как деятельность каких-либо существ. Мысля обычным образом, мы считаем, что существо первично по отношению к действию, или, что существо, в определенном смысле, не зависит от действия. Так, обсуждая какие-либо действия, мы видим определенное число людей, старающихся что-то сделать, или делающих что-либо. На самом деле, все наоборот. Мы - ничто, это действие создает нас. Наше бытие - иллюзия; реально только действие.

Очень трудно понять, что есть действия, которые позволяют вещам быть. Если я говорю что-либо, на самом деле, это не Я говорит, а речь говорит меня. Это можно осознать, если хорошенько пронаблюдать за собой; в определенный момент мы начинаем понимать, что мир представляет собой действие бесконечного значения. Существа связаны с этим действием, но занимают подчиненное положение, по отношению к действию.³ Именно действие производит на свет существ, и" когда действие заканчивается, завершается и бытие существ.

Иногда, художнику удается до некоторой степени прочувствовать это, когда он понимает, что не он пишет картину, а картина делает его художником, создавая себя посредством него.

Мир находится в процессе сотворения. Это ультимативное обстоятельство. Было бы неправильно утверждать, что мир либо создает себя, либо создается кем-то. К пониманию этого мы можем прийти, изучая энергии.

1 Например, в случае трех руку, уважение индивидуальных, универсальных и абсолютных качеств целостности, хотя, несмотря на то, что это весьма конкретные термины, люди часто понимают их неправильно.

2 См. также раздел о Гелкдонисе, стр. 1106.

3 Гурджиев использует для этого понятие **бытие-аппаратов** для трансформации энергий.

Прежде всего, следует сказать несколько слов об основе, на которой создается мир. Гурджиев в этой связи говорит о "первичной космической субстанции". Конечно же, это отнюдь не новая и уже довольно известная мысль. Современная физика, например, считает необходимым найти нечто, что еще не являлось бы частью бытия, и, все же, могло быть его предшественником. Можно называть это неким первичным состоянием в прошлом или чем-то происходящим постоянно, или чем-то происходящим вне времени в другом измерении; все дело в космологическом языке, который предпочитает использовать человек. Так или иначе, считается, что первичная субстанция еще недостаточно организована, чтобы быть чем-либо. Это даже не радиация, и не вещество, построенное из частиц.

Гурджиев в отношении этой субстанции использовал слово эфирок-рилно, в котором греческое слово эфирос сочетается с буквами К и Р. Последние во

многих языках означают творческую силу, как, например, в английском слове "creation" (творение). В арабском языке, буквосочетания *KP* и *KPP* являются важным элементом, означающим творческое действие. Таким образом, эфирокрилно означает бесформенный материал, в котором может происходить творческий процесс.

На первый взгляд, может показаться, что это очень простая концепция, но это далеко не так. На самом деле, это очень сложная концепция. Как только мы присваиваем чему-то имя, мы сразу же начинаем думать, что говорим о чем-то существующем. Эта трудность вполне очевидна в случае отношения физики к эфиру: существует он или нет. Если он существует, то должен обладать определенными качествами, но тогда теряется и весь смысл понятия. В то же время, если у эфира нет свойств, то он не существует и, следовательно, не может быть нам полезен для понимания. Само по себе эфирокрилно ничем не является, и, все же, все вещи сделаны именно из него.

Гурджиев, кроме того, говорит о теомертмалогосе, высшей организующей силе, которая создает бытие из эфирокрилно. Дословно этот термин можно перевести, как "слово из уст Бога". Оно за рамками бытия. В Коране по этому поводу сказано "Будь, и было". Между теомертмалогосом и эфирокрилно происходит бесконечное действие, но для того, чтобы это действие могло происходить, нечто должно соединять их. Третий элемент, присутствующий во всех действиях мира, Гурджиев называет Святым Согласующим.'

В Рассказах Вельзевула, Гурджиев утверждает, что источником теомертмалогоса является Солнце Абсолют. Солнце Абсолют не является

1 Это подробно обсуждалось в ранней версии "Чистилища", но в опубликованной версии все несколько запутаннее.

существом, и представляет собой совершенно унифицированный источник, эмаллирующий творческую силу. Гурджиев не использовал в данном случае слово "исходит", поскольку оно обычно употребляется в отношении третьей силы.

Концепция трех сил имеет очень древние корни, например, в случае Индо-Европейской традиции, представленной Ведами, которые были написаны много тысяч лет назад, когда мир был богат мудростью. Две или три тысячи лет назад, древняя традиция была пересмотрена в учении Санкхья} Здесь мы встречаем доктрину трех гун, но позже изначальный смысл был утерян, и гуны стали ассоциироваться с моралью и состояниями бытия. В более древнем понимании, гуны представляют собой тройственность, положившую начало разнообразию мира. Трудности всегда начинали появляться, когда о тройственности начинали говорить с точки зрения бытия. Особенно ярко это проявилось в Христианстве. Особые трудности возникли с пониманием роли второй силы, которую связывали с Воплощением. Огромный вклад внесли школы Северной Африки и Александрии, и в символ веры был внесен пункт о том, что третья сила исходит от первой и от второй. Третья, согласующая сила делает возможным наличие любви в творении. Согласующее действие требуется для целостности творческого процесса, причем не в каком-то далеком

прошлом, а постоянно и вне времени. Это глубокое учение проповедовалось вместе со способом помощи людям в их жизни. Последний заключался в выдвигании мотивов служения космической цели.

Идеи Гурджиева никоим образом нельзя считать новыми, но они преподносятся в значительной степени независимо от прочих ассоциаций.

Продолжая разговор о начале творения, имеет смысл представить себе поверхность первичного океана, где нет движения, пока не сойдет творческая сила. Первым действием становится борьба в эфирокрило, которая предшествует его переходу в статус бытия. Великие мудрецы Ведических времен, Риши, понимали эту борьбу, как Тапас, движение, порождающее различия. Это слово означает "теплоту", но употребляется также и для обозначения аскетизма и жертвы.

Символический образ океана, на который нисходит творческая сила, появляется также и в начале Книги Бытия, где используется странное слово Элохим. Хотя это слово имеет форму множественного числа, оно, тем не менее, прежде всего, отражает единство, в силу наличия слога ЭЛ. Следует отметить при этом, что в нас самих есть определенная форма той же духовной силы, которая породила первое движение. В глубине нашей природы есть потенциал трансформации, благодаря которой мы можем вступить в космическое действие, и, таким образом, обрести собственное бытие. Однако все должно с чего-то начинаться. В душу человека должна войти духовная сила. В данном случае, слово "душа" следует понимать, как нечто вроде эфирокрило, нечто неорганизованное, просто возможность стать чем-то. Вхождение творческой силы сопровождается ощущением недостаточности.

1 Школа была основана Копилой, по всей видимости, жившим до шестого века по Р. Х., но достигла своего расцвета лишь гораздо позже.

Одному великому христианскому теологу, Мейстеру Экхарту удалось выйти за рамки понятий личности и бытия. Он понимал настолько много и настолько глубоко, что просто не мог передать это. Время от времени, это знание открывается, если необходимо привести что-либо в действие. Кроме того, всегда есть люди, понимающие это в достаточной степени, чтобы сохранять преемственность. Столетием или двумя ранее Мейстера Экхарта, Григорий Палама, восточный монах из Византии, также понимал некоторые необычайные вещи, которые не мог передать по причине их исключительной непривычности. Кроме того, задолго до этого жил удивительный человек, Ориген, которого вообще практически никто не считал христианином.

Одним из наиболее значительных понятий, введенных Оригеном, было ощущение одиночества, стерисис. Это ощущение было введено в космос для того, чтобы творение могло творить себя. Если бы оно не осознавало свою отделенность от Источника, ничто не заставило бы творение возвращаться к своему Источнику. Следовательно, одиночество является началом творения.

В то же время, можно взглянуть на вопрос и с другой крайней точки проникновения теомертмалогоса в мир. Здесь одиночество превращается в

нечто совсем иное, нестерпимую потребность в объединении, в окончательном освобождении от всего, что разделяет нас. Между этими двумя точками есть множество промежуточных состояний, соответствующих различным видам работы.

Вообще говоря, слово "энергия" означает работу, *energeia*. В школе нас учат тому, что энергия является "мерой способности выполнять работу". Нам остается только совместить понимание того, что энергия делает действие возможным, с тем, что энергия сама является действием.

Из физики мы знаем, что есть такие параметры, как количество энергии и интенсивность энергии, различающиеся между собой (как, например, количество тепла и его температура). Кроме того, мы говорим о качестве энергии, и о том, как энергия одного качества может быть трансформирована в энергию другого качества. Идея качества, хотя и с другой стороны, глубоко развивал Григорий Палама, активно использовавший это понятие в отношении божественных дел, или энергий.

В случае же высших энергий, мы сталкиваемся с целостностью, в которой даже не могут быть выделены части. Даже понятия качества здесь уже не достаточно.

На шкале энергий, один конец которой образует эфирокрило, а другой - теомертмалогос, есть различные уровни, о которых можно говорить по-разному. Можно называть их разными мирами, разными состояниями сознаниями, разными модусами бытия, разными потенциальностями в отношении выполнения космической задачи и т.п. На самом деле это не названия различных вещей, это разные способы говорить об одном и том же. Среднюю часть шкалы энергий занимает жизнь. Мы, в свою очередь, живем в самом центре жизни. Жизнь, в полном смысле этого слова, является нашим естественным миром. Мы знаем, что есть более низкие уровни, чем жизнь, инертные материальные уровни. Но мы не знаем о более высоких уровнях, чем жизнь. Их очень трудно себе представить.

Нам известны различные способы организации жизни. На физиологическом уровне, кровь и человеческий организм работают подобно обычным физическим генераторам и моторам, а мышцы и т.п. очень похожи на машины, которые мы сами создаем. Когда же мы имеем дело с тонкими, духовными частями человека, мы говорим о втором теле. "Кровью" этого тела кесджан является ганбледзойн. Ганбледзойн служит одним из ключей к пониманию наших внутренних и внешних возможностей. Гурджиев использует это слово во множестве различных значений. В Третьей Серии¹ своих книг он писал о решении пожертвовать своей собственной силой в сфере ганбледзойн, силой, которую он мог использовать в личных целях. В другом месте, он говорит о ганбледзойн как об эманации тетартокосмов, под которыми подразумеваются трехмозговые существа. Ганбледзойн также называется в качестве вещества высшего тела человека.

В случае физического мира, мы знаем, что существуют различные энергии, и для работы каждой машины требуется определенный вид энергии, или топлива. Мы кое-что знаем о генераторах, которые превращают один вид энергии в другой. Мы считаем, что, как правило, работа таких устройств

должна регулироваться и контролироваться внешним сознанием, человеком-оператором, а сами эти устройства должны быть кем-то сконструированы и сделаны. Что же касается организма, то мы знаем, что не конструировали его, и, по большей части, даже не знаем, как управлять им. Все, что относится к трансформации энергии для функционирования организма, делается инстинктивно, без участия нашего сознания. Изучая собственный организм, мы скоро начинаем понимать, что очень трудно провести разграничительную черту между энергией и механизмом, который ее использует. В качестве наиболее важного примера можно привести кровь. Здесь очень сложно сказать, что является энергией, что машиной, что генератором, а что сырьем для работы всей системы. Тем не менее, нам кажется, что мы знаем кровь. Даже если мы и допускаем наличие еще не выявленных нами субстанций и процессов в крови, мы считаем, что они будут обязательно похожи на то, что нам уже известно.

1 Г. И. Гурджиев, Жизнь реально, только когда "Я Есть", опубликована только для внутреннего круга.

Дочитав книгу до определенного момента, человек практически теряет надежду понять "значение" таких слов, как ганбедзойн и др. Мы не можем относиться к ним так же, как к объектам материального мира. Возможно, нам имеет смысл пойти еще дальше, и вообще не ставить вопрос о значении, поскольку этот вопрос подразумевает разделение, уводящее нас от целостности вещей.

Допустим, мы смотрим на дерево и спрашиваем себя, что оно означает. Глупость этого вопроса вполне очевидна. То же самое относится и к ганбедзойну. Ганбедзойн, в действительности, является действием человеческой сущности.

Жизнь нельзя считать исключительно человеческим, земным свойством; она обладает особым качеством, позволяющим ей соединять атомарный мир физических феноменов с универсальным миром, выходящим за рамки индивидуализации и бытия, подлинно духовным миром. Жизнь, таким образом, служит мостом, а мы являемся его частью. При этом Гурджиев говорит о триадическом законе творения, как об универсальном космическом законе. Он называет его триомазиконо, "связываю три воедино". В ультимативной космической схеме, теомертмалогос представляет собой святое утверждение, а эфирокрилно - святое отрицание. Вся деятельность вселенной, в особенности, связанная с жизнью, заключается в согласовании.¹

Где-то между бесформенной основой и творческим источником есть уровень, занимаемый неким самостоятельным, самообновляющимся существованием, которое способно обрести человеческое сознание. Нетрудно убедиться в том, что, будучи сознательными, мы обладаем теми возможностями, которых у нас нет в бессознательном состоянии. Возможно, здесь имеет смысл говорить о различных уровнях, начиная с состояния сна, и, заканчивая сознательностью, при которой мы можем видеть настоящую суть вещей. Есть ли что-то, выходящее за рамки сознания? Очень трудно понять вопрос в такой форме. Это все равно, как

если бы спрашивали о том, если ли что-нибудь за жизнью - не более высокая, более организованная форма энергии, а что-то совершенно иное.

Г. И. Гурджиев, *Все и Вся, Рассказы Вельзевула своему внуку*, стр. 779.

Реальность, которую мы ищем, выходит за рамки сознания. Мы не можем, дотронуться до нее, пока живем в плену у сознания. Сознательность можно представить себе, как мост, на одном конце которого находится нечто более низкое, чем сознание, а на другом - нечто выходящее за рамки сознания.

Часть Третья

КОСМОГОНИЯ

Святая Планета Чистилище, 1974 Безжалостный Геропасс, 1974 Закон семи, 1974

Святая планета чистилище

Рассказы Вельзевула повествуют о мире, человеке и Боге с точки зрения борьбы, с позиции единства в выполнении общей задачи. Мир отнюдь не является совершенным механизмом, результаты работы которого предопределены заранее. Миру присуща определенная доля несбалансированности, с которой необходимо справляться. Именно с этого начинается дхарма творения.

*В главе "Чистилище" мы сталкиваемся с резким отличием мира с совершенными законами от мира, в котором постоянно имеется необходимость в определенном приспособлении, коррекции и вмешательстве. В качестве первого мира называется Солнце Абсолют. На первый взгляд, трудно понять, почему Солнце Абсолют должно уменьшаться с течением времени. О том, что подразумевается под безжалостным геропассом, мы будем говорить с вами позже, скажу лишь, что время является неотъемлемым фактором для **всего происходящего**.*

Можно попытаться представить себе некую статичную ситуацию, когда совершенный, не требующий внешних энергетических затрат и не изнашивающийся механизм постоянно производит заранее предопределенные результаты. Если все настолько отлажено, что нет вообще никаких потерь, то, на самом деле, ничего не может и происходить. Если должно произойти что-то, то все остальное произойти не может. Если мы говорим, то мы не можем одновременно молчать. Любые проявления сопровождаются колоссальными потерями, поскольку появляется огромное количество того, что не может произойти. Именно это подразумевается под уменьшением размеров Солнца Абсолюта. Это уменьшение количества возможностей.

Возможно, мы могли бы предположить, что Солнце Абсолют в этом смысле похоже на простой маятник, беспрестанно колеблющийся без трения и торможения. Но, в этом случае, ничего бы не происходило. Кроме

того, не было бы времени, в нашем понимании этого слова, поскольку все было бы полностью обратимо. Именно таким многие люди представляют себе Царство Божье, но Гурджиев не стал бы стремиться к такому миру.¹

Если мы говорим о необратимости, то есть окончательности изменений, то, рано или поздно, всему должен настать конец. С каждым последующим событием количество возможностей уменьшается. В связи с этим должна быть обеспечена возможность обновления.

Обновление не делает ситуацию более простой и упорядоченной. Оно не способно действовать подобно законам предопределенности. По словам Гурджиева, совершенно очевидно, что модификация фундаментальных законов влечет за собой появление риска.

Можно взглянуть на это с точки зрения эволюции на нашей планете. Было время, когда жизнь полностью управлялась простыми законами изменчивости и отбора, описанными Дарвином. Затем, наступил момент, когда все это было нарушено появлением человека, который способен действовать наперекор этим законам. Это, в свою очередь, породило ряд совершенно новых возможностей.

Если бы мы были совершенными животными, с регламентированной до мелочей жизнью, не было бы никакого человеческого, интересного и творческого мира. В то же время, по многим пунктам мы, безусловно, являемся невысокого полета несовершенными животными. Наряду с плюсами есть и минусы.

Такое создание новых возможностей наделяет смыслом успех, а значит и неуспех тоже. Это нечто новое. Безупречно настроенные часы будут точно показывать время, пока не выйдут из строя и не станут абсолютно бесполезными. Здесь нет успеха или неуспеха. За появление чего-то нового в мире приходится платить неопределенностью, опасностями и не защищенностью.

1 Таков микроскопический мир. Ученые всегда недоумевали, как совокупность обратимых процессов микроскопического мира может образовывать мир макроскопических событий, одним из законов которого является необратимость (термодинамическое время). Многое из того, что писал Гурджиев в главе "Чистилище" должно помочь нам понять это обстоятельство. В макроскопическом мире имеет место взаимодействие между относительно независимыми внутренними и внешними процессами. В этом суть макроскопического мира. Таким образом, мы имеем дело с тем же самым, что и модификация фундаментальных законов, установление их зависимости от "внешних сил", о чем, собственно, и говорит Гурджиев.

2 Создание новых возможностей является основной темой *Рассказов Вельзевула*, которые с полной уверенностью можно назвать гимном человеческой, ангельской и божественной изобретательности. В то же время, мы всегда должны рассматривать эту работу как некий "открытый вопрос", а не как некую предопределенную деятельность, изначально подразумевавшуюся как часть великого механизма.

Судя по описанию законов Солнца Абсолюта, можно подумать, что они независимы и совершенным образом приспособлены. Закон трех, триамазшамно, связывает все элементы между собой. В свою очередь

закон семи, гептапаранаришинок, определяет то, как мы переходим из одного состояния в другое. В своей изолированной и чистой форме, это закон причинности, не учитывающий какие-либо побочные связи или взаимодействия: все совершенно предсказуемо. В физике закон трех известен как закон сохранения энергии, согласно которому, в материальном мире ничего не исчезает и не появляется на пустом месте. Закон семи, в свою очередь, обретает форму закона необратимости, который гласит, что при любых взаимодействиях что-то теряется, и, в конце концов, все должно прийти к мертвой точке, или равновесию. Эти два физических закона известны под названием первого и второго законов термодинамики. В то же время, их формулировки не учитывают возможное вмешательство разума.

Великая перемена, которую повлекло за собой развитие науки в двадцатом веке, заключается в постепенном понимании того, что неопределенность, неточность и непознаваемость законов заложена в самой природе существующего мира. Мы все больше и больше убеждаемся в том, что мы сильно ошибались, полагая, что, располагая достаточными знаниями, мы могли бы справиться с любой ситуацией. Неверность такого представления была выяснена в результате использования компьютеров. Создатели вычислительных машин предполагали, что с помощью этого инструмента мы сможем предсказывать будущее и, в конце концов, контролировать его. Однако все вышло как раз наоборот, и мы только больше запутываем себя, используя компьютерное прогнозирование, вместо собственной интуиции.

Когда Гурджиев писал Чистилище, люди все еще искали новые законы, которые бы позволили предсказывать момент дезинтеграции атома и т.п., то есть, предсказывать, казалось бы, непредсказуемое. Сейчас мы чувствуем себя еще менее уверено в этих сферах, и начинаем осознавать неопределенность физического мира, в еще большей степени мира жизни, и даже в еще гораздо большей степени мира человеческой жизни. Чем выше мы поднимаемся по этой шкале, тем больше мы обнаруживаем неопределенности, непредсказуемости и риска. В главе, о которой мы говорим, Гурджиев хотел показать, что эта неопределенность распространяется вплоть до высшего источника.

Разум существует как-то помимо законов и воплощает "непредвидимость" Его Бесконечности. В случае разума возможна обратная связь с источником, и он действует посредством образования щелей, или дыр. Это означает, что закон семи уже не может работать изолированно, поскольку возникают щели, которые должны быть чем-то заполнены. Вместе с тем, действуя независимо, гептапаранаришинок всегда завершал свой цикл вполне предсказуемым образом.

Все происходящее в физическом мире может происходить только благодаря наличию дыр. Возьмем, например, всем знакомую воду, которая может течь по трубе или вниз по горному склону. Не будь в структуре воды дыр и нарушений последовательности, она не могла бы течь. При уменьшении количества дыр мы получаем лед, но если бы дыр не было вообще, то лед был бы несокрушим. В мире без дыр ничего не может происходить.

В процессе изменения действия закона, в некоторых местах открываются щели, в других местах плотность элементов, наоборот, увеличивается, а в других местах связи становятся неопределенными и рискованными. Изменение действия законов является второй стадией творения. Поскольку появляется возможность противоположных действий, и направление может меняться, приходится жертвовать предсказуемостью.

Один из видов неопределенности проявляется в том, что никакая причина не может быть достаточным условием для появления результата, поскольку должны произойти параллельные события. Реально это означает удлинением третьего стопиндера. Вторым следствием являются вынужденные прерывания последовательности, сводящиеся к укорочению седьмого стопиндера. Благодаря этому, возможно определенное влияние результата, или "будущего". Таким образом, возникает дисгармония между началом и концом. В определенном месте процесса перехода, гарнель-аут, чувствуется, что процесс уже не связан со своим источником, удерживавшим его, но еще не связан и со своей целью направляющей нитью.

Мы не видим в мире совершенных взаимосвязей, когда бы каждая часть космоса была бы безупречно связана с другими частями; всегда есть необходимость в какой-то помощи. Мы не находим совершенных триад, во всех триадах нашего мира чего-то не хватает, так что приходится заимствовать недостающие элементы из других триад. В связи с этим, вместо независимых триад существует целая сеть триад, устойчивость каждой из которых зависит от остальных.

Таким образом, Автоэгократ - "я держу все под контролем" - заменяется на трогоавтоэгократ - "я поддерживаю себя, питаюсь" (тропо - "я ем"; авто - "себя"; эго - "я"; крат, от кратизо - "поддерживаю").

Итак, совершенный и несовершенный механизмы оказались бок о бок друг с другом; один из них ограничен, а другой - нет. Комбинируя их

друг с другом, можно запустить процесс самообновления и "испарились все опасения по поводу того, что Солнце Абсолют, в конце концов, исчезнет. Это относится к видимому для нас миру, миру, который мы называем материальной вселенной.

Изначально, Мудрость Божья, теомертмалогос, или Бог-Слово, только инициировал движение мира, который затем начал управляться законами механики. На третьей стадии творения теомертмалогос должен был проявиться как третья, или согласующая сила. Теомертмалогос как третья сила входит туда, где активно солнце второго порядка, а все остальные солнца, по отношению к нему, пассивны. В этом действии мы сталкиваемся с разделением на внешнее и внутреннее, что соответствует Миру XII,¹ миру индивидуальности, миру солнц второго порядка.

Однако, если разум Творца вынужден поддерживать мир в порядке, то последний не выполняет своего предназначения. Разум должен войти в сам мир, а мир, в свою очередь, должен стать разумным, вне зависимости от Бога. В результате, независимые разумы должны все больше и больше

перекладывать на свои плечи работу по установлению обратной связи, или трогоавтоэгократа, чтобы мир мог поддерживать жизнь и бессмертную систему, в которой мог бы работать Создатель.

Солнца второго порядка являются вторичными творческими силами, но они ограничены. Именно это подразумевается в книге под словами: "они потеряли половину своей животворности". Солнца второго порядка, как мы уже сказали, соответствуют Миру XII, а также индивидуальности в каждом из нас. Солнца третьего порядка, или планеты, соответствуют Миру XXIV, а также нашей Истинной Самости. Здесь мы встречаемся с разделением на внутренний и внешний круг фундаментального гептапарапаршинок.

Процесс, протекающий во внешнем цикле гептапарапаршинок, в дальнейшем, продолжается через планеты и луну, в результате чего создается весь физический мир. Кроме того, есть творение, начинающееся в солнце, когда появляется индивидуальность и приводит, прежде всего, к формированию тетартокосмов, или живых существ, соответствующих Миру XLVIII. После этого у тетартокосмов возникает возможность зарождения разумности, или Объективного Разума, то есть образования трехмозговых существ.

Далее, Гурджиев говорит о том, что Творец обращает особое внимание на некоторых трехмозговых существ, наделяя их возможностью в индивидуальном порядке возвратиться к Источнику. На самом деле, это можно по праву назвать четвертым творением. В этой связи, мы можем говорить о четвертом элементе человека, его собственном единстве, или

1 Схем миров подробно описанна во втором томе Драматической Вселенной, гл. 29.

"Я", которое он не наследует от родителей, планетарных условий на момент его рождения, или даже от Солнца. Он получает его непосредственно от Источника, от Бога.¹

Тетартокосмы, на самом деле, являются животными, в то время, как микрокосмы - это клетки организма. В случае, когда возникает возможность зарождения второго тела, мы можем говорить о существах.

В то же время, есть два пути творения разумных существ. В первом случае, они наделяются разумом с самого момента своего создания. Это "ангелы", о которых Гурджиев пишет, что они образуются на планете Модиктео из всех трех безупречно согласованных сил в результате единого акта зачатия: мартна, спирна и окина. Эти совершенные по своей природе существа ответственны за управление миром и занимают особо близкое положение по отношению к Его Бесконечности. Тем не менее, они способны справляться не со всеми ситуациями, поскольку не могут полностью вовлекаться в рискованное положение мира. Поэтому, возникает необходимость в разумных существах, которым бы разумность доставалась непросто.

Совершенные трехмозговые существа Модилтео соответствуют Мегалокосмосу, или Миру VI, выходящему за рамки индивидуальности. Несмотря на все это, они находятся в пределах существующего мира и,

следовательно, ограничены. Таким образом, между Миром VI, мегалокосмосом, и Миром III, Солнцем Абсолютом, или протокосмосом, возникает напряжение.

Гурджиев, видимо, хотел вызвать у нас серьезное удивление, утверждая, что напряженное состояние может существовать даже на высшем уровне творения. И дело здесь не в неправильных действиях, а в том факте, что между конечным и бесконечным есть несовместимость, которую невозможно преодолеть. Гурджиев, в связи с этим, говорит об излучении Солнца Абсолюта, которое исходит, как от конечных, так и от бесконечных источников. Возникающее в результате этого напряжение или затруднение называется Почти-Бого-Молитвенным периодом, то есть, "когда Бог был почти вынужден просить о помощи".

В результате столкновения конечного и бесконечного, или ограниченного и неограниченного возникает неразрешимая проблема. В данном случае могут быть лишь относительные выходы из положения. Планета Чистилище, как раз, и является таким выходом.

1 Для тех, кто знаком с символикой триад, привожу четыре соответствующих триады порядка, которые задействуются при зачатии:

3*-1*-2* описывает наследственность

3-1*-2 описывает планетарные влияния, или рок

3-1-2* описывает влияние солнца, или судьбу

3-1-2 описывает дар свободной воли

Разумы, возвращающиеся к источнику, должны быть каким-то образом подготовлены, чтобы они не нарушили совершенство источника. Чистилище находится в Мире XII, где сложилась особая ситуация, в которой конечное и бесконечное сочетаются друг с другом. Таким образом, напряженность, или агония, переносятся в Мир XII, и Мир VI остается "защищенным". Через этот барьер невозможно пройти, не избавившись от ограничений существования. Об этом учат все религии, хотя сегодня уже и не в очень очевидной форме.

В Христианстве изначальная идея была настолько изменена, что Чистилище стало считаться этапом, через который способен пройти каждый. Сегодня люди даже рассчитывают попасть на небо, вообще не задумываясь о Чистилище. В учении Ислама говорится о том, что необходимо пройти через очистительное страдание, но, в конце концов, все попадут в рай, или Солнце Абсолют.¹ В Буддизме, понятие нирваны более отчетливо выражает необходимость отбросить стремление к существованию, злую волю и разделенность.

По словам Гурджиева, человек не может попасть на Святую Планету Чистилище, не преодолев эгоизм, отделяющий его от других людей. В предпоследней главе "Форма и последовательность" Вельзевул рассказывает Хассейну, что на дверях Святой Планеты написано: "Только-тот-может-войти-сюда-кто-ставит-себя-на-место-других-результатов-моих-трудов". Это означает, что необходимо иметь полное сострадание.

Давайте теперь выясним, что же такое Планета Чистилище. Я читал потрясающую книгу Св. Екатерины Генуэзской, которая называлась Чистилище и была основана на ее видениях. Она знала, что необходимо было пройти через это состояние, чтобы прийти к безграничному совершенству. В конце Рассказов Вельзевула Гурджиев называет абсурдом мысль о том, что Рай и Ад являются другими мирами, существующими где-то, и говорит, что они "здесь, рядом с нами, на Земле". Одна и та же планета может быть, и Чистилищем, и Раем, и Адом, или попросту большим зоопарком.

У нас есть возможность достичь освобождения, как говорил Будда: "Здесь, в этой жизни". Сегодня, путь ускоренной трансформации доступен многим людям. Человек, достигший определенной стадии развития, попадает в течение, которое, в конце концов, приносит его к этому. Гурджиев неоднократно повторял это в Рассказах Вельзевула.

1 Здесь можно вспомнить также о том, что Гурджиев сказал м-ру. Беннетту: "Рай - это легкий, обязательный путь к Солнцу Абсолюту".

Все вышесказанное имеет кроме психологического также и буквальный смысл. Чистилище является миром, и, с этой точки зрения, может быть названо планетой. Это часть Мира XII, в которой человек может видеть, что требуется, но, в силу своих недостатков, неспособен делать. Этого нельзя полностью понять, пока Хозяин - индивидуальность - ни пробудится и ни будет в полной мере бодрствовать в нас, и ни установится должная связь между Хозяином и другими частями в Мире XXIV и XLVIII. В связи с этим, в начале главы говорится о ситуации, когда все вокруг прекрасно и идеально, а внутри все страдает. В этом состоянии, человек может обладать всем в низших мирах, но знает, что не будет совершенно свободен, бессмертен, пока не оставит собственное обособленное существование. В то же время, человек способен узнать, что значит выйти за пределы существования. В главе по этому поводу говорится, что Отец Бесконечность является душам на Святой Планете Чистилище.

Почему же настолько сложно стать совершенным, если, как принято считать, в высшем мире все так чудесно? Почему только у нас может что-то не получиться? Гурджиев прикладывал колоссальные усилия к тому, чтобы люди понимали, что в высшем мире не все так чудесно. Помню, я однажды сказал ему: "Наверное, труднее всего быть Богом". Он посмотрел на меня и сказал: "Это так".

Обсуждение

Примечание Редактора: Дальнейшие разъяснения М-ра. Беннетта прояснили много вопросов, которые обычно возникают у прочитавших главу "Чистилище". Большинство из приведенных далее вопросов были заданы студентами пятого курса Шерборна и записаны специально для настоящей монографии.

В. Если высшие миры относятся к высшим измерениям, почему тогда Солнце Абсолют подвержено действию Геронасса?

Дж.Г.Б. В этой главе, творение представлено в виде последовательности стадий, каждая из которых была нужна для восполнения чего-то недостающего в предыдущей стадии. Это единственно возможный способ описания, поскольку мы не способны описывать события или говорить о них, иначе как с точки зрения последовательности. Например, если вы создаете чертеж дома, то, прежде всего, вы будете составлять общую картину размеров, формы, расположения, количества комнат и их предназначения, и лишь потом вы рассчитываете все в деталях. Тем не менее, вы могли бы пользоваться и совершенно другим алгоритмом строительства дома. Однако, в любом случае, строительство дома полностью отличается от того, как появилась вселенная. Было совершенно справедливо отмечено, что ее ввод в существование не был сопряжен со временем, подобно нашим действиям. Мы просто избираем метод описания, соответствующий принципам работы нашего ума. Вполне возможно, что Творческий Разум действует совершенно иначе. Огромная часть возникающих вопросов, на самом деле, относится исключительно к способу описания.

В. Какая разница между инволюцией и эволюцией? Оба процесса, вроде бы, подчиняются закону семи: в первом случае энергия становится более грубой, а во втором - более тонкой.

В. Каким образом сотворение различных миров, вплоть до абсолютного ничто, и возникший в результате этого обратный поток энергий, могли создать более стабильную основу для противодействия влиянию времени? Разве это не просто расширение круга? Я никак не могу понять этот, наверняка, очень важный момент.

Дж.Г.Б. С изменением законов возникла потребность во внешней помощи. Мир теперь должен обеспечивать основу для взаимодействия. Благодаря эманациям Солнца Абсолюта, возникают новые концентрации: солнца второго и третьего порядков, тетартокосмосы и т.д. В результате, устанавливаются поток и протипоток, то есть инволюция как выход из Солнца Абсолюта, и эволюция как возвращение к Солнцу Абсолюту. Благодаря этому, истощение Солнца Абсолюта может компенсироваться. По мере того, как потенциал Солнца Абсолюта снижается, его пополняет обратная связь с сотворенным миром.

В то же время, для того, чтобы такая обратная связь могла быть обеспечена, должен продолжаться и выход из источника. Это, в свою очередь, обуславливает то, что в обсуждаемой нами главе называется увеличивающимся миром. Мир выходит из источника, таким образом, расширяясь, чтобы обеспечить механизм возвращения.

Впрочем, не все может вернуться, и здесь нужно сказать несколько слов о разделении. Из субстанции данного качества можно получить нечто более высокого качества, заплатив за это, в свою очередь, понижением чего-то в качестве. Это обстоятельство отражено в алхимической фразе: "отделяй грубое от тонкого". Мы можем видеть это на примере собственного организма. Наш организм потребляет пищу определенного

потенциала, и процесс метаболизма частично идет по анаболическому пути, вверх, а частично по катаболическому пути, вниз. Это же принцип действует и во всем мире. Некоторые его части могут вернуться к источнику только потому, что другие движутся в противоположном направлении. Это не означает, что они не возвращаются к источнику, они возвращаются, просто с другого конца, со стороны материальной инерции. Таким образом, есть разделение на более активные и менее активные элементы. Более активные проходят процесс очищения, пока ни обретают возможность возвратиться к активному принципу, а другие проходят различные стадии разделения, обеспечивая питание на разных уровнях, пока ни возвращаются и ни входят в пассивное.

В. Мне кажется, я начинаю понимать кое-что из того, что вы говорите о преимуществах полу предсказуемого мира, но с какой целью жизнь должна повышать собственную разумность и обретать возможность всех этих превращений?

Дж.Г.Б. Здесь следует вспомнить о словах "увеличивающийся мир". Природа второй формы законов такова, что мир должен увеличиваться, для того чтобы обеспечивать обратную связь. Мир был создан таким образом, что его существование построено на отборе, отделении тонкого от грубого, но это, в свою очередь, возможно, только при наличии соответствующих ресурсов.

Как мы знаем из опыта повседневной жизни, чем больше становится объект, тем сложнее им управлять. В связи с этим, приходится вкладывать все больше и больше разума во все вещи. Мы видим, как разумность истощается в мире людей.

Вы спрашиваете о цели всего этого. Не имеет смысла претендовать на понимание того, что выходит за границы Мира VI. Мир III непостижим. Почему именно три силы? Почему пространство и время? Почему именно этот вид существования? Для того чтобы получить ответы на все эти вопросы, нужно было бы добраться до самого начала, и спросить того, кто находится в Мире I. Никому из нас еще не довелось туда добраться.

В. Какие личные выводы я должен сделать из всего этого?

Дж.Г.Б. Главу Чистилище можно рассматривать как психологическую аллегорию. Мы должны привнести в свою жизнь понимание того, что нет ничего определенного и предсказуемого, и что мы должны полагать-

1 См. также Булмаршано Макари Кронбернкзион в главе о "Человеческом понимании справедливости".

2 То есть, не хаотичного, но и не полностью детерминированного.

ся на разум. Мы не можем достичь состояния стабильности и мира, слепо следуя определенным правилам. Можно считать эту главу прямым указанием отбросить старые учения, которые утверждают, что нужно просто исполнять определенные заповеди, и все будет в порядке. Мы

должны встать на более взыскательный путь; положиться на разум, так же как наша Бесконечность положила на разум, чтобы обновить место Своего существования. И нам следует сделать то же самое, чтобы обновить место нашего существования - наши планетарные и высшие тела. В определенном смысле, Гурджиев повторяет христианскую доктрину, излагавшуюся, прежде всего, Св. Павлом: старый закон только ввел вас в грех и заблуждение, поскольку вы не способны жить согласно ему; и в том, что вы не можете жить согласно ему, виноват не закон, а человек; вы в безнадежном положении, выход из которого может быть обретен только через высший закон, принимающий во внимание неопределенность и зависящий от помощи Свыше.

Неудачи религии привели к великой революции в нашем отношении к той мысли, что если только вы делаете то, что вам велят, то все будет в порядке. Как оказалось, такая схема не работает, причем, не только потому, что мы не выполняем указаний, но еще и вследствие слишком большого количества неопределенностей. Даже осуществленные с самыми благими намереньями и со строгим соблюдением законов действия могут обернуться кошмарнейшими катастрофами.

*В. Нарушения закона гептапараришинок, наверное, можно распознать в нашем собственном опыте. Чем следует руководствоваться в этом поиске?*¹

Дж.Г.Б. Возможность идти на риск, ради достижения определенной цели, заложена в самой модификации законов. Так, благодаря закону трех, можно особым образом связать потери и выгоды. Именно в этом состоит секрет триамазикамно, символически выраженный в эннеаграмме, о которой, впрочем, лишь вскользь упоминается в *Рассказах Вельзевула*. Суть состоит в том, что, благодаря комбинации трех октав, или трех процессов, правильно организованной, в соответствии с законом трех, можно достичь того, что не может быть достигнуто в результате одного отдельного процесса. Весь вопрос состоит в том, как правильно организовать такую комбинацию процессов. Таким образом, мы подошли к месту разума в нашем мире.

В. Гурджиев пишет, что на уровне солнц третьего порядка, или планет, достигается пятый стопиндр. Почему это порождает "подобное уже возникшему", в свою очередь, подавляя все дальнейшие проявления "внешнего круга"

Дж.Г.Б. Эманации Солнца Абсолюта, теомертмалогоса, должны были выйти из самого Солнца Абсолюта и участвовать в сотворении вторичных космосов. Этому процессу соответствует следующая триада элементов: согласующий-утверждающий-воспринимающий, причем, в качестве иницирующего фактора выступает Святое Согласование. Утверждающим элементом служит формирующееся солнце, в то время как воспринимающими, или отрицающими элементами являются другие космические концентрации, вызывающие состояние напряженности.¹ Эта триада определяет порядок, или структуру возникающего космоса. В то же время, это означает, что Божественный

Разум должен осуществлять поддержку мира. Таким образом, мы подходим к следующей стадии, связанной с возникновением "подобия уже возникшего" на планетах.

В случае первой эманации Солнца Абсолюта мы имеем триаду инволюции: утверждение-восприятие-согласование, в качестве элементов которой выступают соответственно теомертмалогос-эфирокрилно-солнца второго порядка. Солнца второго порядка излучают святую согласующую силу, и, следовательно, в свою очередь, могут быть источниками творчества. Таким образом, солнца третьего порядка подвергаются двум различным воздействию, одно из которых исходит от первоисточника, а другое - от вторичного источника. В результате, появляется разделение на внешнее и внутреннее, в соответствии с чем делятся и результаты. То, что происходит снаружи, завершает "внешний круг" фундаментального космического ансамблудайазара.

Сравнивая иерархию миров воли с терминологией Гурджиева, можно получить следующую схему:

Мир I: Бесконечность

Мир II: Протокосмос - Солнце Абсолют

Мир VI: Мегалокосмос

Мир XII: Дейтерокосмос - Солнца Второго Порядка

Мир XXIV: Тритокосмос - Солнца Третьего Порядка, или Планеты

Мир XLVIII: Тетартокосмос

1 Подобно тому, как, согласно объяснению Эрнста Маха, инерционная масса возникает из **всей** вселенной тел.

На развилке двух творческих потоков мы сталкиваемся с микрокосмосом,¹ или живой клеткой. Клетка является мельчайшей космической единицей независимого существования. До этого уровня, завершенности мы не обнаруживаем.

Согласно космическому закону второго порядка, из микрокосмосов возникло Литсвртси, или агрегация гомогенных тетартокосмосов. Далее в книге говорится, что наш Творец увидел, что некоторые тетарто-космосы способны самостоятельно перемещаться по поверхности планет, и решил, что они могут обрести Объективный Разум. Для того, чтобы такая возможность могла существовать, были предприняты особые меры, к числу которых относилось обеспечение возможности формирования в них второго тела. Вместе с этим, у них появилась возможность иметь внутри себя свой собственный закон триамазикамно, то есть, они получили возможность стать трехмозговыми существами. После всего этого, их

следует называть уже не тетартокосмосами, а существами, имея в виду, что они стали разумами, не зависящими от источника.

Независимый разум является отличительной чертой человека. Именно поэтому мы существуем в гартль-аут вселенной, в ее самом отдаленном и трудном для жизни районе.

В. Я не понимаю смысла ситуации с трехмозговыми существами на планете Модиктео.

Дж.Г.Б.Вполне возможно появление разумов уже наделенных высшим бытием телом, и это даже необходимо в случае второй творческой стадии. Вселенная увеличивается, становясь все сложнее, и для проведения необходимых приспособительных работ требуется все больше разумов промежуточного уровня.

Подобную ситуацию можно проследить и на примере человеческого организма. Он должен выполнять гораздо более сложные действия, чем организм животных, и его двигательльно-инстинктивный центр развит гораздо сильнее, чем у животных. Химический состав нашей крови, а также нервная и эндокринная системы настроены у человека гораздо тоньше, чем у животных. В человеческий организм заложено гораздо больше разумности, чем в организм животных.

Гурджиев говорит, что клетки головного мозга играют роль утверждающей силы. В Мегалокосмосе есть нечто подобное, и планета Модиктео служит аллегорическим описанием формации изначально совершенных разумов, вблизи от первоисточника.

В главе Справедливость Гурджиев очень тонко подмечает, что приближенные к источнику разумы не могут по-настоящему понять проблемы мира. Он говорит, что изыскания святых индивидуумов не попадают точно в цель, поскольку, хотя в них заложено много мудрого, "они проводились опосредовано". Несмотря на весь свой совершенный разум, высшие индивидуумы не способны так же проникнуться страданиями и трудностями мира, как те, кто обрели свои высшие тела благодаря труду и страданиям. Где-то уже было сказано, что только тот может проникнуться и понять опыт другого человека, кто уже прошел через этот опыт. Таким образом, совершенные существа с планеты Модиктео не способны на это.

Мы можем вернуться к первым главам Рассказов Вельзевула, где святые индивидуумы, занимавшиеся регуляцией мировых процессов, пожертвовав потенциалом человеческой расы ради поддержания гармонии солнечной системы, не смогли предвидеть последствий этого шага. Перед нами, таким образом, раскрывается весьма важное обстоятельство: существо высшего разума, занятое исключительно поддержанием порядка во вселенной может упустить из вида нечто ужасное, и, в этом случае, понимание и сострадание можно ожидать только Свыше. "Свыше" относится к Протокосмосу, или Солнцу Абсолюту, тогда как уровень существ Модиктео соответствует Мегалокосмосу.

В. Следует ли буквально понимать термин "тела высшего бытия", или это просто аллегория, или символ?

Дж.Г.Б. Нужно понимать это буквально. Высшие тела вполне могут существовать без физического тела.

Второе тело, или тело *Кесджан*, питается тем, что Гурджиева называет "воздух". Именно с целью питания нашего второго тела мы практикуем *зикр*. Эта практика относится к традиции Учителей Мудрости, *Хваджагана*, но и в других учениях тоже есть нечто подобное.

Второе тело может характеризоваться различными степенями субстанциальности, в соответствии с достигнутой степенью развития, или самосовершенствования. В случае обычных людей, второе тело представляет собой не более чем призрак, или тень. Оно может существовать только на низших уровнях мира психических энергий. Эта сфера не очень сильно отличается от материального мира. Поняв это, вы увидите, что так называемый спиритизм сводится исключительно к данной сфере.

¹ Беннетт определял его место между Мирами XXIV и XLVIII.

¹ Примечание перев.: см. Дж. Г. Беннетт, *Учителя Мудрост'*

Такое состояние существования находится в пределах всего лишь одного шага от физического мира, и может быть названо репродукцией, или обратной стороной сна. Разница состоит лишь в снятии ограничений физического мира. В этом мире можно встретить вещи, которые, на самом деле, являются мыслеформами собственной жизни человека. Люди придает этому большое значение, поскольку считают это доказательство жизни после физической смерти, но собственно ценность такого существования их не интересует.

Второе тело человека может расти и крепнуть, пока, наконец, ни становится состоятельнее физического тела, и ни обретает власть над последним. Затем, оно может развить свой собственный разум. Гурджиев неоднократно подчеркивал, что настоящий разум и настоящее видение возможны только в случае второго тела. Планетарное тело и обычные центры могут обладать лишь относительным разумом, или "разумом знания".

Второе тело может дать нам уверенность в отношении того, что после смерти мы не погрузимся в состояние, подобное сну. В обсуждаемой нами главе говорится, что если в течение жизни человек обретает определенную градацию Объективного Разума, то ему гарантировано достижение Солнца Абсолюта, а также возвращение к источнику как индивидуальности, а не в составе общей массы.

Хотя тело Кесджан и не имеет полной независимости от времени, его связь со временем сильно отличается от таковой физического тела, и оно может перемещаться во времени и пространстве. Оно может проникать в

прошлое и будущее, а также делать многие недоступные для физического тела вещи.

У тела Кесджан остаются признаки времени, поскольку события по-прежнему протекают последовательно, и оно подчиняется закону изнашивания.

Термин "Раскуарно" просто образован от русского слова, означающего "разделение частей".¹ Первым раскуарно является отделение тела кесджан от физического тела. Затем, тело кесджан переносится в сферу существования, соответствующую его собственному качеству. В целях нашего собственного вечного благоденствия, необходимо проследить, чтобы тело кесджан было развито до того уровня, когда может продолжаться его собственное самосовершенствование. Это продолжение самосовершенствования представляет собой очищение от последствий жизни -того, что называется "кармой". Делается ли это во время жизни, или при каких-либо иных обстоятельствах, в любом случае, по окончании этого процесса остается что-то еще — третья составляющая человека, то есть, его воля, его "Я", или дух. Она абсолютно не материальна, и поэтому неуничтожима. Если ей удастся сформировать собственное тело, то она обретает возможность действовать. Гурджиев очень мало говорит об этом, и я не буду подробно обсуждать сейчас эту тему.

В. Что означает "Окипхалевнийский-взаимообмен-низшими-частями-души?"

Дж.Г.Б. На объяснение этого понятия уйдет много времени. Оно связано с уровнем, которого мы можем достичь посредством нашего второго руку? когда мы все находимся в контакте друг с другом, и можем входить друг в друга. Так, тот, кто достиг определенной стадии саморазвития, но еще не достиг окончательного освобождения, может получить помощь от другого человека, войдя в его тело кесджан.

В. То, что мы делаем в отношении этих тел и т.п., мы делаем, в основном, в силу веры в добрый разум?

Дж.Г.Б. В силу веры и откровения; нам кое-что открыто о высшем мире. Разум, который мы можем обнаружить, аллегорически показан в главе Чистилище, в комическом рассказе о Боге, изображенном в виде старого еврея с расческой в кармане. Гурджиев говорит, что лучше всего отражает действительность утверждение, что мы являемся "подобием всего", что в человеке представлены все законы, управляющие вселенной.

В Коране есть фраза: "Знающий себя знает своего Господина". Поскольку мы являемся подобием целого, мы можем знать больше, чем необходимо для наших личных нужд. Так, мы знаем, что должны питаться, чтобы жить, и служить пищей для других, и должны понимать, что этот же принцип относится и ко всему миру в целом, это то, что Гурджиев называл *Трогоавтоэгократом*.

В. Участвует ли в этом сознание? Связано ли это каким-либо образом с нашим ощущением необходимости работы?

Дж.Г.Б. Да, безусловно. Для нас, сознание является каналом связи с высшим. На самом деле, его даже можно назвать каналом связи с Космической Индивидуальностью.

Примечание перев.,: видимо, прототипом послужил глагол "расковыривать".

1 Жест подчинения единству всего человечества и жизни,

Безжалостный геронасс

Глава о Святой Планете Чистилище ставит нас перед тем фактом, что мир отнюдь не является безупречно сконструированным механизмом, в функционировании которого все идет по плану. Если у Творения есть некий план или цель, то должны быть и факторы, ограничивающие возможность их реализации. В связи с этим, остро стоит необходимость в разумности, жертвах и труде, и, кроме того, есть вероятность провала.

Гурджиев делал все возможное, чтобы покончить с дуалистическим пониманием добра и зла. В главе о Понимании человеком Справедливости он говорит, что это, вероятно, самая вредоносная идея из числа вошедших в человеческое мышление. По словам Гурджиева, она зародилась во времена Атлантиды, и была вновь подхвачена в период расцвета Вавилона (шестой век до Р.Х.).

Корни значительной части идей Гурджиева, в особенности, относящихся к сфере космологии, уходят в очень древнюю традицию, принимавшую различные формы. В качестве примеров можно назвать зороастрийскую и ведическую традиции. Так, в зороастрийском учении присутствует явное противостояние добра и зла, олицетворяемых соответственно Агорой Маздой, добрым духом, и Ариманом, разрушителем, или врагом, который старается прибрать к рукам и разорить созданное добрым духом. Эту доктрину, которая, вне всяких сомнений, была принята жителями Вавилона, Гурджиев называет "Вавилонским дуализмом".

*Бок о бок с этой дуалистической концепцией существовало и другое учение, известное под названием Зурванизм. Согласно этому учению, за духами добра и зла стоит бесконечная реальность. Так, в одном из известных текстов, есть стих, в котором Аюра Мазда и Ариман названы близнецами. Хотя это очень трудно согласовать с ортодоксальной концепцией добра и зла, по всей видимости, стих был написан самим Зороастром. Тем не менее, эти тексты были написаны не на языке времен Зороастра, а на некой форме древнеперсидского. Похоже, что Гурджиеву удалось обнаружить еще более древнюю традицию. вполне вероятно, что это именно то Сарманское братство, о котором он несколько раз упоминает в *Рассказах² Вельзевула* и во *Встречах с замечательными людьми*. Позднее, Сарманское братство переселилось из Вавилона на север (ок. 324 г. до Р.Х.), спасаясь от армии Александра Македонского.³*

1 3-я Гата, Ясна 30, 3-5.

2 По-видимому, в данном случае, Беннетт указывает на братство Ахалдан., см. также Дж. Г. Беннетт, *Гурджиев, создающий Новый Мир*.

3 См. также *Встречи с замечательными людьми*, Гурджиев, стр. 90-3. Сожаление по поводу разорительных завоеваний Александра, в более поздних Зороастрийских текстах, таких как

Я уверен, что Гурджиев заимствовал идею Геропасса у Сарманского братства. Он использовал греческий язык для этого слова, видимо, решив сделать его смысл доступным для каждого мало-мальски дотошного читателя. Точно так же, для обозначения закона трех, Гурджиев использовал разговорное греческое выражение триомозикамно: "соединяю три воедино". Он в равной степени владел турецким, армянским и русским, и часто использовал комбинацию слов из разных языков, придумывая новые термины. В случае же слова Геропасс. Гурджиев вполне открыто хочет донести до нас определенную мысль.

Геро означает "святой", а пасс - это мужской род слова "Все". Таким образом, Геропасс означает: "Святой, являющийся Всем".

Учитывая диалектические особенности, вполне вероятно, что слово Геропасс - это перевод слова Зурван, а Зурван, в свою очередь, представляет собой аналог слова Сарман. Может быть, общество Зурванитов, существовавшее в Вавилоне, было ничем иным, как Сарманским обществом, которое Гурджиев обнаружил в Центральной Азии.

Если бы Гурджиев хотел придумать термин, например, для Абсолютного Времени, он бы использовал пан, вместо пасс, поскольку пан является средним родом слова "Все". Тем не менее, он использует слово Геропасс, видимо, подразумевая под этим личность. При этом описание безжалостного Геропасса полностью совпадает с описанием Зурвана в древних текстах.

Зурван безразличен к судьбе мира. Он выше заботы об этом, выше беспокойства относительно успеха или неудачи творения. Он просто создает условия, в рамках которых возможно творение.

Можно было бы считать Зурвана, или Геропасса, понятиями эквивалентными Абсолюту, но в них содержится гораздо больше. Геропасс является "Единственным Вее-Святым". Последователи Зороастризма обвиняли зурванитов в том, что они поклонялись Зурвану, вместо Аюры Мазды, доброго духа. В итоге, Зурванизм стал считаться ересью, поскольку, поклоняясь Зурвану, человек поклоняется одновременно и добру и злу. Однако зурванитская ересь сохранилась в определенных сектах, таких как Езиды. Я сам имел опыт общения с езидами, и, хотя мне удалось выяснить очень мало, я полностью уверен, что они обладают великим знанием.'

Должен признать, что нам пришлось изрядно поразмыслить над тем, как эта концепция могла стать известной Гурджиеву, причем это только, так сказать, исторический аспект вопроса. Детство Гурджиева прошло в районе, где он мог свободно общаться с езидами и магама, точно так же, как и с христианами, мусульманами и иудеями. В то же время, уже более тысячи лет, доктрина Зурвана нигде открыто не проповедовалась. Таким

образом, мы вынуждены вернуться к мысли, что Гурджиев имел контакт с древним братством Сарман, в том районе, куда они переселились во времена Александра.

Бунданисн, выражено почти теми же словами, которыми описывал происходившее Гурджиев в Рассказах Вельзевула: "... этот архитщеславный грек, Александр Македонский". 1 См. также, Путешествия в страны Ислама, Дж, Г. Беннетт, Том. II, гл. 6.

Давайте теперь вернемся к тому, что говорит сам Гурджиев о Геро-пассе. В "Гимне Его Бесконечности", в главе о "Неизбежных результатах беспристрастного мышления", говорится, что Безжалостный Геропасс покорен, а последствия его деятельности нейтрализованы. Конечно, это не означает, что условия творения обращены в ничто, или что время прекратило свой ход. В действительности, Гурджиев говорит о том, что сохраняется определенное состояние, при котором законные указания Безжалостного Геропасса не влекут за собой разорение. Этого удастся достичь отнюдь не благодаря борьбе с указаниями, а вследствие деятельности разума, в результате которой устанавливается обратная связь в **рамках ограниченного района**. Это, в свою очередь, напоминает нам об известном нам мире, в котором, как мы знаем, обновление возможно только в результате разделения, и отнюдь не все способно обновляться. В древней традиции, это символически отражено в изгнании Аримана из Творения в сфере Абсолютного.

Личностная форма слова Геропасс, или Зурван, наводит на мысль о том, что Геропасс, как бы, "позволяет" организовать условия, в которых наш Отец Бесконечность может создавать доброе творение. В то же время, для того чтобы это творение действительно было добрым, должно существовать определенное разделение, поскольку само слово "добро" подразумевает также и наличие чего-то "не доброго". Впрочем, этот дуализм вторичен. Дело в том, что приходится что-то отвергать, и именно с этой точки зрения необходим этот дуализм. Таким образом, зло не является чем-то борющимся против добра; это то, что необходимо отвергнуть ради возможности самовыражения добра. Эта концепция имеет очень древние корни, и практически во всех древнейших индоевропейских мифологиях мы обнаруживаем идею первичной реальности, ставшей источником творческого духа, и именно этот дух должен бороться. Нужно сказать, что эти мифологии, к числу которых можно отнести, например, греческую, древнее Зороастризма. Следовательно, мы можем говорить об очень древнем учении, согласно которому, добрый дух вовлекается в борьбу, в силу того, что необходимым условием сотворения доброго мира является разделение. (При этом следует отметить, что слово Геропасс нельзя считать просто переводом слова Хронос. Это понятие гораздо сложнее согласовать с Греческой мифологией, в отличие от Зороастризма).

Гурджиев, кроме того, часто говорит, что Геропасс представляет собой ничто иное, как просто течение времени, то есть, неизбежное старение и приход в негодность всего существующего. Это напоминает нам о Буддизме, и учении Будды относительно природы существования, дукха. В существовании нет, ни удовлетворения, ни постоянства, ни реальности. Реальность связана исключительно с освобождением от существования.

Для концепций Зурвана, Духа и Геропасса общим является учение о неизбежной гибели всего сотворенного и существующего. Тем не менее, в интерпретации этого учения есть существенные различия. Согласно Буддизму, есть возможность уйти от этого мира. Человек может прийти в состояние отсутствия духа, то есть Нирвану, освобождение. Согласно же другому подходу, понимая законы, можно достичь постоянства посредством самообновления. Именно такая точка зрения превалирует в Рассказах Вельзевула, и, прежде всего, в главах о Чистилище и Беспристрастном мышлении. Только благодаря знанию законов и использованию неопределенности и элементов случайности нашего мира, можно одолеть Безжалостного Геропасса.

У всех учителей и во всех учениях, с которыми мне доводилось познакомиться, и к которым я отношусь с глубоким уважением, я встречал существенные различия в понимании победы над временем. Подход Христианства, в этом смысле, особенно своеобразен. Согласно христианскому учению, Царство Божье не от мира сего, и является тем миром, в который мы попадаем после смерти и воскресения, миром бессмертия и обновления. И все же, считается, что сам этот мир должен быть спасен и преобразован. Так, в главной молитве Христианства, Молитве Господней, говорится: "Да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе"; не просто: "Возьми нас в Царство Свое", а: "Пусть Твое Царство придет сюда".

Закон семи

В главе Гептапарапаршинок говорится о том, что каждое полноценное целое состоит из семи независимых элементов, тазалоориноно, "семь-аспектов-каждого-целого-феномена". При этом, ничего не сказано о последовательности, в отличие от главы Чистилище, и такой переход может смутить читателя. В книге Успенского, В поисках чудесного, закон семи представлен целиком и полностью с точки зрения последовательности, как если бы мы шаг за шагом куда-то двигались. Ничего подобного мы не обнаруживаем в главе Гептапарапаршинок. Семитональная музыкальная шкала, или октава, не в большей степени напоминает нам последовательность, чем, например, семь цветов радуги, или семь составляющих опиума. Просто, согласно наблюдению, требуется семь независимых параметров, чтобы описать точку в пространстве и времени. В свою очередь, Феофан открыл закон семи, после того как заметил, что форма кристаллизованной смеси хвойной смолы и козьего молока имеет семь отчетливо различимых поверхностей.

Упор делается на качествах, и мы должны понимать написанное следующим образом: каждый полноценный процесс обладает семью различными качествами, а то, что события происходят последовательно, в данном случае, является второстепенным обстоятельством. Вообще же, качества появляются в определенном порядке, что связано со стадиями гептапарапаршинока, описанного в главе Чистилище. В то же время, содержание каждой главы имеет свой собственный смысл. Одна из причин этого заключается в том, что идеи глав связаны с разными традициями,

или, вернее, хотя они, насколько можно судить, исходят от одного источника, они передавались по разным каналам.

Так или иначе, эти два представления необходимо согласовать между собой, но это может быть сделано только в реальном опыте. В главе Гентапаранаришинок речь, в основном, идет о действии различных космических качеств. Мы должны почувствовать вкус начала, вкус деятельного участия в происходящем. Если у нас нет его, если мы не вносим его в свою деятельность, то мы вообще никогда не сможем сделать что-либо; мы просто будем автоматически функционировать, наподобие машин.

Если же у нас появляется это ощущение начала, то можно считать, что связь установлена. Мы становимся внимательными, входим в процесс и действительно делаем то, что делаем. Именно это ощущение выводит нас из воображаемого мира.

Другое важное ощущение связано с обратной связью, когда мы чувствуем ответную реакцию выполняемой нами работы. Возникает некое сотрудничество. В частности, это очень отчетливо прослеживается в процессе приготовления пищи, когда мы чувствуем ответную реакцию пищи, по мере того, как она превращается из исходного состояния в приготовленное, то есть, трансформируется. В свою очередь, художник, в определенный момент, ощущает, что картина вносит свой собственный вклад в общее дело, что процесс идет не в единственном направлении, от него к холсту. В главе Чистилище это получило название тритоэхари.

Затем начинаются родовые муки процесса, гарнель-аут, относящийся к сердцеvine целого. Человек осознает, что чего-то не хватает, но он уже далеко ушел от начала, и еще очень далеко до конца. На определенном этапе создания произведения искусства, человек начинает ощущать безнадежность своей работы. С одной стороны, не получается сделать ни одного шага вперед, а с другой стороны, уже поздно возвращаться и начинать все с начала, поскольку слишком много воды утекло с тех пор. В конце концов, человек чувствует, что не сможет завершить работу, а если и сможет, то это будет совсем не похоже на изначальный замысел.

Пятое качество, о котором идет речь в главе, Гурджиев называет пьянджозехари. При этом, люди часто не могут понять, что имеется в виду под утверждением, что оно порождает "не подобные, а противоположные результаты". Пьянджозехари соответствует моменту истины. Образуются очень благоприятные условия, когда энергия пьянджозехари входит в нас, и мы можем либо наслаждаться ею, либо служить ей. Используя эту ситуацию, мы можем значительно облегчить себе жизнь, и, на самом деле, искушение поступить так очень велико. Мы достигли той стадии, когда, уже сотворив нечто, мы должны решить, как это использовать. На этом этапе можно либо брать, либо отдавать. Мы можем слишком увлечься своими действиями, и вообразить себя хозяевами ситуации, получающими от нее определенную выгоду. На самом деле, все наоборот: мы - слуги. Только отбросив тщеславие, и служа процессу, мы действительно можем стать хозяевами. Мы становимся настоящими хозяевами, исполняя обязанности слуг, но, когда мы стараемся быть хозяевами, мы превращаемся в слуг. Если мы используем творческую силу в

личных целях, она разрушает нас. Если же, наоборот, мы жертвуем собой ради служения творческой силе, она сотворяет нас.

Все это можно увидеть даже в самых, казалось бы, незначительных вещах, конечно, если только мы умеем различать вкусы и качества. Самый распространенный и легкий способ пройти через пятую стадию заключается в простом отношении к этому. Когда проходит трудный период, гарнель-аут, человек получает возможность делать то, чего не мог делать раньше. Часто человек начинает с легкостью использовать новые возможности для себя, и, действительно, трудно не делать этого, особенно, в отношении собственной работы.

К этому моменту следует относиться с исключительным вниманием. Все идет хорошо, и появляется огромное искушение позволить всему идти хорошо, не заботясь о дальнейшем самосовершенствовании, которое теперь можно осуществлять благодаря новым возможностям. Многие люди теряют свой шанс на этом этапе. На одной из своих лекций Гурджиев рассказал о молодом ученике, в котором он увидел потрясающие ясновидческие способности, и который смог бы после определенной подготовки узнавать будущее и тайны космоса. После очень трудного периода, у него все начало получаться, после чего он ушел, стал профессионалом, заработал на этом много денег и все потерял.

В главе Чистилище Гурджиев говорит, что пьянджозехари находится в мозжечке. Она представляет собой некую субстанцию, или энергию, и если она активизируется, естественным или искусственным путем, то у человек начинает ощущать, что он "теперь может все". Так, в случае наркотической стимуляции, люди думают, что могут летать, и выпрыгивают из окон.

По правде сказать, мы не очень чувствительны к этому качеству, и поэтому скатываемся на ложный путь. Если это так и случается, то мы не понимаем, что можем потерять.

Теперь нам осталось только обсудить шестую компоненту, получившую название экзиоэхари. В главе Чистилище, она была связана с сексом, и упоминалась как часть трансформации первой бытие пищи. В связи с этим, люди часто спрашивают о том, что подразумевается под трансмутацией экзиоэхари и возможности ее применения для питания высшего бытие тела. Нужно понимать, что это всего лишь одна из возможных иллюстраций качества шестого стопиндера. Это качество связано с выходом за свои пределы. Оно, как бы, призывает нас "оставить все, ради того, чтобы выйти вовне". Однажды мы достигаем стадии, когда уже невозможно продвижение вперед исключительно за счет давления сзади, как это было в случае двух предыдущих стадий. Для того, чтобы преодолеть это препятствие, нужно поставить себя в положение результата. Результат в книге называется Резульзарион. Если человек ставит себя в положение результата, сам он, следовательно, уходит в сторону, для чего требуется нечто большее, чем просто готовность служить творческой силе.

Было бы ошибкой пытаться понять закон гептапарапаршинок со стороны. Мы не можем рассматривать гептапарапаршинок в качестве объекта

изучения; он, в полном смысле этих слов, исходит из нас самих и проявляется внутри нас. Именно поэтому его можно назвать важнейшим ощущением.

Вкус соли существенным образом отличается от всего, что мы можем знать о соли. Что бы мы ни говорили о розе, это не заменить ее запаха. То же самое и в случае гептапарапариинока. Через него нужно пройти, и ощущать его достаточно отчетливо и часто с позиции разных масштабов, пока различия между ощущениями каждого стопиндера не станут очевидными.

объекта изучения; он, в полном смысле этих слов, исходит из нас самих и проявляется внутри нас. Именно поэтому его можно назвать важнейшим ощущением.

Вкус соли существенным образом отличается от всего, что мы можем знать о соли. Что бы мы ни говорили о розе, это не заменить ее запаха.

То же самое и в случае гептапарапариинока. Через него нужно пройти, и ощущать его достаточно отчетливо и часто с позиции разных масштабов, пока различия между ощущениями каждого стопиндера не станут очевидными.

Часть Четвертая

РАБОТА

Работа над собой, 1950

Сознательность, 1950

Единение с Источником, 1950

Священный Аскокин, Абрустдонис и Хелькдонис, 1974

Джартклом, 1974

Бытие-Парткдолг-Обязанность - сознательный труд и

преднамеренное страдание, 1974

работа над собой

Вряд ли я должен напоминать читателю, что у истоков всех религий лежит концепция "ничего", становящегося "чем-то". Именно эта идея составляет основу учений о возрождении, смерти и воскресении, и какие бы формы ни принимали такие учения, у них всегда одинаковое содержание. В то же время, весь их смысл и ценность теряются, если поставить под вопрос их парадоксальный характер. Искренние слова: "Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет" - были криком сердца человека, который на своем собственном опыте убедился, что бессмысленно рассуждать о возрождении, забывая при этом о смерти. Гурджиев, в связи

с этим, говорит о "смерти "Тирана", являющегося причиной нашего рабства в этой жизни".² Это, как раз, и является важнейшим плодом правильно проведенного самонаблюдения. Я понимаю собственную ничтожность, и, соответственно, то, что моя жизнь была проведена в рабстве у несуществующего "Тирана", то есть, моего воображаемого "Я", на чьи надежды и опасения я тратил всю свою энергию. Поэтому, понимание собственной ничтожности также называется "первым освобождением человека".

11 Коринфянам 15, 36.

2 Г. И. Гурджиев, *Все и Вся*, стр. 1232 (G. I. Gurdjieff, *All and Everything, Beelzebub's Tales to his Grandson*, New York: Dutton, 1973; and London: Routledge & Kegan Paul, 1950).

Таким образом, у нас есть второй строгий критерий, который следует применять к любому учению. Если в учении, на правах аксиомы, заложено то, что человек уже есть, и оно ставит задачу исключительно расширения его возможностей и повышения его личной ценности, вне всяких сомнений, это ложное учение. Даже если учение утверждает необходимость возрождения, или рождения заново, но не заостряет внимание на том, что, прежде чем родиться, человек должен сначала умереть, в этом учении нет истины. Даже если учение говорит о необходимости смерти, но рассматривает эту концепцию с точки зрения эмоционального опыта, сознательного отвержения чего-то уже существующего, такое учение лживо и представляет опасность. Именно поэтому фраза "понимание собственной ничтожности" является более точной и верной. Однако такое понимание возможно только, если у человека есть объективное представление о том, что значит существовать, и что значит не существовать. Представления о существовании и несуществовании настолько же неотделимы друг от друга, как и представления о тепле и холоде, темноте и свете, и т.п. Пока я не могу по-настоящему различать и воспринимать оба этих состояния, я ничего объективно не знаю ни об одном из них.

В связи со всем сказанным выше, нам следует теперь обсудить третью стадию "работы над собой". Не нужно путать понимание собственной ничтожности с разочарованием. При этом я, конечно, не имею в виду, что разочарование может совершенно отсутствовать, даже в случае правильно проводимой работы, но причины разочарования и его значение полностью отличаются от того, что связано с пониманием собственной ничтожности. Мы еще будем с вами говорить об этом позже. Прежде всего, нужно определиться с тем, что мы подразумеваем под "работой над собой". С этой целью нам придется вернуться к пониманию человека, как трехмозгового существа. Я уже называл эти три мозга, или центра, соответственно утверждающей, отрицающей и согласующей силами в триаде человеческого опыта. Тем не менее, эту мысль можно с легкостью понять превратно. Рассматривание отношений разума и тела с точки зрения конфликта между утверждающей и отрицающей силами может привести к банальному аскетизму, то есть, покорению тела в качестве самоцели. Такие фразы, как "он начал сознательно и абсолютно безжалостно трудиться над своей отрицающей частью, создавая для нее труднейшие условия существования",¹ явно защищают идею умерщвления

плоти, наподобие Благословенного Генри Сусо Св. Петра из Альканта-ры. Любой такой подход противоречит обязанности быть справедливым по отношению к собственному планетарному телу, и "предъявлять к нему требования исключительно в соответствии с его природными возможностями".¹ Следует отказываться от любой работы, которая может иметь нежелательные последствия для планетарного тела, как бы нам ни хотелось выполнить эту работу, и как бы сильно она нас ни интересовала. Долг по отношению к планетарному телу даже еще более строго выражен в "Организации Человеческого Существования, Созданной Его Священством, Ашиата Шиемашем", согласно принципам которой, люди "должны иметь в своем бытии-существовании все необходимое для их планетарных тел".

Кажущееся противоречие бросается в глаза, когда мы путаем чувствительный мозг с планетарным телом. О последнем сказано, что оно представляет собой всего лишь "зависимую и ничего не осознающую космическую формацию".² Оно не способно само заботиться о себе, и, следовательно, мы должны правильно обращаться с ним, чтобы оно могло должным образом служить одухотворенным частям.

Утверждающим и отрицающим источниками в человеке являются "его головной и спинной мозг", соответственно. В обычных условиях механичной жизни, эти два мозга функционируют, практически не контактируя друг с другом, и между ними не устанавливается никаких отношений утверждения и отрицания. В то же время, когда человек начинает понимать процесс трансформации матери в его организме, ведущий к формированию высших бытие частей, он видит необходимость последовательной смены телесных состояний. Например, в определенные периоды, его телу может быть необходимо оставаться в некоей позе, позволяющей организму осуществлять соответствующие процессы трансформации и ассимиляции энергии. Головной мозг человека знает об этом, но результат может быть достигнут только посредством чувствительного мозга. Человек принимает определенную позу, но, если он научился наблюдать, то чувствует наличие в ней множества недостатков. Головной мозг, соответственно, требует большей точности и концентрации. Как бы далеко ни продвигался чувствительный мозг в требуемом направлении, этого не будет хватать; концентрация не наполняет весь организм. Мыслительный мозг говорит; "Я могу", а чувствительный мозг отвечает: "Я не могу". **В этом заключаются отношения между утверждением и отрицанием, соответствующие работе над собой".**

Роль чувствующего мозга заключается в понимании, основанном на опыте успеха и неудач в прошлом. Утверждение и отрицание моего мыслящего и чувствующего мозга могут быть интегрированы в единый опыт: "я могу, потому что должен", только когда в чувствующем мозге присутствует понимание собственной ничтожности, то есть опыт несуществования, противопоставленного существованию. На первый взгляд, очень сложно представить себе, что вся работа над собой сводится к триаде утверждающей, отрицающей и согласующей сил в мыслительном, ощущающем и чувствующем мозгах. Это и в самом деле не может быть понято, без подлинного опыта работы над собой. По этой же причине,

невозможно, или, скорее, нежелательно пытаться приводить как-либо описания. "Только тот знает, кто вкушал".

1 Всея Вся, стр. 1131.

2 Св. Тереза, Полное собрание сочинений, Том. 1, tr. E. A. Peers, pp. 176, 194.

Сотворение в себе нового существа можно назвать созданием чего-то из ничего. Это невозможно. Именно поэтому в работе над собой всегда находится место разочарованию. Разочаровываться - значит понимать, что стремишься к невозможному, но, в то же время, в этой работе есть необходимость, и от нее никуда не уйти.

СОЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Своими высказываниями Ашиата Шиемаша показывает, что уже слишком поздно менять жизнь человечества "нормальными" способами, основанными на импульсах Веры, Надежды и Любви. Это обстоятельство подчеркивается особым образом, поскольку, лишь понимая его важность, можно постичь весь "Ужас Ситуации". Тысячи хороших людей, заботящихся о благе человечества, настаивают на том, что эти пути могут и должны использоваться. Отвергая их, Ашиата Шиемаш уповает на четвертый Священный Импульс, а именно, на Объективную Сознательность, и утверждает, что у человечества есть шанс спастись, только в случае возрождения этого импульса. Причины этого не лежат на поверхности, и требуют разъяснения. Прежде всего, само понятие "сознательность" понимается не верно, поскольку его часто путают с моралью. Однако, мораль является набором поведенческих правил, накладываемых на человека окружающим миром, тогда как сознательность представляет собой независимую самооценку, посредством которой человек может определять, какое действие должно в данный момент быть выполнено, а какое - отвержено. Нет таких очевидных и гибких правил, которые бы учитывали всю сложность и переменчивость человеческой ситуации. Кроме того, никакие правила не могут освободить человека от следствий влияния имевшихся свойств органа Кундабуффер, или надежно защитить человека от его собственного эгоизма.

В Легоминизме понятие сознательность используется без каких-либо предварительных объяснений, и лишь вскользь упоминается о том, что она не принимает участия в повседневной жизни человека, поскольку "неправильно установленные условия внешнего повседневного существования, существующие здесь, обусловили ее проникновение и переселение в подсознание, и она перестало каким бы то ни было образом участвовать в функционировании нашего обычного сознания."¹ В связи с этим, Ашиата Шиемаш ставит перед собой задачу найти способ, посредством которого можно было бы сделать Священный Импульс Сознательности постоянным фактором повседневного опыта людей.

В описании дальнейшей деятельности Ашиата Шиемаша объясняется, что сознательность может быть приведена в бодрствующее состояние только при помощи сознательного труда и преднамеренных страданий. Для того чтобы подвигнуть людей на необходимые усилия и жертвы, Ашиата Шиемаш утверждает, что "в подсознании человека кристаллизованы и

всегда присутствуют сведения, имеющие высший источник и предназначенные для пробуждения в нем Божественного Импульса подлинной Сознательности, и что только те, в ком эти сведения обретают "возможность" участвовать в функционировании того сознания, которое действует в их повседневном опыте, имеют в объективном смысле полное право называться, и действительно являются настоящими сыновьями НАШЕГО ОБЩЕГО ОТЦА СОЗДАТЕЛЯ всего существующего".²

Успенский, в свое время, написал о беседе, в которой Гурджиев рассказывал о сознательности и о причине, в силу которой она не может входить в бодрствующее сознание людей.³

"Сознательность является таким состоянием человека, когда он чувствует все одновременно, все что он в действительности ощущает, или просто вообще может ощущать. Вместе с этим, поскольку в каждом человеке роятся тысячи противоположных чувств, начиная с глубоко запрятанного понимания собственной ничтожности и разного рода страхов, и заканчивая наиболее абсурдными чувствами самолюбия, самоуверенности, самоудовлетворения, и самовосхваления. Чувствовать все это сразу не просто болезненно, но, в буквальном смысле, невыносимо. Если бы человек, чей внутренний мир состоит из противоречий, вдруг ощутил бы все эти противоречия одновременно внутри себя, если бы он вдруг почувствовал, что он любит все, что ненавидит и ненавидит все, что любит; обманывает, когда говорит правду и говорит правду, когда обманывает; и если бы он мог чувствовать позор и ужас всего этого, то такое состояние можно было бы назвать "сознательностью"".

В той же самой беседе, Гурджиев рассказывает, как сознательность с самого детства вытесняется из опыта повседневного бодрствования, посредством постоянно насаждаемого притворства и самообмана. Таким образом, сознательность спит, и "возможность пробуждения есть только у тех, кто стремится к нему и хочет его, для тех, кто готов бороться с собой и работать над собой в течение очень долгого времени и очень настойчиво, чтобы добиться пробуждения своей сознательности".¹

1 Все и Вся, стр. 359.

2 Все и Вся, стр. 368.

3 В поисках чудесного, стр. 155.

Далее идет разъяснение того, что подразумевается под сознательным трудом и преднамеренным страданием. Человек должен решиться "на встречу со всеми этими внутренними страданиями, связанными с ощущением противоречий. Кроме того, уходит очень много времени и сил на разрушение "буферов", и человек должен проводить эту работу, понимая, что ее результатом будут всевозможные лишения и страдания, обусловленные пробуждением его сознательности". В этой беседе Гурджиев подчеркивает то же отличие сознательности от морали, что и в Рассказах Вельзевула. "Сознательность является общим и постоянным феноменом. Сознательность одинакова для всех людей, и может иметь

место только в отсутствие буферов. С точки зрения различных категорий людей, можно сказать, что существует сознательность человека, в котором нет противоречий. В такой сознательности нет страдания; напротив, это радость совершенно нового вида, которую мы не можем понять. В то же время, даже мимолетное пробуждение сознательности человека, переполненного разными "Я", неминуемо приносит страдания. Однако, если эти моменты сознательности удлиняются, и если человек не боится их, а, напротив, взаимодействует с ними и старается их продлить, в эти моменты начинают проникать частички очень глубокой и тонкой радости, предвестники грядущего "чистого сознания".

Подавление сознательности приписывается в Рассказах Вельзевула двойственности человеческой психики, причина которой заключается в обособлении сознания головного мозга от сознания чувствующего и ощущающего мозгов. Это, в свою очередь, происходит от неправильного образования, которое ставит крест на естественной искренности детей. "В существах планеты Земля настолько укоренился обычай внушать детям и учить их неискренности по отношению к другим, и лживости во всем, что в настоящее время это даже вошло в их понимание собственного долга по отношению к их детям; и такое обращение с детьми они называют громким словом "образование"".

"Они учат своих детей никогда даже и не осмеливаться делать то, что инстинктивно подсказывает им "сознательность", и вместо этого следовать правилам "хорошего тона", обычно составляемым различными кандидатами в "Хаснамуссы".²

Таким образом, "Сознательность, которая могла бы присутствовать в сознании существ той планеты, с самого раннего их детства постепенно заталкивается все глубже, и у взрослых людей она обнаруживается только в том, что они называют подсознанием". Именно поэтому предпосылки, необходимые для пробуждения священного бытия импульса сознательности, избегли деградации, которой подверглись все остальные Священные Бытия Импульсы, а именно, импульсы Веры, Любви и Надежды.

Единение с Источником

Вельзевул особым образом подчеркивает, что смешение с Величием "рано или поздно становится неизбежным для каждой уже возникшей сущности".¹ Это утверждение подразумевает различие между теми сущностями, которые "раньше или позже", то есть, в результате неопределенного количества циклов концентрации и рассеивания, в конце концов, объединяется с целым, и теми, кто, благодаря сознательному труду и преднамеренным страданиям, выходят из цикла на более ранней стадии. Хотя, если мне не изменяет память, об этом нигде ничего не сказано, мне кажется, что все вышесказанное отражает смысл слов "ускоренный результат". Это выражение часто используется в Рассказах Вельзевула и сам Вельзевул, в последней главе, описывающей его обожествление, был назван "ранним ускоренным результатом".² Более того, по моему мнению, Гурджиев подразумевает, что личность сохраняется и, в конце концов,

переходит в "бессмертную космическую индивидуальность" только в случае "ускоренного результата".

Из второй и третьей серии книг Гурджиева следует, что он считает необходимым буквально воспринимать доктрину высших бытие тел и бессмертия души. Тем не менее, следует отметить чрезвычайно важно отличие этого подхода от всех остальных учений о бессмертии. Согласно представлениям Гурджиева у человека есть душа, только если он ее обретает. Более того, Гурджиев постоянно подчеркивает, что душа является редким и самым дорогим достоянием, которое могут обрести только те, кто может и хочет платить цену.

Давайте теперь поговорим об обычных людях. Какая роль отведена им в этой драме, если даже силы героя и целеустремленности святого едва хватает для преодоления препятствий на долгом и опасном восхождении к единственному оплоту бессмертия? И здесь приводящие в трепет слова "Много званых, но мало избранных" отзываются особенно громко, в силу предельной ясности интерпретации. Таким образом, встает извечный вопрос о судьбе большинства. Следует ли считать их тем, что Евангелие называет "ни на что не годной солью, потерявшей свой вкус". Вне всяких сомнений, слова Гурджиева о "человеке", который "в процессе всего своего существования служит всего лишь вещью, исчезающей навсегда, когда необходимость в ней отпадает", перекликаются с Евангельской фразой: "Каждое дерево, не приносящее добрых плодов, срубают и бросают в огонь". Ставить под вопрос справедливость такого приговора, означало бы, отрицать смысл человеческого существования. Любое учение о человеческом существовании, отрицающее или принижающее значение реальности выбора между жизнью и смертью, подразумевает также и отсутствие у людей знания, которое бы могло привести к освобождению. Следует со всей ответственностью признать, что участь обычных людей не может быть изменена к лучшему, при помощи разного рода утешений и ложных надежд.

Вместе с тем, Гурджиев подает нам не ложную, а настоящую надежду. Спасение не является исключительной привилегией столпов религии, и в еще меньшей степени это можно отнести обладателям блестящего интеллекта. Оно не зависит от особенностей рождения, расы или вероисповедания. Спасение не зарезервировано для немногих, потому что они избранные,¹ которым уготована вечная жизнь. Причина, по которой спасаются лишь немногие, заключается в том, что многим не удастся найти прямой и узкий путь. В то же время, семя жизни, то есть сознательность, посеяно в сердце каждого человека, и любой ищущий может найти его. В Рассказах Вельзевула, отчужденность человека от его настоящей судьбы неоднократно называется бессмысленной трагедией, которой вполне можно избежать. Орган Кундабуффер был удален, и человек получил свободу.

священный Аскокин, абрустдонис и хелькдонис

Любая упорядочивающая деятельность требует усилий и энергетических затрат. Все это должно иметь некий источник, и частично передаваться самой поставленной задаче. Намеренно увеличивая порядок, посредством

акта воли, мы высвобождаем сознательную энергию, причем, выполняя эту работы, мы отдаем ей себя, и подстраиваемся под ее требования. Вовлеченная в этот процесс энергия отчасти уходит на само задание. В конце концов, мы видим некий результат. В то же время, хотя мы этого и не видим, кое-что ушло на служение высшей цели.

1 Человек избирает себя сам; это же относится к посвящению и самопосвящению. См. также В поисках чудесного, стр. 315.

В Рассказах Вельзевула это называется "пищей для луны", но, на самом деле, для нас сейчас не имеет значения, следует ли понимать это буквально, или нет. Важно то, что человек должен производить что-то для «космической цели. Если он делает это несознательно, например, просто умирая, это одно. Мы вынуждены служить космической цели, что называется, "волей-неволей". Другое дело, если человек исполняет свой долг посредством сознательного труда, и предпринимая что-то ради будущего. В случае сознательного труда, энергия уходит на видимый результат, но, наряду с этим, часть ее уходит также и на пищу луне, или священный аскокин. Мы его не видим, и он относится к совершенно другой сфере. Но это еще не все. Согласно Рассказам Вельзевула, служению соответствует священный хелькдонис. ХЛК — это корень ряда слов, который означает творение, космос, порядок, и мы его обнаруживаем, например, в слове Ахалдан. Это среда, в которой возможно взаимодействие. В суфийской терминологии, холка обозначает круг взаимодействия, в котором можно осуществлять духовную работу. Когда мы вместе работаем над пониманием чего-то, это называется халка.

Хелькдонис является нашим собственным достоянием, как непосредственное действие нашего собственного бытия; Гурджиев говорит, что это пища для нашего высшего бытия тела, но это не то же самое, что и экзиёхари, которое, так сказать, присутствует постоянно. Хелькдонис имеет место только в том случае, если мы работаем не для себя, а для исполнения нашего космического долга. Что-то возвращается и к нам. Это не энергия или вещество, скорее, здесь уместно говорить о действии. Прочувствовав это, можно понять, что результатом будет что-то наподобие укрепления нашей собственной воли. Однако, в полной мере адекватно представить себе это невозможно.

Можно проиллюстрировать это следующим образом. Когда мы выполняем сознательную работу, энергия разделяется на три части. Одна часть уходит на достижение видимого результата, и сюда же относятся вовлеченные в процесс материальные энергии. Другая часть высвобождается для определенных космических целей. Это не обычная энергия, и она может быть использована высшими силами.¹ В свою очередь, за счет третьей части, связанной с хелькдонисом, мы приближаемся к нашему источнику, то есть, к Богу. Нечто добавляется к нашему собственному бытию.

Когда мы выполняем сознательную работу, вне зависимости от того, имеет ли она внутренние или внешние цели, то, что мы видим, представляет собой всего лишь внешний результат, или воспринимаемое

действие. В то же время, священный аскокин представляет собой таинство

1 См. также Главу 35 Драматической Вселенной, Том И. стр. 315-6.

Работы: нечто из результатов нашей собственной работы передается в сферу высшей цели. Подобно этому, выражение "передача заслуг" используется в религиях, обозначая возможность передавать нечто другим людям, в результате собственных действий. Именно это обстоятельство делает осмысленной молитву за умерших, но понимание подлинного значения этого - великое дело. Третья часть, на первый взгляд, может показаться просто работой на себя, наподобие награды, получаемой за определенные усилия. Именно так это обычно и воспринимается: если мы делаем что-то хорошее, мы получаем награду. Однако награда в этом случае полностью отличается от наших обычных представлений. Больше всего это похоже на очищение. В результате сознательного служения мы становимся чище.¹

Описывая трансформацию пищи в первой версии главы Чистилище, Гурджиев пишет, что, вначале абрустдонис, а затем хелькдонис, в качестве нейтрализующих веществ, входят в смесь, образованную отрицательными веществами пищи первого рода и позитивными субстанциями имеющимися в самих существах. Далее он пишет, что нейтрализующие вещества возникают у современных людей в результате острых психических переживаний, произвольных или непроизвольных.

Далее, описывая возникновение экзиоэhari, т.е. спермы, Гурджиев пишет: "Формирование и совершенствование Кесджан осуществляется посредством субстанции "Хелькдонис"". Только эта субстанция и абрустдонис могут продвигать эволюцию сексуальной энергии, или экзиоэhari. Вместе с тем, абрустдонис соответствует второй пище, или "воздуху". В результате эволюции второй пищи, воздуха, или абрустдониса, экзиоэhari запасается и подвергается превращению, давая начало второму телу, телу Кесджан. Когда процесс формирования тела Кесджан завершается, "благодаря священным субстанциям Хелькдониса" начинают запасаться вещества, образующиеся из эманации дейтерокосмосов (солнц второго порядка). В конце главы Гурджиев добавляет, что можно обнаруживать и поглощать те "остаточные субстанции, которые образуются в результате удовлетворения Силы Воли Нашего Первоисточника, Самой Его Бесконечности".

1 *Примечание редактора: в первой, неопубликованной версии Рассказов Вельзевула, в главе Чистилище, были более понятные определения сущности хелькдониса и абрустдониса. В той версии хелькдонис был охарактеризован как третья пища, в то время как первой и второй пищей являются соответственно наша обычная еда и воздух (включая тонкие вещества, источником которых служат планеты и солнце). На Атлантиде, сознательное потребление пищи считалось делом исключительной важности. Сознательное потребление пищи даже рассматривали как "помощь Богу" и "основное средство улучшения существ в целом". Обычная еда предоставляет "отрицательные вещества", с воздухом поступают "положительные вещества", а хелькдонис играет "нейтрализующую" роль. Гурджиев пишет: "... эти положительные и отрицательные вещества обожествляются, в результате "оказания Помощи Богу".*

Упомянув о хелькдонисе последний раз, Гурджиев пишет, как борьба с желаниями планетарного тела порождает напряжение, благодаря которому формируются субстанции "божественного Хелькдониса".

В главе о Войне, Гурджиев пишет, что абрустдонис, хелькдонис и аскокин смешаны друг с другом. Только благодаря сознательной ассимиляции абрустдониса и хелькдониса, аскокин, то есть пища для луны, или космической цели, может быть высвобожден не требующим физической смерти образом.

Нейтрализующие субстанции могут поступать с воздухом "для обеспечения возможности продолжения рода". Иначе говоря, хелькдонис служит третьей силой при зачатии нового существа. Именно об этом М-р. Беннетт говорил в беседе о типах воли, 10 января 1973 года.

Утверждающая и отрицающая силы поступают от мужчины и женщины, в то время как третья сила, Хелькдонис, входит независимо, и именно эта третья сила делает зачатие возможным. В каждом половом акте принимают участие миллиарды сперматозоидов, и лишь малая доля половых контактов заканчивается зачатием. Таким образом, зачатие является чрезвычайно редким событием в мире спермы. Оно настолько же редко, как и появление совершенного индивидуума в мире людей, индивидуума, который был бы способен переместиться в Божественный Мир. Можно, конечно, назвать это обстоятельство несправедливостью, но оно не более несправедливо, чем гибель огромных количеств сперматозоидов ради одного нового зачатия. В обоих случаях мы имеем дело с исключениями. Принято считать, что зачатие происходит в результате случайного слияния яйцеклетки со сперматозоидом, и это является чисто статистической случайностью. Тем не менее, здесь имеет место нечто большее, и искусственно повышая вероятность зачатия, мы, тем самым, не повышаем вероятность появления на свет жизнеспособного человека.

Мы непременно должны научиться отличать в действительности случайное рождение от рождения, являющегося настоящим формированием человеческого существа. Последнее является правилом. Когда это происходит, создается новый тип. При этом роль хелькдониса заключается в организации индивидуального паттерна воли. Он представляет собой подлинное ядро существа, но поскольку его источником является другое измерение, или другой мир, ему нет места в материальном существовании. Можно сказать, что он остается в необусловленном мире. Для него нужно подготовить место. Значительная часть нашей работы как раз и состоит в приготовлении места для вхождения нашей истинной индивидуальности, которая остается в своем собственном мире, пока мы не подготовим для нее место здесь.

Хотя паттерн воли и не участвует в нашей жизни, он определяет возможные формы наших действий, и более чем что-либо еще, определяет те ситуации, в которые мы можем входить. На самом деле, вопрос о понимании типов был поставлен очень давно. Мы сегодня практически не знаем ничего об этом, поскольку привыкли жить жизнью личности,¹ и даже не чувствуем необходимости выяснить, кто мы есть на самом деле.

По этой причине, мир полон несоответствий, и лишь очень немногие люди чувствуют себя "в своей тарелке".

В древние времена, люди очень настойчиво, иногда, даже с болезненными усилиями пытались понять это. Люди еще не были подавлены механизацией, и осознавали необходимость понимать, а также находить время заниматься этим.

ДЖАРТКЛОМ

Судя по всему, джартклом является одним из основных элементов нашей Работы. В Рассказах Вельзевула он охарактеризован, по крайней мере, с трех различных точек зрения, причем, в каждом случае в описание вкладывается особый смысл. Во-первых, джартклом связан с днем и ночью, светом и тьмой. Это, в свою очередь, сопряжено с очень глубоким пониманием нашего сознания. Во-вторых, джартклом имеет отношение к угрызениям совести, тогда как сами угрызения представляют собой усугубленный джартклом. Наконец, джартклом также упоминается как разделение Вездесущего Окиданока на его три составляющие, и их стремление объединиться вновь.

Третье описание является ключевым. Оно подразумевает раскрытие возможностей. Утверждающая, отрицающая и согласующая силы разделены, и, стремясь объединиться вновь, они порождают в нас действие. У нас есть возможность что-то делать исключительно благодаря отделению третьей силы.

Простейший случай джартклома, лежащий в основе возможности нашей трансформации, состоит в спонтанном пробуждении. Мы можем гулять в саду, затерявшись в своих ассоциациях, когда вдруг что-то происходит: у нас вдруг открываются глаза, и мы видим жизнь вокруг себя. В этот момент практически все чувствуют перемены в своем физическом состоянии. Человек чувствует, что пришел в себя, и растения, деревья и звери, которых не было, вдруг оказываются перед глазами.

Как это происходит? Мы сами не можем организовать все это. Мы даже не стремимся к этому. Мы только что были потеряны, а теперь нашлись. Постепенно мы учимся отслеживать и использовать такие шансы. Когда это случается с нами, мы можем работать. Когда мы спим, мы не можем работать.

1 Определение личности см. П.Д. Успенский, В поисках чудесного (прим. перев.).

Каждый знаком с такой переменной. У каждого ребенка есть опыт виденья, и перехода от невиденья к виденью; и у них есть чувство удивления, сопровождающее каждый такой переход. Большинству людей в последствии это наскучивает. Им это наскучивает, потому что они рассматривают такие моменты как возможность наслаждаться, и не понимают, что это возможность работать. Они считают, что вполне достаточно наслаждаться красотой окружающего. В случае же, если человек действительно связан с Работой, эти моменты пробуждают что-то еще, нежелание быть тем, кем был секундой раньше, жить в мире грез, потеряв связь с реальностью и с собой. В этом случае, перед нами

открываются небывалые возможности. Именно с этой целью все и происходит.

Природа человека такова, что его сознание подвержено перепадам. Иногда оно скатывается до очень низких состояний, по сравнению с нормальным, а иногда поднимается до очень высокого уровня. Это тот способ, посредством которого человек получает возможности, но он должен научиться использовать их.

Более глубокий джартклом связан с совестью. Угрызения совести приходят без каких либо усилий с нашей стороны, и их не требуется заслуживать. Они порождают в человеке начало более глубокого восприятия, наподобие "страха Божьего", лежащего "в основе Мудрости".

Подобно этому, во время упражнений или медитаций нам открываются высшие миры, причем, совершенно неожиданно и непонятным образом.

Для того чтобы понять место джартклома в мировоззрении Гурджиева, мы должны сначала определить, о чем повествуют Рассказы Вельзевула. Существует несколько подходов к пониманию этой книги. Можно рассматривать ее как историю духовной жизни человека, как образец реального обучения и введения людей в Работу, как серию притч и аллегорий в традиции историй суфийского учения, или как некое пророчество о будущем человечества. Однако есть и другая точка зрения, согласно которой Рассказы Вельзевула являются автобиографическим произведением Гурджиева. Прежде всего, это относится к эпизодам, связанным с джарткломом. Гурджиев придумывает двух персонажей с планеты Сатурн, Горнахура Хархарха и его сына, Горнахура Рахурха. Хархарх появляется уже в самом начале книги, в главе "Архи-нелепость", со своим удивительным аппаратом для осуществления искусственного джартклома. Он представлен как ученый, известный по всему мегалокосмосу, благодаря открытиям, связанным со священным окиданоком, или Волей.

Хархарх демонстрирует Вельзевулу разделение сил, а также слепящую вспышку света во время их воссоединения. Но он никогда не объясняет смысла всего этого. Ближе к концу книги, в главе об Электричестве, появляется его сын, Рахурх, и Гурджиев пишет, что его труды привели к дискредитации отца и даже к его позору. Горнахур Рахурх обнаружил, что чудесный аппарат его отца выдавал ложные результаты.

Я думаю, что прототипом Горнахура Хархарха был Гурджиев, на момент его работы в Приорэ, а чудесный аппарат, осуществляющий искусственный джартклом олицетворяет сам Приорэ. Ключевая фраза здесь: "искусственный джартклом". Горнахур Хархарх **воздействует на людей, пробуждая их.**

Именно работая в Приорэ, Гурджиев создал себе репутацию человека, желающего главенствовать над людьми и использующего насильственные методы. Позже, принципы его работы изменились. От искусственного осуществления джартклома он перешел к естественному. В случае естественного джартклома, все зарождается внутри. **Задача учителя**

заключается в том, чтобы научить людей использовать возможности, спонтанно возникающие в них самих.

Многие считают, что роль учителя как раз и заключается в осуществлении искусственного джартклома. Некоторые даже считают это самым главным. Мне даже иногда жаль, что Гурджиев настолько сильно завуалировал этот вопрос в Рассказах Вельзевула. Лишь очень немногие люди понимают, что же нелепого в "Архи-нелепости". Было бы очень здорово, если бы все, кто берет на себя обязанности учителей, ставили бы перед собой маленькую табличку: "Избегай искусственного джартклома". Опасность состоит в том, что он может производить эффективные результаты, наподобие слепящей вспышки света Горнахура Хархарха, но затем все возвращается на прежние места, а **что-то даже нарушается.** Я наблюдал за Гурджиевым в конце его жизни, и, несмотря на весь его опыт, он два раза допустил ошибку: два человека ушли от него, прошли через кризис и, в конце концов, потеряли контакт с Работой. Тем не менее, из сотен людей которых я видел с ним в Париже, он заставил пройти искусственный джартклом не более полдюжины. В Приорэ, напротив, он использовал всевозможные искусно организованные условия, добиваясь трений между людьми, и постоянно подливал масло в огонь. Иногда он был безжалостно коварным, конечно, не желая людям зла, а лишь для того, чтобы разбудить их.

В Рассказах Вельзевула Гурджиев говорит о том, что есть два пути, по которым к человеку может прийти откровение. Оно может прийти, в результате действия, исходящего не от мира сего, то есть, не от нас самих, не от нашей внутренней природы и не от других людей. Просто так устроен мир. Мы здесь имеем дело с "одухотворяющим" действием, действием, которое истекает не от нас самих. Вхождение этого действия в нас я называю **седьмой линией работы,**¹ и именно оно делает возможным все остальное.

Это действие налагает на нас определенные обязанности. Второй способ заключается в воздействии другого человека на нас, что соответствует **пятой линии работы."** И, действительно, следует признать, что в определенных ситуациях такой искусственный джартклом просто необходим.

Хорошим примером искусственного джартклома служит упражнение "стоп".³ Если все происходит должным образом, в определенный момент мы, внезапно, начинаем видеть себя, качество нашего мышления и качество нашего состояния. Таким образом, происходит разделение между той частью нашей природы, которая неподвижна и способна видеть, и той ее частью, которая находится в движении и самостоятельно видеть не может. Этот момент может стать началом работы, но лишь наше понимание этого момента может определить, как мы распорядимся представившейся возможностью.

Слишком часто подвергаясь искусственному джартклому, человек впадает в зависимость от него. Через некоторое время он уже не может работать, пока кто-нибудь не возьмет на себя этот труд. Я знаю людей, которые специально ходили на собрания, где их всячески отчитывали, и, чувствуя

себя в глупейшем положении, они думали, что укрепляют свое бодрствование. На самом деле, это совсем не так. В конце концов, они начинают чувствовать необходимость в том, чтобы их кто-то все время расталкивал, а, иначе, у них не возникает ощущения работы. Кроме того, по всей видимости, возможность естественного джартклома, до некоторой степени утрачивается.

Как я уже говорил, моменты пробуждения сопровождаются чувством долга. Давайте вернемся к тому примеру с прогулкой по саду, когда мы вдруг начинаем осознавать красоту окружающего. Нужно использовать наплыв этих эмоций - удивления, благодарности, любви к красоте, для укрепления собственного желания работать. Когда, в свое время, мы

1 См. также Дж. Г. Беннетт, Семиступенчатая Работа. Ее семью линиями являются: 1) ассимиляция, 2) борьба, 3) служение, 4) проявление, 5) восприимчивость, 6) подчинение и 7) благодать.

2 Точка остановки, как раз, приходится на эту пятую линию работы - внешнее воздействие. Во время остановки наступает вторая линия - заострение внимания на себе. По окончании остановки, начинается работа по третьей линии, то есть, сознательная работа. 3 Излюбленное упражнение Гурджиева, суть которого заключалась в том, что ученики должны были останавливать в себе все контролируемые процессы по внезапной команде Гурджиева, и оставаться в этом состоянии до дальнейших его указаний. См. также В поисках чудесного, П.Д. Успенского (прим. перев.).

слушали, как Гурджиев играл на маленьком переносном органчике, я и многие другие начинали ощущать непреодолимое желание стать чище, чем это в наших силах. Я просто хотел быть праведным, тем, кем я должен быть на самом деле. Такое не застывает в человеческом сознании. Очистившись, это стремление просачивается в само бытие человека. Если человек не превращает этот опыт радости в желание быть достойным ее, он потратил время впустую. Если же человек спрашивает: "Кто я такой, что мне было позволено насладиться этим?" процесс джартклома начинает охватывать его сознательность.

Давайте теперь поговорим о сути этого желания. В Рассказах Вельзевула по этому поводу было сказано следующее: "нежелания должны преобладать над желаниями".¹ Это довольно трудно понять, равно как и Буддийское учение по этому поводу. Большинство людей считает, что, согласно учению Будды, у человека вообще не должно быть желаний, но, на самом деле, в дошедших до нас рукописях ничего об этом не говорится. В данном случае, имеется в виду, что наше желание свободы должно преобладать надо всеми нашими желаниями, относящимися к этому миру. Для нас должно быть гораздо важнее быть достойными наслаждения, чем собственно наслаждаться; впрочем, это не означает, что мы вообще не должны наслаждаться. Просто, если человек только наслаждается, очень скоро он начинает думать: "Я лучше, чем другие люди. Я могу воспринимать то, что не воспринимают другие. Я могу рассказать им о тех замечательных вещах, которые видел".

Есть еще кое-что, о чем нельзя забывать, говоря о джарткломе. Люди привыкли считать, что "пробуждение" длится определенное время, и они даже рассматривают его с точки зрения длительности. Совершенно необходимо попытаться понять, что момент пробуждения внезапен и

безвременен. Затем, остаются последствия. Возможно, за счет энергетического выброса, человек пребывает в более сознательном состоянии, но это не джартклом. Джартклом, в этом смысле, похож на молнию: молния исчезает мгновенно, но вы еще долгое время видите вспышку.

Наконец, Гурджиев также приводит описание джартклома, в сопряжении с днем и ночью. Люди, как правило, ощущают, о чем идет речь, но неправильно трактуют свой опыт. Многие люди рассказывают, что во время медитации иногда наступает некое состояние отсутствия. Все подобные состояния можно разделить на четыре вида. Прежде всего, человек может просто затеряться в своих ассоциациях, что случается довольно часто. Во-вторых, можно просто заснуть. Кроме того, иногда происходит резкий провал, резкое нарушение связности, из которой, впрочем, человек выходит, как будто просыпаясь, но, зная, что это был не просто сон. Наконец, существуют подлинные щели, куда человек пропадает, возвращаясь в ту же самую точку, и не зная, прошла ли минута или секунда. Это происходит, при исключительной концентрации внимательности. На востоке, это состояние известно, как Самадхи, или транс. В буддийских рукописях есть описание безвременного и внепространственного опыта, наступающего после четырех дхан,¹ когда человек буквально переносится из пространства и времени в другое измерение, которое я назвал **вечностью**. Именно поэтому невозможно определить, сколько времени продолжался этот опыт. Вместе с тем, если человек покидает пространство и время, он совершенно не обязательно остается на прежнем месте. Человек может, например, обнаружить себя где-то в другом месте, или во вчерашнем дне, и у него появляется странное чувство необходимости вернуться обратно. Затем он таки возвращается назад.

Человек может выйти из самадхи в том же самом месте и времени или в другом месте и времени, или просто проснувшись.

В отношении самадхи нужно понимать, что это состояние не вызывается самим человеком. Это та разновидность джартклома, которая связана с "днем" и "ночью". В Рассказах Вельзевула Гурджиев намекает на то, что темнота занимает главенствующее положение. В начале 1925 года Гурджиев все еще находился под глубоким впечатлением от того, что произошло с ним в июле предыдущего года, когда он, на самом деле, умер, а затем ожил. Этот свой опыт он попытался отразить в главах "Об относительном понимании Времени", "Архи-абсурд" и "Архинелепость". Важно помнить, что подобные вещи происходят отнюдь не благодаря нашим собственным усилиям.

В отношении глубокого состояния самадхи даже неуместно употреблять понятие "пустота", в этом случае мы имеем дело с **исчезновением**. Человек уходит в духовный мир, известный в Суфизме под названием алам-и-имкан, и полностью покидает мир состояний сознания, алам-и-арвах. В результате, мы оказываемся в непосредственной власти Бога, и становимся, так сказать, податливыми. В это время духовная сила может что-то преобразовывать в нас.

1 См. главу "Организация в поддержку человеческого существования, основанная Его Святейшеством, Ашиата Шиешем."

бытие-парткдолг-обязанность - сознательный труд и

ПРЕДНАМЕРЕННЫЕ СТРАДАНИЯ

В качестве способа самосовершенствования наш Бесконечный Творец предусмотрел для трехмозговых существ "сознательный труд и преднамеренные страдания". Это относится к духовной реальности, и любые обычные объяснения здесь неуместны. Пока мы мыслим исключительно категориями этого мира, бытие-парткдолг-дьюти не будет иметь для нас никакого смысла. Это понятие связано с выходом за рамки обычного мира и участием в действии другого вида. Во Вселенной протекают грандиозные процессы - следует ли считать их просто функционированием механизма? Если же это не механическая работа, то что это? Видимо, упоминание ангелов и существ особого вида нам ничем здесь не поможет. Какова роль этих существ в жизни мира? Если мир функционирует, как машина, вносят ли эти особые существа какие-либо перемены, перестает ли мир быть машиной, если они принимают участие в его жизни?

Важнейшие вещи, которые просто необходимо понимать, оказываются буквально на расстоянии вытянутой руки от нас, если, конечно, обращать на них внимание. Так, в качестве примера можно поговорить о воздухе. Что это такое? Воздух бесконечен: у него нет внутренней и внешней сторон, нет собственной поверхности и границ. Предоставленный сам себе, воздух и все его частицы движутся свободно. Бесчисленные миллионы частиц нашей атмосферы постоянно разносятся по всей солнечной системе, и такие же бесчисленные миллионы частиц попадают в нее со всей солнечной системы. Каким бы разреженным не был воздух, он сохраняет все свойства воздуха, даже если пространства между частицами будут в триллионы раз больше, чем обычно.

Все живое дышит, и все дышат одним и тем же воздухом. Воздух служит оплотом, или средой жизни. Он также является средой распространения звука и водяного пара, необходимого для нормального существования жизни. Без воздуха, на поверхности земли не могло бы быть воды, и, кроме того, мы не пережили бы солнечной радиации. Воздух отделяет переносимое от непереносимого, он поглощает непереносимое, а мы, в свою очередь, пользуемся полезными для нас свойствами. Благодаря воздуху, воде и солнечному свету голые камни превращаются в плодородную почву, основу жизни. При этом воздух служит средой для всего.

Воздух олицетворяет собой безграничную щедрость, безвозмездно раздавая себя всем. Все - большое и маленькое, необходимое и разрушающее, хорошее и плохое - все получает один и тот же воздух. Воздух может служить для нас символом безграничного и всеподдерживающего сострадания. Воздух и на самом деле является состраданием; он и на самом деле обладает теми качествами, которые мы часто приписываем ему, казалось бы, красноречия ради. Для этого есть гораздо более конкретные основания, чем мы обычно думаем.

Нас окружают духовные качества, но они не принадлежат существам вообще, и, тем более, таким существам, как мы. Они являются частью системы, обеспечивающей существование жизни.

Гурджиев часто употребляет термин "сознательный труд". Какой труд можно назвать сознательным, и что значит делать сознательные усилия? Все живое должно действовать. Так, растение должно вращать | корнями в почву и протягивать листья к солнцу. Для того чтобы жить, необходимо трудиться. Это не сознательная работа - это необходимое функционирование. Все живое вынуждено исполнять эти минимальные требования, и мы, в этом смысле, не являемся исключением.

В отношении себя самих, мы можем также сказать, что есть вещи, делать которые нас побуждает наша собственная природа. Некоторые из них относятся к подлинной работе, то есть к истинному выражению себя, или работе Сущности. Часть ее носит надуманный характер, причиной чего является внушаемость; что-то обусловлено социальной средой. Все это может свестись к рабскому труду, и в такого рода работе всегда есть элемент рабства.

Нужно сказать также и о стремлении к определенной цели или награде. Мы можем в поте лица трудиться, стараясь чего-то достичь, и такие усилия, вне всяких сомнений, оправданы. Практически все вливаются в психокинетическое течение, благодаря борьбе за награду, например, желая стать лучше, сильнее, решить ту или иную проблему, достичь высших уровней бытия и т. д. Ни один из этих видов работы нельзя назвать сознательным трудом. Сознательным труд можно назвать только в том случае, если этот труд не обусловлен заинтересованностью в его плодах.

*Работа, о которой идет речь, должна осуществляться потому, что должна осуществляться. Мать ухаживает за своим ребенком, потому что должна это делать. При этом, если она ухаживает за своим ребенком ради какой-то награды, ее заблуждение ужасно. Каким бы тяжелым ни был труд, и как бы она ни жаловалась на трудности, работа должна выполняться, причем, **бескорыстно.***

Можно сказать следующее: когда мы видим, что что-то должно быть сделано, это означает, что мы становимся сознательными. Понимание того, что необходимо, и умение видеть, что необходимо, как необходимость, является первым условием сознательного труда. Только если мы делаем то, что должно быть сделано, просто потому, что это должно быть сделано эта работа может избавить нас от эгоизма. Если же мы зарабатываем себе награду, эта награда, так или иначе, будет связана с удовлетворением чего-то в себе, и, почти наверняка, это что-то будет иметь отношение к нашему эгоизму, или самолюбию.

Мы не осознаем инстинктивно разницу между этим видом работы, сознательной работой, и тем, что обусловлено необходимостью жить и поддерживать свое существование. Мы осознаем это исключительно в силу своей человеческой природы.'

*Гурджиев всегда связывает понятие "сознательный труд" со **служением будущему**, наподобие того, как сеятель сеет семена с надеждой, но без*

особой заботы о том, кто будет собирать урожай. Рассказы Вельзевула повествуют о том, что все те, кто обрел объективный разум посредством сознательного труда и преднамеренных страданий, служат будущему человечества. Такая связь с будущим является неотъемлемой составляющей понимания сущности сознательного труда, и не нужно думать, что это всего лишь выделенный элемент, в общепринятом комплексе идей служения в нынешней ситуации. Сознательный труд готовит почву для лучшего будущего.

На смену сеятелю приходит жнец, который, в свою очередь, также подготавливает будущее. Зерна не будут использованы непосредственно на поле; его поместят в амбары, а затем превратят в муку и, наконец, в хлеб. Во всех случаях плодами этой деятельности можно будет насладиться лишь в будущем. Почему это так? Все дело в том, что будущее представляет собой сферу творчества; оно определяется творческим процессом, в то время как настоящее погибает и сходит на нет. Чем ближе мы подходим к настоящему моменту, тем неизбежнее эта гибель.

В случае любой важной вещи, которая появляется в нашем мире, проходит определенное время, прежде чем появляются плоды, а на самые значительные события уходят сотни, а иногда и тысячи лет.

Служение будущему является весьма специфической деятельностью и способом уйти от фальши и слепоты, согласно Гурджиеву, обусловленных "последствиями проявившихся свойств органа Кундабуффер". От Кундабуффера исходят жадность, жалость к себе, избегание реальности, обманывание себя и других людей, и все остальные черты жизни во лжи и воображаемом мире. Если человек ставит перед собой задачу служения будущему, фальшь должна уйти с дороги, но на что может опереться в этом случае человек? Здесь мы сталкиваемся с понятием "**преднамеренное страдание**". Без него, сознательный труд теряет свое жизненно-важное содержание.

1 Которая отчасти является духовной, то есть, недетерминированной.

В то же время, мы должны безошибочно отличать один вид страданий от другого. Есть губительное страдание, причем, губительное, как по своим причинам, так и по результатам. Это относится, в частности, к страданиям от собственной злонамеренности, ненависти и осуждения других людей.

Другая причина губительных страданий заключается в сомнениях, что не так просто понять. Сомнения возникают, когда человек требует доказательств, отказываясь верить в то, чего не видел. Что лежит в основе этого? В основе лежит эгоизм и желание иметь то, чего еще не заслужил. Необходимо понимать, что такие сомнения являются грехом.

В этом мире мы всегда точно знаем, какой шаг мы должны сделать в каждый конкретный момент. Когда же мы начинаем размышлять о завтрашнем дне, перед нами встают разного рода вопросы и неопределенность, но, говоря: "Как я могу делать что-либо, не будучи полностью уверенным в завтрашнем дне?", мы предъявляем неоправданные требования. На самом деле, очень много людей страдает, недоумевая и

агонизируя по этому поводу. На первый взгляд, такой подход может показаться вполне обоснованным, но, в действительности, это всего лишь потакание собственным слабостям и проявление эгоизма. Наше отношение к этому вопросу меняется коренным образом, когда мы понимаем, что сомнения являются причиной губительных страданий. Мы начинаем понимать, что уверенность не настолько необходима нам. Есть существенная разница между задаванием вопросов и требованием ответов. Мы прекрасно можем обходиться знанием того, что нужно делать в данный момент, без какой-либо уверенности в результатах и том, что будет завтра.

Третья причина губительных страданий заключается в собственничестве. Оно может породить много разных форм страдания: боязнь лишений, потерь, а также собственнических отношений с другими людьми. Все, что связано с требовательностью, в особенности, в отношении себя и своих прав, приводит к необоснованным страданиям.

Кроме того, следует отнести сюда же самолюбие, которое, в своей наиболее распространенной форме, представляет собой просто жалость к себе. Очень много различных страданий доставляет нам излишняя забота о себе. Мы много страдаем от того, что не желаем страдать, и люди, не смиряющиеся с неизбежными страданиями, страдают в десять раз больше по поводу себя.

Наконец, есть страдания, связанные со временем, например, бессилие и сожаление. Мы страдаем по поводу того, что произошло в прошлом, или того, что не происходит в настоящем, хотя мы на это и надеялись или даже рассчитывали. Пак Субух говорил так: "Вы страдаете оттого, что пытаетесь обогнать Бога".

Все эти разновидности страдания не имеют под собой реальных оснований. Вполне вероятно, что именно это подразумевается под грехом. При этом следует отметить, что губительное страдание опаснее самооправданий, поскольку они могут, в какой-то мере, уводить человека от эгоизма.

Губительные страдания в значительной степени укрепляют наш эгоизм, и именно по этому поводу Гурджиев говорил: "Вы должны научиться жертвовать страданием". Кроме того, есть страдания, которые скорее не греховны, а просто бесполезны. Сюда относятся беспокойство, возмущение несправедливостью, волнение о будущем, и т.п. Ничто из перечисленного не приносит человеку пользы. Это викармические страдания. Ими тоже надо научиться жертвовать. Совсем не обязательно их источником будет какая-то неправильно организованная часть нас; просто некоторых людей такие страдания в определенном смысле парализуют.

Кроме того, существуют действительно неизбежные страдания, которые могут быть вызваны, например, болезнью, унижением и тяжелыми утратами. Эти страдания имеют под собой почву; они принимают ту или иную форму в жизни всех людей. Такие страдания могут быть трансформированы, что отличает их от бесполезных страданий, которые ни при каких обстоятельствах не могут привести к положительным

результатам. Неизбежные страдания могут даже служить средством очищения нашей духовной природы.

В качестве иллюстрации можно вспомнить об Ахмаде Руфайи, основателе ордена дервишей Руфайи. Он прожил очень трудную жизнь, поскольку всегда подвергался гонениям за неортодоксальное толкование Ислама. Кроме того, он подвергал себя очень суровым аскетическим испытаниям. Однажды он сказал: "Я хотел попасть в Царство Небесное, и подходил ко многим воротам, но около них всегда было так много народу, что мне не удавалось пробиться. Наконец, я подошел к воротам, где никого не было, и мне удалось легко пройти через них. Это были ворота унижения". Очень легко воспользоваться унижением, если знаешь, как это сделать.

Страдания, вызванные болезнью, могут легко обернуться жалостью к себе и собственничеству. Люди могут пользоваться болезнью, и это большое безрассудство с их стороны. Подлинное страдание, когда человек близок к смерти, сильно отличается от этого. Каждый, кто был близок к смерти, по причине своей болезни, знает, что в это время дверь открыта. Когда я лежал присмерти, со мной произошло много того, что никогда бы не произошло, не будь я так болен. На самом деле, человек должен быть благодарен за такую возможность больше, чем за что-либо еще в своей жизни. Мне доводилось очень часто встречаться с больными раком. Это удивительная ситуация. Страдает не только сам человек, но и все окружающие, которым он небезразличен. Должен сказать, что я много раз убеждался, что эта болезнь не только разрушает организм, но и лечит душу. В страданиях, приносимых неудачами, унижением, болезнями, приближением смерти и тяжелыми утратами есть что-то, что может наполнить человека добрыми, и даже священными чувствами. Они могут дать надежду, веру, смирение и, прежде всего, любовь. Я помню человека, неспособного любить, и который был в ужасных отношениях со всей своей семьей. Умирая от рака, он стал смиренным и счастливым человеком, прекрасно ладившим со всеми близкими. Другой человек, которого я знал, вместе с внезапно свалившимся на него богатством, обрел массу пороков. Его участь, с точки зрения страданий, была ужасна, но, благодаря им, он смог покончить со всем злом в своей жизни.

В процессе развития этой странной болезни есть период ремиссии, когда можно либо забыть о том, что было открыто, либо действовать сообразно открытому. Это, как бы, своеобразная проверка, выявляющая, что человек будет делать.

Конечно, стремиться к этой разновидности страданий бессмысленно, с любой точки зрения. Оно открывает определенную дверь людям, и они могут суметь пройти через нее. Так или иначе, не слишком много людей толпится у ворот с табличкой "рак".

Неверно предполагать, что страдание, которое я назвал неизбежным, является наказанием за наши грехи. Следует понять, что наказание за грех - это привилегия. (В своих личных молитвах я всегда просил: "Пусть последствия моих действий незамедлительно сказываются на мне".) Страдания, которым мы подвергаемся, могут открыть нам дверь; они могут быть дарованной человеку возможностью освобождения. Обычно, под наказанием, в смысле возмездия, подразумевается нечто другое. В главе

Лентрохомсанкн¹ Гурджиев дает понять, что возмездие является исключительно редким событием. Страдания, порождаемые действием высших законов, могут служить для нас способом освобождения.

¹ Викарма обычно переводится как "вредное действие". В данном случае лучше использовать слово "акармический", то есть, "бесполезный".

¹ "Уничтожение трудов Святейшего Ашиата Шиемаша".

Во всех рассмотренных нами к настоящему моменту примерах сам человек не предпринимал активных действий для того, чтобы пострадать, и это просто, так или иначе, случалось с ним. Что же касается страданий, в которых сам человек принимает активное участие, то Гурджиев делил их на **умышленные¹ и преднамеренные страдания**. В случае умышленных страданий все вполне очевидно. Это страдания, которым человек подвергает себя ради достижения той или иной цели. Типичным примером является атлет, который соблюдает суровую дисциплину, подчиняется всем приказам тренера, и лишает себя большей части так называемых радостей жизни, ради того чтобы выиграть соревнование. В качестве другого характерного примера можно назвать скрягу, который ведет жизнь нищего, изнуряя себя голодом, с одной лишь целью копить деньги. Такого рода страдания связаны с работой ради той или иной награды. Основанием для них могут являться только плоды этой работы. До некоторой степени, это может продвинуть нас за границы тех результатов, к которым мы стремились, хотя и не далеко.

Давайте теперь поговорим непосредственно о преднамеренном страдании, поскольку, по всей видимости, собака зарыта именно здесь. Под преднамеренными страданиями подразумеваются те страдания, на которые идет человек, ради выполнения своего долга. Выполняя свой долг, человек должен совершать действия, которые могут, хотя и не обязательно, обернуться для него проблемами. Так, человек может сделать что-либо для пользы другого человека, будучи полностью готовым смириться с возможной неблагодарностью и непониманием, что, в итоге, может даже ухудшить его отношения с тем человеком, и чего бы не случилось, если бы он просто прошел мимо.

Мы можем увидеть все это в жизни великих Мессий. Давайте начнем с Будды. Вначале он шел по пути умышленных страданий. Вместе с пятью сподвижниками он решил покорить собственную природу при помощи сурового аскетизма. Это был путь атлета. По прошествии некоторого времени, он понял, что это не приведет его к свободе, и, следуя по этому пути, человек не избавляется от своих оков. Тогда Будда стал копать глубже, пока ни обнаружил причину порабощенности людей, и ни освободился.

Затем последовало искушение Мары. Мара сказал ему: "Ты достиг просветления. Ты теперь свободен, и тебе нет необходимости оставаться в этом мире, ты можешь наслаждаться совершенной свободой". Знающий эту жизнь, и что значит покинуть рамки существования, знает также и что это за искушение. Тем не менее, Будда ответил: "Нет, я должен свидетельствовать. Я должен поделиться всем этим". Мара попытался

1 На языке оригинала, это слово имеет общий корень со словом воля (прим. перев.).

убедить Будду в том, что ему ничего не удастся, и что люди не поймут его, но Будда не послушался. Он взял на себя задачу делиться своим пониманием с другими людьми. Будда прожил еще пятьдесят ужасно трудных лет постоянного труда. Его собственный сын отвернулся от него, а среди его последователей произошел раскол, поскольку некоторые сочли путь Будды слишком легким, и требовали более строгой дисциплины. Кроме того, его отвергли также и Брахманы, которым не понравилось его пренебрежительное отношение к кастовым привилегиям. Так все и продолжалось. В конце своей жизни, будучи уже стариком, бродившим от деревни к деревне, от города к городу, и помогавшим тем, кому это было нужно, он разделил свою последнюю трапезу с кузнецом Чундой. Будда сказал: "Дай мне трюфели, а рис и сладости дай другим". Затем, он вышел и закопал трюфели. Именно так все и должно было произойти.

Вся жизнь Будды после просветления являла собой пример сознательного труда и преднамеренных страданий. В то же время, он не был вынужден страдать. Он сделал свой совершенно свободный выбор, решив потрудиться ради будущего человечества, что и стало причиной его страданий. Это, впрочем, не означает, что Будда прожил невеселую жизнь несчастного человека. Напротив, у нас есть все основания полагать, что он был веселым и остроумным человеком, хотя и жил наполненной трудом и страданиями жизнью.

Мохаммед, Святой Пророк Бога, также следовал пути преднамеренных страданий. В начале своей жизни, он был очень удачливым молодым человеком, которого знали, как "надежного Мохаммеда". Затем, духовная сила привела его на Гору Гера, где в откровении он узнал, что должен будет проповедовать единство Бога. Тогда Мохаммед пришел в ужас. У него не возникало ни каких сомнений в том, что люди его отвергнут. Мохаммеда поддерживали только его жена Хадиджа и еще двое жен, тогда как вся Мекка, в то время, центр паломничества арабского многобожия, воспротивилась ему. В результате, Мохаммед был изгнан отправился в Эфиопию. Он потерял все, и в своих постоянных скитаниях все время наталкивался на непонимание и гонения. Лишь в последние годы перед смертью, с шестидесяти до шестидесяти трех лет, его жизнь, вроде бы, была благополучной. Вместе с тем, не следует забывать, что он потерял единственного сына, что очень тяжело пережить, и на него все еще сваливались трудности и болезни. С самого начала Мохаммед понимал, что работа, которую он должен был выполнить, принесет ему много бед. Следовательно, это было преднамеренным страданием.

Вряд ли мне нужно напоминать вам в этой связи об Иисусе Христе. Евангельская история повествует о страдающем человеке, хорошо знакомом с печалью. Он никогда не прекращал трудиться, где его принимали или отвергали, пока ни пришло время последней жертвы. Все это было известно заранее, и поэтому было преднамеренным.

То же Самое всегда происходит с другими высокоразвитыми духовно людьми. Гурджиев, в свою очередь, также провел жизнь в сознательном труде и преднамеренных страданиях ради будущего.

Необходимость в тех или иных действиях ради будущего, сопровождается также и необходимостью в людях, которые бы могли вынести стрессы, сопутствующие таким изменениям. Кроме того, требуется определенная подготовка. Об этом можно судить по жизни Христа, чья миссия началась, только когда ему было уже за тридцать. То же самое относится и к Будде, а Мохаммед начал свою проповедь почти в сорок лет.

Следует ли, в связи с этим, считать, что сознательный труд и преднамеренные страдания предназначены только для исключительных людей или их учеников, последователей, сподвижников и апостолов?

В наше время это уже не так. Потребности мира невероятно возросли, и встающие задачи не могут решаться несколькими людьми. Нужно много людей. Христос сказал, что урожай большой, а жнецов мало, и сейчас этот вопрос стоит даже еще острее. Урожай колоссален - все будущее человечества.

"Что же нам делать?" Не достаточно просто говорить: "Я хочу служить. Я должен быть способным служить". Совершенно недопустимо думать: "Я буду служить, когда мне это будет удобно", поскольку получается так, что нам приходится служить, как раз, когда нам меньше всего это удобно. "Бдите и молитесь, поскольку не знаете день и час, когда придет Сын человеческий". Мы должны уподобиться воздуху, позволить всему вбираться нас, отвергать себя полностью, позволять всему передаваться через нас.

обсуждение

В. Я могу сказать себе: "Я действительно хочу встать на этот путь", но это слишком поверхностное решение. Как я могу сделать его более глубоким? Я не могу удержаться на пути, я не вижу того, что следует делать. Слишком многое ускользает от моего внимания.

Дж.Г.Б. Это относится ко всем. Следует рассматривать это в целом. Как часто я говорил, когда уже было слишком поздно: "Если бы только я заметил то-то и то-то, я бы предпринял что-нибудь". Теперь для меня очевидно, что я должен с этим смириться. Похоже, некоторые недостатки не исправляются. С другой стороны, появляется более глубокое и целостное осознание Работы. Она глубже укоренилась во мне как целое.

Когда человек видит препятствие в себе, подобно тому, как вы рассказали, это может быть превращено в еще более сильное желание работать над собой. На самом деле, это особый вид произвольного страдания, которое можно использовать. Когда что-то не удастся, особенно, если причина заключается в нас, энергия неудачи может быть направлена на нашу Работу.

В произведении Джалал ад-дина Руми, Маснави, есть притча на этот счет. Вероятнее всего, Руми просто пересказал более древнюю историю. Итак, человек идет помолиться в мечеть и, подойдя к ней, встречает выходящих людей. Один из них спрашивает его: "Куда ты идешь?" "Помолиться" - отвечает он. "Ты опоздал" - говорит человек, "Пророк уже дал свое последнее благословение". Тогда пришедший человек воскликнул: "О горе!", а

собеседник сказал ему: "Я охотно поменял бы свои молитвы на твой возглас".

Понимание собственной несерьезности может быть очень мощным источником энергии для нашей работы. Тем не менее, возможно, было бы неэффективно стараться преодолеть этот свой недостаток сходу; не могу сказать наверняка.

В. Мне кажется, что мотивы преднамеренных страданий слишком легко теряют свою незапятнанность. Как справляться с этим?

Дж.Г.Б. В такой ситуации мы должны отчасти доверяться друг другу. Так, судя по всем повествованиям, Мохаммед никогда бы не исполнил своей миссии, если бы его жена, Хадиджа, и дядя не поддержали его, когда его переполняли сомнения относительно себя и своего видения. Он уже был готов махнуть на все рукой, считая слишком дерзким претендовать на получение заповедей непосредственно от Бога. В случае подобных искушений, когда кажется, что голос Бога, возможно, был просто голосом собственного эгоизма, мы должны обращаться за помощью к другим людям.

Кроме того, в дело может запросто вмешаться злая воля. Когда человек уверен, что выполняет определенную миссию, он часто считает препятствующих ему людей злыми, и думает о них плохо. По-настоящему чистые посланники никогда не попадают в эту ловушку.

В. Христос сказал, что те, кто не против нас, те за нас. А как дело обстоит с теми, кто против нас? Каким должно быть наше отношение к ним?

Дж.Г.Б. В Нагорной Проповеди Христос сказал: "Не противьтесь злу". В Евангелии много сказано по этому поводу. Если кто-то отбирает у вас рубашку, отдайте ему и халат. Если кто-то заставляет вас идти с ним милью, пройдите с ним две; благословляйте оскорбляющих вас, молитесь за преследующих и ненавидящих вас.

В. Сама по себе идея преднамеренного страдания довольно проста; трудно применять ее в повседневной жизни. Именно на этой стадии возникает много вопросов.

Дж.Г.Б. Прежде всего, нужно понять, что мы не должны стремиться страдать. В Евангелии это явно следует из молитвы на Елеонской горе: "Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! Впрочем, не моя воля, но Твоя да будет". Христос не искал страданий. В Евангелии отчетливо показано, что не было другого способа достичь того, что должно было быть достигнуто, и все произошло надлежащим образом. Опять же, когда Ананда, любимый ученик Будды, был опечален приближающейся смертью Гаутамы, Будда вывел его из монастыря, где тот укрылся от всего окружающего, и заставил жить в мире и выполнять свои обязанности. Существует много подобных историй, показывающих, что преднамеренное страдание - это принятие

страданий, приходящих вместе с работой, которую необходимо выполнить.

Ваши слова просто светятся истиной и содержательностью. Я получил колоссальное впечатление. Но все это внутри меня уходит на второй план, когда я думаю о том, что должен делать в этом мире. Как мы должны вести себя? Какие встают трудности? Каким должно быть наше отношение?

Дж.Г.Б. Вы будете сильно разочарованы, если встали на путь исключительно личной выгоды ради. Должно всегда присутствовать понимание того, что не важно, какой будет личная выгода, если мы делаем то, что необходимо. Таким образом, в нашей трансформации появляется реальный скачок.

В. Не могли бы вы подробнее рассказать о том, как можно сохранять служение чистым, без заблуждений, сомнений, самоволия и прочих подобных препятствий?

Дж.Г.Б. Необходимым фактором является понимание. Вы можете разделять мое мнение. Возможно, был даже момент, когда у вас действительно появилось такое отношение к страданию. Само по себе, оно пока не является вашим собственным. Пока еще вы не чувствуете, что должно искореняться, что перерабатываться, а что приниматься. Здесь не может быть короткой дороге, но ее можно пройти.

Понимание сути страданий не делает нас совершенными, но мы уже добились многого, если не считаем страдание горем. Для того чтобы это могло быть так, необходимо развить внутреннее зрение, которое бы позволяло нам видеть реальное значение вещей. В конце концов, мы начинаем видеть принципы, а также необходимость страданий. Наконец, вы начинаете не в большей степени стараться избегать страданий, чем вы стараетесь избегать становиться на другую ногу при ходьбе. На духовном пути, радость и страдание сменяют друг друга, подобно двум ногам, и, в определенный момент, вы перестаете заботиться о том, какая "нога" сейчас стоит на земле. Напротив, вы понимаете, насколько неудобно все время скакать на одной ноге.

Часть пятая

РЕАЛЬНОСТЬ

Катаклизм, не соответствующий закону. 1974 Фрагменты, 1974 Эпилог. 1950

катаклизм, не соответствующий закону

Время Тиклиамитианской (Шумерской) цивилизации, более или менее соответствует династическому периоду истории Египта. Это было временем разделения людей на касты и появлением среднего класса. По

словам Гурджиева, именно тогда человечество разделилось на два потока, в результате "катаклизма, не соответствовавшего закону". В случае первого потока, люди попадают в бескрайний океан, из которого можно подняться до более высоких состояний бытия, под действием "циклонов". В случае другого потока, люди с грохотом перекатываются по порогам, и, в конце концов, просачиваются в поры почвы, принимая участие в возобновлении жизни. То, в какой поток попадает человек, зависит от того, обрел ли он свое собственное "Я" к началу ответственного возраста.

Что же это было за катастрофическое событие? Произошла фундаментальная ошибочная переоценка значения человеческой жизни. Что-то нарушается в людях еще до того, как они достигают ответственного возраста. Причем, Гурджиев здесь имеет в виду не эгоизм, а что-то, что мы делаем со своими детьми.

Люди верят в этот материальный мир, как в реальность, и за редким исключением вообще не верят в духовный мир. Мы недооцениваем это обстоятельство. Мы даже не догадываемся, насколько это дико. Так, люди считают реальностью то, что видят и до чего дотрагиваются, а то, чего они не видят, и до чего не дотрагиваются, считают несущественным. Воспитывая детей, мы внушаем им, что имеет значение только то, как они **выглядят** в глазах других людей. В результате, люди возлагают свои надежды на бранный видимый мир, а не на постоянство мира невидимого. В свое время, Гурджиев назвал это "виденьем реальности в перевернутом отражении собственной реальности", так что "муха становится слонем, а слон — мухой".

Можем ли мы согласиться с этой крайней точкой зрения, утверждающей, что человеческая жизнь коверкается образованием, которое является причиной того, что люди теряют души? Образование концентрирует все наше внимание на знаниях, и вообще не предает значения пониманию. Подвергая детей такому влиянию, мы предопределяем, что к началу взрослой жизни они теряют себя, становясь полностью зависимыми от внешних вещей - имущества, мнений других людей, внешнего вида и т.п. Другими словами, у них нет "Я".

Очень важно понять, каким образом, получается, что, считая духовный мир отражением материального, мы теряем возможность обрести свое собственное "Я". "Я" не относится к видимой самости, и, тем не менее, именно так все преподносится детям. Возможно ли возвращение к таким традициям воспитания, когда детей никто не побуждает лицемерить ради того, чтобы их заметили?

Относительно сравнения с двумя потоками, следует, наверное, сказать, что Гурджиев старался передать некую определенность в судьбе обладающих "Я". Однако образ "тихого течения среди бескрайних равнин" несколько осложняет понимание. Так или иначе, необходимо иметь в виду социальные последствия того, что большинство людей достигает ответственного возраста без собственного "Я".

Гурджиев пишет об общем психозе, которому подвержено человечество, а также о таких приспособительных методах Великой Природы, применяемых для поддержания "равновесия", как изменение частоты

рождаемости и "ритма общей психики". В конце концов, он подводит читателя к выводу о главном социальном последствии: "жизнь человечества ... как должен констатировать каждый здравомыслящий человек, сегодня может протекать более или менее сносно, только если люди разделяются на хозяев и слуг. Почему это так? Почему следствием стало именно такое разделение человечества на два потока?"

Сопоставляя жизнь людей, обладающих "Я" с жизнью людей, "Я" не имеющих, мы не должны путать этот вопрос с идеей совершенного бытия. "Я" - это начало. Если у человека есть "Я", это означает, что его жизнь будет развиваться в определенном направлении, но это не означает, что такой человек будет всегда действовать правильно. Против эгоизма гарантий не существует, и между разными людьми всегда найдутся отличия.

1 Все и Вся, стр. 1234-5.

Вопрос о собственном "Я" перекликается с главой "Организация за существование человечества, созданная Его Святейшеством, Ашиата Шиешем". В частности, об этом говорится в связи с пятым облигонипским стремлением - помогать друг другу в достижении стадии собственной индивидуальности, мартфотай, человека, которого можно действительно назвать Мастером.

Необходимо понять, что проблема коллективного человеческого существования может быть решена, если каждый человек будет просто "самим собой". Возможно, как я уже говорил, понимание этого обстоятельства затрудняется образом широких равнин и непрерывного потока, который приводит Гурджиев в своей книге.

Человечество всегда пыталось выяснить, каким образом зародилась цивилизация в ее сегодняшней форме, и каковы следствия этого события. Все началось приблизительно 5,000 лет назад, во время образования городов-государств, в которых были гораздо большие скопления людей, чем когда-либо раньше. Тогда же появилась торговля и первые денежные системы. Следует ответить, что изобретение денег сконцентрировало внимание людей на видимых, измеримых ценностях, и вещи стали оцениваться не по их непосредственному практическому значению в нашей жизни, а с точки зрения какого-то эталона. Конечно, это может показаться вполне разумным новшеством, но оно увело внимание людей от первостепенных нужд человеческой жизни. Таким образом, был сделан шаг в сторону от жизни, и в людях начала укрепляться вера в существование внешних ценностей, оцениваемых с позиции выгоды, денег и имущества.

Люди стали приобретать узкие специальности. Вследствие этого, возникли государственные организации и правительственные системы, уводя внимание людей еще дальше от жизни. Как подсказывала Гурджиеву интуиция, и согласно сохранившимся преданиям, до того времени не существовало никакой социальной стратификации или разделения общества на касты. На самом деле, мы не располагаем сведениями о признаках социальной жизни ранее третьего тысячелетия до Р. Х.

В следующем историческом периоде мы встречаем священнослужителей, которые рассуждали о духовных ценностях, используя терминологию материального мира, как будто их можно пересчитать в денежном эквиваленте, наподобие пицци, ножей или садового инвентаря.

Впрочем все это не объясняет утверждения Гурджиева, что есть необходимость в существовании хозяев и рабов. Он даже говорил: "Хотя деление совместно существующих, подобных нам детей ОБЩЕГО ОТЦА, недостойно человека ... мы должны приспособливаться к этому" Мы должны заставлять себя изучать это коллективное существование, и какими могут быть люди по отношению друг к другу, когда у них нет собственного "Я".

У людей без "Я" есть пустота внутри, которая заполняется, либо собственной властью, либо чужой властью. Если кто-то говорит вам, что делать, и как вести себя, у вас возникает иллюзорное чувство безопасности, то есть, положение раба удовлетворяет жажду безопасности. Статус хозяина подменяет "Я", и пустота заполняется властью над другими людьми. На самом деле, хозяева и рабы находятся в одинаково затруднительном положении.

В своей собственной схеме общества, я присвоил людям, не заботящимся о реализации собственного бытия, название психостатической группы. В таких людях действуют две силы: власть и зависимость. Это два способа заполнения внутренней пустоты у людей без "Я"; это два прибежища эгоизма. Таким образом, можно выделить четыре комбинации: людей, полностью сосредоточенных на власти, я назвал лидерами, то есть, хозяевами, полностью зависимых людей я назвал иждивенцами; тех, кто проявляет власть не в отношении людей, а в отношении материалов в творческой деятельности, деятелями искусства, или ремесленниками; а тех, кто выражает свою зависимость на производстве или службе - производителями. Давайте теперь разовеьм эту тему. В любом государстве, которое только можно представить, должно быть разделение функций, и разные люди должны выполнять эти разные функции. Должны также быть сильные и слабые, это будет сказываться на том, что могут делать люди, и на их взаимоотношениях. В обычных условиях жизни, зависимость всегда означает рабство: каким образом сильный может помогать слабому, избегая, при этом, отношений власти и подчиненности?

Вся беда в том, что сильный не может помогать слабому, не проявляя при этом власти. Такая ситуация постоянно повторяется в истории: власть во имя добра и оказания помощи. В Восточную Индию голландцы отправились с благими намереньями, принесли вместе с собой высокий социальный порядок и достаток; и все же, это были отношения власти и зависимости. При этом голландцы не могли понять недовольство местного населения. Такое положение вещей повторялось снова и снова. В идее о том, что благодаря помощи слабым со стороны сильных может образоваться хорошее общество, есть какая-то ошибка.

Рассказы Вельзевула написаны очень продуманно, и содержат в себе все необходимые подсказки. Эта книга не может ввести в заблуждение, и, тем более, в ней ничего ложного. Одну из важнейших подсказок я уже

цитировал: "дети общего Отца". Эти слова имеют отношение к "Я", и мы должны разобраться в них. Не существует разницы между "Я" одного человека и "Я" другого человека. Одно "Я" не может быть хозяином другого, поскольку все они являются частицами одного Бога, а Бог не может быть более великим в одной своей части, и менее великим в другой. Если понять это, то невозможность отношений власти и подчиненности между разными я становится очевидной. Если рассматривать людей с этой точки зрения, то у нас не будет появляться ощущения, что этот человек лучше, а тот - хуже, этот находится в более привилегированном положении, а тот - в менее. В случае "Я" не может быть разделения на высшее и низшее. "Я" человека — это его воля. Эта воля является его собственной индивидуальной и уникальной волей. Это он сам, и, в то же время, это Бог.

Бог не является чем-то посторонним для нас, другой, внешней Волей. Он не отделен от нас, и, тем не менее, каждый из нас независим и свободен. В связи с этим, те, кто обладает собственным "Я", не чувствуют себя ни лучше, ни хуже, ни выше и ни ниже, по сравнению с другими людьми. Им не нужно самоутверждаться, или, наоборот, подчиняться кому-либо, для того чтобы чувствовать себя "по-настоящему живыми".

Вместе с тем, с позиции проявления, у каждого в этом мире своя роль. Говоря об обществе без "хозяев" и "рабов" я отнюдь не имею в виду ситуацию, когда каждый делает одно и то же - пахнет свое поле, строит свой собственный дом, печет свой хлеб и живет своей собственной уникальной и обособленной жизнью. Напротив, я имею в виду полностью согласованное общество, в котором у каждого есть своя роль. Важно то, что у каждого должна быть полная личная независимость, и независимость работы. Причем, это относится ко всему, даже к дарам духа. Как говорил Св. Павел, дары разные, но дух един. Это обстоятельство, как правило, остается без внимания, поскольку мы слишком привыкли смотреть на жизнь с позиции видимости и осязаемости. В эпизоде, о котором сейчас идет речь, Гурджиев подчеркивает неспособность людей видеть, что "Я" одинаково у всех людей. Именно это лежит в основе, например, лозунгов Французской Революции: равенство, братство и т.п. Впрочем, эти лозунги имеют значение лишь для тех, у кого есть собственное "Я". С точки зрения "Я", все мы свободны, равны, и можем обоснованно называть друг друга братьями и сестрами.

Если бы только мы могли понимать временность своих ролей, что они, как маски, которые мы надеваем и снимаем. В случае взаимоотношений хозяина и раба, хозяин отождествляет себя со своей ролью, считая, что у него есть на это право. Другое дело, если вы играете роль, просто потому, что пришел ваш черед, потому что так случилось, что вам пришлось занять это место.

Очень хорошо, если роли меняются, и нет каких-либо привязанностей в этом смысле. У меня нет никаких сомнений в том, что мы должны уметь переходить от роли учителя к роли ученика, и наоборот. Играя свою роль как можно лучше, не отождествляясь с ней, мы можем обрести свое "Я". Если же человек отождествляется со своей ролью, она занимает место его "Я", становясь ложным "Я". В этом случае, человек подменяет свою Индивидуальность эгоизмом и эгоцентричностью. Индивидуальность же,

абсолютно не эгоистична, она не замыкается на нас самих и не имеет собственного центра.

Это та истина, о которой повествуют руку. Сначала, мы обращаемся к собственной индивидуальности, затем, понимаем, что есть воля, которую мы разделяем с другими людьми, и, наконец, осознаем наличие единого источника, из которого все происходит, и который является объединяющим центром. Воля обладает одним, непостижимым, с обычной точки зрения, свойством: она может быть уникальной и индивидуальной в случае каждого существа, и, в то же время, единой для всех; причем, не только в том смысле, что у нее единый источник - Бог, но также и в отношении единства воли в обществе.

Так, определенное количество людей, по крайней мере, некоторое время, может обладать единой волей. Секрет единства воли заключается в единстве взглядов. В свою очередь, единство взглядов позволяет волям узнавать друг друга, и становиться подобными единой воле. Тогда, они могут работать вместе, без какой-либо власти.¹

Гурджиев говорит о том, что мы "дети общего Отца". Это исключительно важное утверждение, и является одним из принципиальных положений Христианства. Как следует понимать то, что мы носим в себе нечто от Отца? При этом понятие "Отец" значительно отличается от понятия "Творец", так как творец создает вещи вне себя. Отец, Бог, вошел в нас. Если бы это было не так, слово "отец" не имело бы смысла. В то же время, поскольку Бог неделим, это означает, что Бог полностью входит в нас. Эту грандиозную мистическую тайну мы просто должны принять. Наш ум не способен постичь, каким образом мы можем одновременно быть, как индивидуумы, с уникальной, индивидуальной волей, так и сопричастниками общей воли человеческого общества, или жизни, или даже воли Источника всего существующего, воли Бога.

¹ Беннетт имеет в виду эксперименты, начатые им в Шерборне (Англия) под общим названием "Особые Проекты", и в которых люди выполняли вместе практическую работу, исходя из общности взглядов относительно предстоящей работы. Эти эксперименты имели продолжение, и оказались удивительно удачными. Люди сами находят свое место, и никому не приходится говорить, что он должен делать.

Невозможно объяснить эту тайну логическим способом, не нарушив при этом ее целостности. Получается, что, либо человек обладает свободной волей, и тогда он не зависит от воли Бога, либо воля Бога присутствует во всем, и тогда человек полностью зависит от Бога, и мы возвращаемся к иллюзии зависимости и власти. К сожалению, мы слишком привыкли к слову "Всемогущий", и думаем, что Бог каким-то образом властвует над нами, и наша воля является чем-то зависимым. Это не так, но понять и осознать, что это действительно не так, очень трудно. Несколько легче понять и уважать индивидуальность других людей, и освободиться от потребности во власти или зависимости. Если же мы не видим этого в людях, то мы, значит, все еще смотрим на мир глазами органа Кундабуффер.

Понимание того, что мы все являемся детьми одного Отца, стало колоссальным шагом вперед, приведшим человечества от веры в особых полубожественных людей, к вере в то, что Бог пребывает в **каждом из нас**.

Эта новая концепция появилась во всех религиях, начиная с двух с половиной тысяч лет назад. Мы сейчас находимся на той стадии, когда должен быть сделан новый шаг. Тем не менее, разделение на два потока будет оставаться еще очень долго, вероятно, еще двенадцать тысяч лет.¹

*Переход из одного потока в другой означает переход из психостатической группы в психокинетическую группу общества. Психокинетическому потоку суждено влиться в бескрайний океан, символизирующий психотелеологическую группу. Однако обладания собственным "Я" не достаточно для изменения взгляда на жизнь, **необходимого для целей общества:** незаинтересованность в зависимости или власти, независимость от внешней жажды накопления имущества или власти. Настоящее значение имеет только понимание того, что "Я" одного человека имеет такой же статус, как и "Я" любого другого человека.*

В конце книги, Гурджиев говорит, что, несмотря на то, что мы пострадали в результате "катаклизма, не соответствующего закону", и на то, что на исправление этой ситуации не хватило бы даже человеческой жизни и потребовалось бы гораздо больше времени, должен быть какой-то компромисс. Поэтому, мы должны учиться играть роль хозяев, с пониманием того, что мы не по праву занимаем это место. Если я играю роль вашего учителя, это не означает, что я выше вас, и что я занимаю это положение, потому что я что-то собой представляю, а вы - нет. Если бы я даже помышлял о таком, это бы означало, что я скатился назад, в состояние катаклизма и суждения по внешним признакам, то есть, например: я старше, и знаю то, чего не знаете вы. По вине катаклизма,

¹ Это половина Большого Цикла в 25,000 лет. Это то время, которое затрачивается на изменение самой природы человека. См. также Дж. Г. Беннетт, *Учителя Мудрости*.

Прежде чем я прочел книгу Рассказы Вельзевула, что случилось только в 1948 году, вследствие запрета Успенского, я использовал для выражения этого понятия термин "психокинетический".

Эпилог

Двадцатого октября 1949 года я отправился в Париж, предварительно справившись о Гурджиеве по телефону. Мне сказали, что он в полном истощении и не выходит из своей комнаты. Такси доставило меня из аэропорта на улицу Дез Аказиас, где я вышел и остановил одного из многочисленных учеников Гурд-жиева, чтобы узнать от него новости. Поворачиваясь, я вдруг заметил Гурд-жиева, стоявшего у прилавка с фруктами в своем любимом магазине. Я застал его за покупкой большой грозди бананов "pour les anglais".¹ Он любил в шутку говорить, что у англичан нет бананов, и поэтому гостям из Англии следует давать по два банана каждый раз, когда они садятся за стол.

Я вернулся вместе с ним в его кафе на углу улицы Дез Аказиас и авеню МакМагон. Так как Гурджиев не выходил из дома всю прошлую неделю, нескончаемый поток французских нищих, а также пожилых русских и армянских эмигрантов потянулся к его столу за милостыней. К нему подошел молодой, частично парализованный человек и женщина, явно

находившаяся на грани отчаянья. Незгромко произнесенный совет - какое-то лекарство, или указания врачу - и они отошли от стола с воодушевлением и новой надеждой. Затем, кто-то подошел и преподнес Гурджиеву большую сумму денег в качестве благодарности за излечение от паралича. Вскоре, она уже была роздана нищим. Дети приходили попросить конфет, соседи подходили поприветствовать его. Все вокруг радовались, надеясь, что он снова поправится, и никто не думал, что видит его в последний раз.

Такими были последние недели жизни Гурджиева. Похоже, они не хотел оставить после себя никакого беспорядка. И действительно, с каждым днем после его смерти мы все больше удивлялись тому, как он все предусмотрел.

Идея проекта и общая редакция ДОЛГОПОЛЬСКОГО Л. Н.

Перевод с английского ДОЛГОПОЛЬСКОГО А. Л.

Эта замечательная работа выдающегося мыслителя, ученого, духовного учителя и самого талантливого ученика Г. И. Гурджиева представляет собой комментарии к первой серии, исключительно трудной для восприятия, знаменитой Гурджиевской трилогии "Все и Вся", являющейся без сомнения одной из важнейших книг, написанных в XX столетии. Еще при жизни Гурджиева, многие ученики Беннетта просили его разъяснить смысл трудных слов и, еще более трудных идей, содержащихся в этой книге. Сам Гурджиев просил Беннетта делать это как можно лучше, говоря, что он сможет рассказать то, что хочет только тем ученикам, которые внимательнейшим образом изучили "Рассказы Вельзевула".

В течение двадцати лет Беннетт постигал смысл этой книги и помогал другим понять его. Он писал: "Во "Все и Вся" содержатся прозрения значительно более глубокие, чем то, что доступно мне, и человеку, который чувствует потребность найти не просто новое мировоззрение, но и новый способ жизни, я советую взять гурджиевскую книгу и изучить ее, как я сам это делал. Раз тридцать внимательно прочтя ее, я каждый раз находил в ней новую глубину смысла и - приятно отметить - новое подтверждение, что основная концепция моей работы находится в соответствии с прямой интуицией гения, который я, не колеблясь, назову сверхчеловеческим". Таким образом, каждый в меру своих возможностей должен сам работать над пониманием "Рассказов Вельзевула своему внуку", взяв за основу то, что сделал для нас Беннетт.

Между 1949 и 1974 гг., с согласия Гурджиева, Беннетт провел серию бесед, в которых постарался раскрыть основной смысл Рассказов Вельзевула. Именно эти беседы и были собраны в настоящей книге.

Спонсорская поддержка: М. СОПКО, П. СОПКО.

*Все права на русский перевод книги **ПРИНАДЛЕЖАТ ВСЕМ.** Любые перепечатки и копирование в электронной, механической, магнитофонной и любой другой форме **ПРИВЕТСТВУЮТСЯ.***